

АРХЕОЛОГИЯ СССР

СВОД
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ

ВЫПУСК
Б 3-8

И. Н. ХЛОПИН

ПАМЯТНИКИ РАЗВИТОГО ЭНЕОЛИТА
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ТУРКМЕНИИ

АРХЕОЛОГИЯ
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ СССР

СВОД
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА
Б. А. РЫБАКОВА

БЗ—8

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград · 1969

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ЭНЕОЛИТ ЮЖНЫХ ОБЛАСТЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Часть III

И. Н. ХЛОПИН

*ПАМЯТНИКИ РАЗВИТОГО ЭНЕОЛИТА
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ТУРКМЕНИИ*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград · 1969

Ответственный редактор

В. М. МАССОН

ВВЕДЕНИЕ

Третья часть «Свода археологических источников» из серии «Неолит южных областей Средней Азии» посвящена поселениям древних земледельцев, расположенным в Юго-Восточной Туркмении: в восточных предгорьях Копет-Дага и главным образом в Геокюрском оазисе. В археологическом отношении издаваемые памятники относятся к периоду развитого неолита, или (по принятой периодизации Б. А. Куфтина) ко времени Намазга II (табл. I).

В предыдущих выпусках САИ был рассмотрен материал из поселений времени раннего неолита Южной Туркмении (Хлопин, 1963б), развитого неолита Юго-Западной Туркмении (В. Массон, 1962а) и позднего неолита Юго-Восточной Туркмении (Сарианиди, 1965б). Автор полагает, что читатель в какой-то степени уже знаком с опубликованными выпусками, и в предлагаемой части воздерживается от повторений. Во вводных замечаниях к предыдущим выпускам была сделана попытка сформулировать точку зрения на современное состояние изучения проблем истории древнего населения Южной Туркмении, которая за это время не претерпела особых изменений. Это опять-таки способствует исключению ряда общих положений, касающихся вопросов стратиграфии и некоторых других.

Период развитого неолита, период Намазга II, был выделен в соответствующих слоях шурфов Намазга-Депе и на ряде памятников Западного района (В. Массон, 1962а). По периодизации Г. Шмидта, этот период характеризуется наличием в соответствующих слоях северного холма Анау своеобразной керамики с полхромной орнаментацией и называется Анау II. В Восточном районе при раскопках поселений была найдена такая же керамика, но в отличие от Западного района она не является там определяющей. В роли последней выступает посуда с орнаментацией иного типа, а именно украшенная монохромной росписью в виде нескольких горизонтальных полос вдоль венчика сосуда. Такая система орнаментации представляет собой в комплексе настолько своеобразное явление, что представлялось возможным выделить ялангачский период в развитии культуры Восточного района. Этот период в целом синхронен времени раннего Намазга II Западного района, что четко устанавливается по находкам

керамики типа Намазга II. В абсолютных датах период следует относить ко второй половине IV—началу III тыс. до н. э. Радиоуглеродные даты поселений Геокюрского оазиса дали ошибку примерно в два тысячелетия, и поэтому не принимаются нами в расчет.

Восточный район расположен в границах своеобразного треугольника, вершинами которого, грубо говоря, можно считать населенные пункты Душак, Геокюр и Чаача. Основные исследованные памятники названного периода находятся в Геокюрском оазисе: Геокюр 1, Акча-Депе, Ялангач-Депе, Муллали-Депе, Айна-Депе, Геокюр 7 и Геокюр 9 (рис. 1). Кроме того, слои указанного периода мощностью в 4,5 м были затронуты шурфом на Илгынды-Депе у Чаача (Ганялини, 1959), а также на Серманча-Депе у Арман-Сагата. Наличие аналогичных слоев вполне вероятно на Улуг-Депе у Душака, Алты-Депе у Меана и на Серахском поселении, но планы археологов до них еще не дошли.

В Геокюрском оазисе памятники ялангачского периода раскапывались автором (Ялангач-Депе, Муллали-Депе, Айна-Депе), В. М. Массоном (Чонг-Депе, Геокюр 7, Геокюр 9) и В. И. Сарианиди (Геокюр 1, Акча-Депе), работавшими в составе Каракумского отряда ЛОИА (XIV отряда ЮТАКЭ). Большая часть материалов хранится в Ленинграде, а незначительная часть (Акча-Депе) — в Москве. Остальные памятники раскапывались и обследовались силами Сектора археологии ИИАЭ АН Туркменской ССР (А. Ф. Ганялини, Д. Д. Дурдыев, А. А. Марушченко).

Несмотря на то что предлагаемый читателю выпуск САИ посвящен всему Восточному району культуры племен с расписной керамикой, контуры которого были очерчены выше, в нем представлен по существу материал из поселений Геокюрского оазиса. С одной стороны, это объясняется отсутствием возможности использовать находки из юго-восточных предгорий Копет-Дага (материалы не изданы и хранятся в Секторе археологии ИИАЭ АН Туркменской ССР). С другой стороны, как показано ознакомление с указанными материалами, они немногочисленны и малообразовательны, а главное полностью соответствуют находкам из геокюрских поселений. Принимая во

внимание вышесказанное, автор счит возможным составить этот выпуск САИ без них, поскольку включенные в него материалы всесторонне характеризуют избранный для исследования исторический период, период развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении.

Цель данного выпуска — полное издание находок с поселений Геокюрского оазиса времени Намага II. В первом разделе приводится описа-

ование. Как в первом выпуске (Хлопни, 1963б), так и в этом, третьем, главный упор сделан на издании материалов и на анализе керамической орнаментации, в то время как ряд теоретических вопросов затронут в самых общих чертах. Это объясняется тем, что теоретические вопросы подробно рассматриваются в книге «Геокюрская группа поселений эпохи энеолита» (Хлопни, 1964б), где зато материалы раскопок приводятся

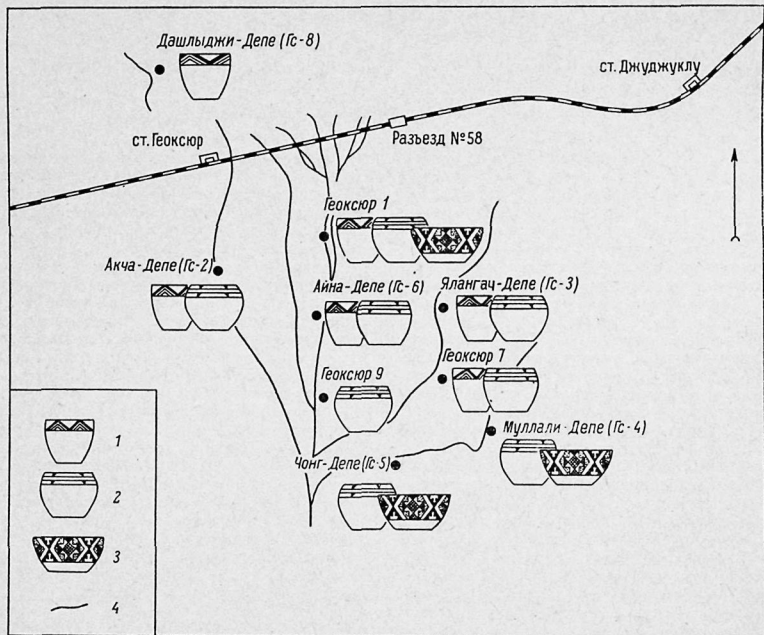

Рис. 1. Схема расположения памятников в Геокюрском оазисе.

1 — слои дашлыджинского периода (позднее Намага I); 2 — слои ялангачского периода (Намага II); 3 — слои геокюрского периода (позднее Намага II — раннее Намага III); 4 — восстановленные русла древней дельты Теджена.

ние памятников с характеристикой остатков построек, вскрытых на каждом поселении. Второй раздел посвящен характеристике и анализу сделанных находок, причем в основном он содержит анализ керамики и ее орнаментации, сделанный в определенной последовательности: классификация керамики и ее орнаментации, описание керамики по памятникам, вопросы хронологии, вопросы происхождения ялангачского орнаментального комплекса и его дальнейшие судьбы. Затем идет классификация антропоморфной и зооморфной скульптуры. В заключении предлагается сжатая историко-культурная характеристика развитого энеолита южных сельскохозяйственных областей Средней Азии.

Еще один момент нуждается в специальной

в обобщенном виде, а орнаментация керамики не рассматривается вовсе. Таким образом, оба выпуска САИ и названная книга являются в сущности тремя частями одной работы и при дальнейшем изучении энеолита Южной Туркмении этими изданиями надо пользоваться совместно.

Данный выпуск САИ полностью окончен в 1985 г. За прошедшее время изучение периода энеолита юго-запада Средней Азии не продвинулось, так как исследование памятников Южной Туркмении переместились в более поздние периоды, а именно в эпоху бронзы. Это позволило пустить в печать данный выпуск САИ практически без изменений, хотя библиография и доведена до последнего времени.

ПАМЯТНИКИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ТУРКМЕНИИ

Геокюр 1 — центральное поселение Геокюрского оазиса (над уровнем равнины оно возвышается на 10 м, его площадь около 12 га). Расположено в 20 км восточнее г. Теджена и в 8 км к юго-востоку от станции Геокюр Среднеазиатской железной дороги.

Обследование: А. А. Марущенко (1939 г.), С. А. Ершов (1950 г.), В. М. Массон и В. И. Сарнианиди (1955 г.). Раскопки: В. И. Сарнианиди (1956, 1957, 1960, 1962—1965 гг.). Коллекции хранятся: Музей истории АН ТуркмССР (Ашхабад), ЛОИА АН СССР (Ленинград), ИА АН СССР (Москва). Литература: В. Массон, 1957б; Сарнианиди, 1959б, 1960, 1961, 1965б.

В 1957 г. толща культурных напластований холма была прорезана до материкового аллювия стратиграфическим шурфом, прошедшим десять строительных горизонтов (Сарнианиди, 1960). Три нижних горизонта относятся к дашлыджинскому периоду (Хлопня, 1963б), четыре средних — к ялангачскому, а три верхних — к геокюрскому. Таким образом, находки интересующего нас времени залегали в VII—IV строительных горизонтах шурфа общей мощностью в 4,5 м (табл. III).

Слой ялангачского периода были затронуты также в раскопе № 3 на юго-западной окраине холма. Там была вскрыта часть оборонительной стены — круглое в плане помещение (диаметр 3,6 м) и отходящие от него отрезки стен (табл. IV, I).

В сборах на поверхности холма найден ряд обломков женских статуэток, типологически относимых к этому периоду (табл. IV, 19—25).

Арка-Депе (Геокюр 2) (табл. V, I). Расположено на западной окраине Геокюрского оазиса в 6 км на юго-юго-запад от станции Геокюр. Его размеры 145×115 м, высота местами доходит до 7,5—7,75 м, а на вершине имеется четкая площадка размером около 40×50 м.

Обследование: В. И. Сарнианиди (1956 г.). Раскопки: В. И. Сарнианиди (1960 г.). Коллекции хранятся: ИА АН СССР (Москва). Литература: Сарнианиди, 1962б; Хлопня, 1964б.

На верхней площадке был вскрыт участок поселения площадью около 400 м², где было расчищено и оштукатурено 28 помещений (из них полностью 8, один двор и один проход). Стены всех помещений сложены из формованного прямо-

угольного сырцового кирпича с саманом (42—44×23—25×12 см) и во многих случаях покрыты штукатуркой.

При продвижении по проходу в глубь поселения, т. е. с северо-запада на юго-восток (табл. V, 2), по правой стороне первым расположен большой прямоугольный двор (помещение 20) с крупной врытой корчагой, а рядом с ним вытянутые вдоль прохода три помещения. Первые два (19 и 18) имеют некоторые позднейшие встройки, и их назначение остается неясным. Далее расположено помещение 17. В нем находится прямоугольная двухчастная печь с сильно прокаленными стенками. Конструктивные особенности в сочетании с расположенной поблизости (в помещении 1) свалкой бракованной посуды позволили предположить, что эта печь была предназначена для обжига посуды (Сарнианиди, 1963б).

К юго-востоку расположены помещения 5 и 10. Первое помещение почти квадратное в плане и интересно своим внутренним оформлением. Вдоль его северо-восточной стены сооружена глинобитная прямоугольная платформа — подиум, окруженная валиком высотой до 12 см. На одном из ее углов сохранился конический глиняный столбик; судя по следам, такой же столбик находился по крайней мере еще на одном углу. Внутреннее пространство подиума разделено ступенчатой или валиком высотой 8 см на две примерно равные разновысокие части. Та, которая находится в удалении от северного угла, покрашена до желтого цвета. На ней находился плотный слой золы толщиной около 4 см. Произведенный разрез этого сооружения поперек более высокой части показал, что для ее возвышения над уровнем пола насыпан слой чистого песка, а на него нанесена глиняная обмазка.

Вторым интересным зданием является круглое в плане (диаметр 3,3 м) помещение 13. Оно расположено почти в центре холма напротив помещения 5 (через «улиду»). Стены его необычайно толстые: они выложены из четырех рядов сырцового кирпича. Хотя это здание было вскрыто не до конца, однако уже его вскрытая часть позволяет сделать некоторые наблюдения. Так, оно имеет глинобитный пол и его стены заметно наклонены внутрь. Каких-либо сооружений на полу во

высвободившейся части и следов входа в него пока не найдено.

Ялангач-Депе (Геоксюр 3) (табл. VIII, 1). Расположено в 15 км на восток-юго-восток от станции Геоксюр. Холм овальный в плане. Его размеры по осям 130×95 м, а мощность культурных слоев равна 5,4 м. Он возвышается над уровнем равнины на 4,6 м.

Обследование: В. И. Сариниди (1956 г.). Раскопки: И. Н. Хлопци (1957, 1959, 1960 гг.). Коллекции хранятся: ЛОИА АН СССР (Ленинград). Литература: Хлопци, 1958, 1961б, 1963а, 1964б.

Верхний строительный горизонт поселения, вскрытый на площади около 750 м², содержит ряд помещений, окруженных обводной стеной (табл. VIII, 2). Все постройки были возведены из формованного прямоугольного сырцового кирпича с саманом (35—40 × 25 × 10 см). Сохранившаяся часть ограды состоит из четырех отрезков стены (длина примерно одинакова: 7,4—8,5 м) толщиной 60 см. Некоторые из отрезков были усилены изнутри контрфорсами. В местах стыка стен сооружены круглые в плане постройки, которые условно можно назвать башнями; состав культурного заполнения и некоторые детали интерьера позволяют предполагать, что они использовались в качестве жилищ. Их диаметры колеблются от 3,8 до 4,5 м; сохранность построек различна. Помещение 11 имеет вход с порогом, обращенный внутрь ограды; в помещении находится прямоугольный выступ, который мог выполнять функции стола, и круглое сооружение, образованное глинобитным валиком; следов разведения огня там обнаружено не было.¹ Из находок в нем следует отметить более 15 яйцевидных ядер для пращи из необожженной глины, имеющих не более 5 см в поперечнике. Оттуда же происходит фрагмент крупной женской статуэтки (левое бедро) с остатками росписи в виде нескольких солярных кругов (табл. XV, 11). В круглом помещении 9 не найдено входа, но сохранился небольшой прямоугольный очажок у стены.

Внутри ограды расположена группа построек. Помещение 1 ориентировано углами по странам света. Его площадь 37 м², стены сложены из двух рядов сырцового кирпича (36—38×27—25×10 см) без поперечной перевязки, стены и пол покрыты тонкой коричневой штукатуркой. В юго-восточной стене имеется дверной проем с высоким порогом. Внутри помещения, слева от входа, сооружен прямоугольный выступ, а в северной четверти здания — прямоугольный подиум, ограниченный высоким (12—15 см) валиком. Его внутренняя поверхность возвышается на несколько сантиметров над уровнем пола, покрыта хорошей обмазкой и разделена поперек валиком на две неравные части. Меньшая имеет слабые следы воздействия огня, на большей части их нет.

¹ Не исключена возможность, что в данном случае мы натолкнулись на один из наиболее ранних круглых жертвенников, которые известны по материалам холмов Айна-Депе, Геоксюр 1 и Чон-Депе (Хлопци, 1964а). Утверждать это, однако, трудно из-за его плохой сохранности.

К помещению 1 примыкает помещение 2, которое сохранилось значительно хуже. Его стены сложены из одного ряда кирпичей, а на уровне пола были расчищены остатки подиума меньших размеров.

Третье помещение внутри ограды — круглое здание 12 диаметром 6,1 м. Плохая сохранность его стен не позволяет определить местонахождение входа. Внутри лежат без всякой системы многочисленные обгорелые кирпичи — свидетели сильного огня. Назначение этого интересного сооружения осталось непонятным.

К северо-западу от отрезка стены, между помещениями 8 и 9, который как бы разделяет поселение на две части, сохранились остатки двух круглых зданий, отрезки длинных стен и сооружения из десяти параллельных стенок. Уловить какую-либо систему в планировке указанных построек трудно.

Второй строительный горизонт поселения Ялангач-Депе был вскрыт на площади около 700 м² (табл. VIII, 3). Размеры здания 1 те же, что и в первом горизонте, лишь уровень пола фиксируется на 50 см ниже. Перед его входом расположено прямоугольное помещение 8; к юго-западу от него — остатки помещения 2, а к северо-востоку — помещения 6 и 7 с хорошо сохранившимися дверными проемами. Стены помещения 6 покрыты тонкой штукатуркой зеленовато-черного цвета. Обе комнаты не содержат никаких находок, поскольку были плотно забиты сырцовым кирпичом, который служил своеобразной подушкой для обводной стены вышележащего комплекса. Заполнение такого же характера наблюдается и в помещении 5 — почти квадратной комнате с толстыми стенами, разделенной пополам парой прямоугольных выступов.

Помещения 10—12 были сильно нарушены постройками на них отрезком обводной стены верхнего строительного горизонта. Несмотря на это, удалось установить, что два из них имели хорошо обмазанные стенки и полы (10 и 11), а в третьем (12) были встроены параллельные стенки. Понять конструктивные особенности последних позволило помещение 20, хотя их назначение до сих пор еще остается не совсем ясным. Расположенные рядом шесть прямоугольных баз, по всей вероятности, служили опорой для деревянного настила. Между ними найдены битая посуда, подделки из кости и меди; все это могло туда попасть провалившись сквозь щели в пастиле.

В западной части поселения расположен архитектурный комплекс из десяти помещений, представляющий собой отдельный ансамбль и, как кажется, мало связанный в планировочном отношении с вышеописанными постройками.

Помещение 4 представляет собой прямоугольную комнату площадью 10 м², вход в нее, имеющийся тщательно обмазанный глиной порог, находится в юго-восточной стене. Перед входом расположена выложенная кирпичом площадка, ограниченная стенкой. Пол и стены помещения покрыты тонкой зеленой штукатуркой. Слева от входа в выступе дома помещается очаг, значи-

тельно приподнятый над полом. Прямоугольная двухчастная жаровня (1,2 × 0,8 м), окруженная невысоким глиняным бортиком, находится в северном углу помещения. Кроме того, следует отметить прямоугольный выступ на северо-восточной стене, вблизи от дверного проема.

Помещение 13 почти вдвое меньше по площади (5,5 м²), примыкает к вышеописанному и повторяет его планировку, но не имеет очага. Вход в него снаружи огражден; площадка перед входом вымощена сырцовым кирпичом. Внутри ограждения находится круглая яма (диаметр 0,5 м), обмазанная глиной на толщину 3 см. Она была заполнена землей и битой посудой.

Помещение 18 (площадь 10 м²) отделено от предыдущих нешироким проходом. Перед входом расположена огражденная площадка с кирпичной вымосткой. Дверной проем имеет высокий порог. Очаг находится слева от входа, а выступ — справа.

К северо-западной стене помещения 4 примыкает помещение 16 площадью около 8 м², обращенное входом на северо-восток. В углу, слева от входа, расположен очаг, приподнятый над уровнем пола на 40 см. С боков он тщательно обмазан штукатуркой; состоит из двух частей: слева узкое прямоугольное отделение с сильно обожженными стенками, правая часть слегка углублена и слабо обожжена.

Северо-западнее находится небольшой двор, замыкаемый стеной. Вероятно, это стена следующего дома, поскольку на ней расположены едва уловимые остатки сырцовых кладок и следы очага-жаровни.

В юго-западной части двора находятся остатки еще двух сооружений, которые существовали несколько раньше, чем помещения 3, 14—17, но в рамках одного строительного периода.

Помещение 19 (площадь несколько более 4 м²) совершенно аналогично помещению 16. Небольшая разница заметна лишь в деталях конструкции очага, правая часть которого не обожжена, а гладко обмазана и представляет собой ровную поверхность.

Рядом расположено сооружение 20. Оно почти квадратное в плане (2 × 1,8 м) и образовано замкнутыми стенками толщиной 15 см, имеющими легкое расширение книзу. Пол этого сооружения представляет собой толстый (3—5 см) слой очень плотной глиняной обмазки, переходящей на стены при помощи выкружки. Под ней идет слой уложенных без связующего раствора (т. е. почти без швов) сырцовых кирпичей, которые перекрывают четыре параллельные стенки из поставленных на ребро кирпичей. Кирпичи пола уложены с таким расчетом, чтобы каждый кирпич опирался на две стенки. Создается впечатление, что перед нами не что иное, как своеобразное водохранилище.

В помещении 1 был вскрыт уровень третьего (сверху) строительного горизонта. Знание располагалось на том же месте и было ориентировано входом в ту же сторону, но его площадь несколько меньше (почти 28 м²). В этом горизонте справа от входа находился прямоугольный «стола»,

а в южном углу — небольшой отсек. Наиболее интересен глиняный налест (табл. VIII, 4) на юго-западной стене (размер 24 × 18 см по горизонтали), напоминающий перевернутую букву «Ш». Он равномерно покрыт пятнадцатью круглыми отверстиями, расположенными в один ряд. Отверстия сужаются в глубину и заполнены углем. Весь налест слегка обожжен.

Северо-западная половина помещения 1 была превращена в шурф, который прорезал еще три уровня полов. В четвертом полу обнаружена врытая в него крупная корчага диаметром 55 см с коническими стенками и подожженной придонной частью. Стенки до перегиба покрыты росписью в виде широких шевронов. В корчаге находились неорнаментированная корчага меньших размеров и оригинальное цилиндрическое изделие из обожженной глины со сквозным вертикальным отверстием (табл. XVI, 36) (Хлопин, 1964а).

Муллали-Дене (Геоксюр 4) (табл. XVII, 1). Расположено в 25 км на юго-восток от станции Геоксюр и представляет собой невысокий (3,5 м) холм распылячатых очертаний. Его размеры по осям 110 × 130 м, мощность культурных слоев доходит до 4,7 м.

Обследование: В. И. Сарниани (1956 г.). Раскопки: И. В. Шинкин (1959 г.), И. Н. Хлопин (1960, 1961 гг.), Г. Н. Лисицына (1962 г.). Коллекции хранятся: ЛОИА АН СССР (Ленинград), ИА АН СССР (Москва). Литература: Адыков, В. Массон, 1960; Лисицына, 1963а, 1965; Хлопин, 1964б.

Западный комплекс² — основной комплекс поселения. Состоит из помещений 7—27 (табл. XVII, 3). Главной и характерной его чертой являются обводные стены с включенными в их периметр круглыми в плане постройками. Эти стены охватывают поселение с трех сторон и образуют в плане неправильный многоугольник с выступающими по углам круглыми помещениями — «башиями». Всего насчитывается пять таких помещений (17—21) примерно одного диаметра (3,1—3,8 м) и пять отрезков стены шириной 60 см и длиной от 8,5 до 10 м.

Круглые помещения, включенные в линию ограды, имеют разную степень сохранности. Так, помещение 17 было настолько плотно забутовано сырцовым кирпичом, что оказалось невозможным установить не только наличие каких-либо внутренних сооружений, но даже мест дверного проема. Помещение 18 сохранилось хорошо в своей южной части, где прослеживается четкий дверной проем без порога. Помещение 19 также имеет дверной проем, прямоугольный очаг-жаровню и пол, состоящий из плотной многослойной промазки. Помещение 20 сохранилось хуже всех остальных: его стена прослеживается четко только с западной стороны. Помещение 21 имеет дверной проем и следы очага-жаровни (слева от входа). От этого помещения отходит следующий

² Поскольку восточный комплекс Муллали-Дене относится к раннегеоксюрскому времени, происходящие из него находки изданы в САИ БЗ-8, ч. IV (Сарниани, 1965б, стр. 27, табл. XVI, 54—70), а планировку его см.: Хлопин, 1964б.

отрезок стены длиной 10 м, но что находится на другом его конце — пока не установлено, хотя не исключена возможность наличия в этом месте следующего круглого здания. Ряд деталей внутреннего оформления круглых зданий (наличие глинобитного пола, очажков-жаровен, дверных проемов), а также характер заполняющего их культурного слоя позволяют сделать заключение об их использовании в качестве жилищ.

Внутри ограды находится прямоугольные постройки и иные сооружения.

Прямоугольное в плане помещение 7 ориентировано углами по сторонам света, площадь его 24,5 м². Стены имеют по всему периметру двойную кладку, причем вскоре после его постройки часть их была усилена изнутри встроеной стеной из поставленных на ребро кирпичей. Они покрыты беловатой штукатуркой в несколько слоев; пол плотный и также покрыт многослойной глиняной обмазкой. В юго-восточной стене помещения имеется дверной проем (ширина 60 см) хорошей сохранности с округлым в разрезе порогом. Внутри помещения, слева от входа, сооружен оштукатуренный прямоугольный выступ. В северном углу, ближе к северо-восточной стене, находится прямоугольное сооружение размером 195×105 см. Это жаровня-подиум, окруженная глинобитным валиком, плавно повышающимся к углам. Одна часть покрыта хорошо заглаженной зеленоватой обмазкой и приподнята над уровнем пола на 8 см. Другая часть находится на уровне пола и также покрыта штукатуркой, которая значительно обожжена. Обе части разделены ступенькой. Больше в помещении нет никаких сооружений, если не считать вертикально врытой в пол против входа, примерно в 80 см от него, плоской гальки с горизонтальным верхним краем.

Южный угол помещения 7 был срезан шурфом 1959 г. В разрезе отчетливо видно, что стены этого здания уходят в глубь культурных напластований холма примерно на 2 м. Однако, поскольку в разрез попала только кладка стены, невозможно с точностью установить количество уровней полов; все же исходя из глубины залегания основания здания 7 можно предположить, что оно имело не менее трех-четырёх периодов существования (табл. XVII, 2).

Перед входом, снаружи, находится помещение 16: узкая комната (типа вестибюля), частично уничтоженная шурфом. В углу сохранилась крупная зернотерка.

Рядом, к западу, расположено наиболее крупное помещение 9; его площадь 42,5 м². Оно заполнено плотным кирпичным завалом. Поскольку глубина залегания пола этого здания значительно больше, чем уровень пола в помещении 7, возникает некоторое сомнение в том, что оно существовало одновременно с предыдущим. Из-за незавершенности работ этот вопрос пока не поддается разрешению. Стены помещения 9 сложены в два кирпича и имеют светлую штукатурку. Где находился вход в него — неясно, так как самые тщательные поиски дверного проема не дали пока никаких результатов. В его юго-западном углу сооружен крупный очаг с узким топочным отвер-

стием и овальной в плане камерой, имеющей обожженные под и стенки. Под очага находится на значительной высоте над уровнем пола: на высокой платформе с оштукатуренными стенками. С юга к нему примыкает помещение 10. По всей вероятности, это была просто невысокая ограда без перекрытия.

Западнее располагается группа построек, преимущественно не связанных друг с другом. Помещение 11 сохранилось плохо, хотя, по-видимому, его можно считать остатками жилого дома. Оно было заполнено натечными слоями рыжего цвета, под которыми шел плотный кирпичный завал с уголками и известковыми конкрециями. Внутри имеется небольшой отсек, стенки его обмазаны окрашенной в черный цвет штукатуркой.

Помещение 15, видимо, было построено уже после сооружения обводных стен; его северная стена является одновременно и обводной. К западной стене помещения примыкает крупный очаг, очень плохо сохранившийся. У обводной стены в центре врыта в пол нерасписная корчага (сохранилась только нижняя часть), рядом с ней находился небольшой неорнаментированный сосуд, а у восточной стены положена крупная зернотерка. Стены комнаты сохранились настолько плохо, что оказалось невозможным установить место входа. На полу, состоящем из нескольких слоев глиняной промазки, в центре комнаты обнаружена большая россыль обугленного зерна.

К югу от помещения 11 расположены смежные комнаты 12 и 14. Отдельный вход с порогом в помещение 12 зафиксирован в его восточной стене. Внутри все помещение было заполнено плотным кирпичным завалом. Угол, справа от входа, отгорожен выступом и имеет докрасна обожженную штукатурку, хотя никакого сооружения, напоминающего очаг, обнаружено не было. Верх выступа оформлен в виде глубокой ванночки (или кормушки), которая образована поставленными на ребро кирпичами.

Смежное помещение 14 сообщается с предыдущим при помощи дверного проема с порогом. Оно заполнено рыхлым горелым слоем с небольшим количеством крупных углей. В нем встречаются куски обгорелых и необгорелых кирпичей, фрагменты керамики и расколотые кости животных. На хорошо обмазанном полу комнаты найдена россыль обугленных зерен.

К южной стене этого помещения пристроено своеобразное сооружение из двух параллельных стен длиной более 6 м, расстояние между которыми 1,5 м. Все пространство между стенами разделено на 5 частей поперечными перегородками. Назначение этого сооружения неясно.

Помещение 13 представляет собой прямоугольную в плане комнату. Ее северо-восточный угол отгорожен небольшим поперечным выступом. В западной стене, немного выше уровня пола, имеется три аккуратных прямоугольных сквозных отверстия. Эти отверстия, встреченные впервые в древнеземледельческой архитектуре, по всей вероятности, предназначались, согласно современным аналогиям, для вентиляции. Заполнение помещения в совокупности с равномерной прокален-

ностью штукатурки стен и обмазки пола свидетельствует о том, что здание погребено от пожара, в результате которого рухнула плоская крыша. Она состояла из нескольких крупных балок, покрытых слоем сучьев. Все это было обмазано землей или глиной. К западной стене помещения 13 пристроен небольшой отсек; по своему расположению он совершенно аналогичен пристройке из двух параллельных стен к помещению 14.

Помещение 23 представляет собой также прямоугольный в плане отдельно стоящий дом. В юго-восточном углу сооружен очаг обычной для этого времени конструкции. Он состоит из двух частей; в меньшей горел огонь, а большая не обожжена и гладко обмазана штукатуркой; по-видимому, она могла играть роль стола (табл. XVII, 4).

В южной части поселения находится отдельно стоящее круглое здание 22 диаметром 4 м. Нижняя часть его стен сложена из четырех рядов сырцового кирпича, т. е. имеет ширину около 1 м. В северной части находится отгороженный участок, где сооружено что-то вроде тандры. На обмазанном глиной полу лежат четыре крупные зернотерки, перекрытые рыхим нагетным слоем. Толщина стен указывает на то, что здесь не исключена возможность перекрытия помещения ложным сводом.

У помещения 13 и под помещением 20 была начата расчистка помещений второго слоя. Одно из них (II, 4) перекрыто по диагонали отрезком обводной стены между помещениями 20 и 21. Там не обнаружено очага. Площадь помещения около 7 м². Два других дома расположены вне огражденного участка. Дом II, 2 был перекрыт «башней» 20. Он имел вход с порогом и угловой бытовой очаг; его площадь около 10,5 м². Площадь дома II, 3 около 15 м²; слева от входа расположен очаг, справа — отгороженный угол.

Чонг-Дене (Геоксюр 5) (табл. XX, 1). Расположено на южной окраине Геоксюрского оазиса, в 6 км на запад-юг-запад от поселения Муллали-Дене. Холм овальных очертаний возвышается над уровнем равнины несколько более 6,5 м. Его размеры по осям 170×140 м.

Обследование: В. И. Сарниаиди (1956 г.). Раскопки: И. Б. Шпикин (1959 г.), В. И. Сарниаиди (1960, 1961 гг.). Коллекции хранятся: ЛОИА АН СССР (Ленинград), ИА АН СССР (Москва). Литература: Адыков, В. Массон, 1960; Сарниаиди, 1965б.

Стратиграфический шурф 1959 г. (6×3 м) прорезал культурные слои холма на глубину 5 м. На уровне IV яруса размеры шурфа были сокращены до 5×3 м, а на уровне VII яруса — до 2×3 м. До материка шурф не доведен (табл. XX, 2).

Айна-Дене (Геоксюр 6) (табл. XXI, 1). Расположено в центре Геоксюрского оазиса, в 4 км к югу от холма Геоксюр 1. Его высота 3,5 м, размеры по осям 85×115 м.

Обследование: В. И. Сарниаиди (1956 г.), И. Н. Хлопин (1959 г.). Раскопки: И. Н. Хлопин (1961 г.). Коллекции хранятся: ЛОИА АН СССР (Ленинград). Литература: Хлопин, 1964б.

В 1961 г. вскрыты незначительные остатки помещений первого строительного горизонта, не-

сколько построек второго и ряд помещений третьего (табл. XXI, 2). Раскопанная площадь приближается к 1000 м². Сооружения всех строительных горизонтов возведены из прямоугольного сырцового формованного кирпича с саманом (45×25×10 см).

Верхний строительный горизонт сохранился плохо и только в наиболее высокой части холма. Центральную часть занимает почти квадратное здание I, 1, стены которого сложены из двух рядов сырцового кирпича. Полностью сохранилась лишь северная стена длиной 5,25 м. Вход находился в западной стене; внутри помещения, слева от входа, — прямоугольный выступ. Здание имело хорошо промазанный пол, выкрашенный в черный цвет. К югу от него прослежена кирпичная выемка, перекрывавшая нижележащие постройки.

К верхнему горизонту относятся также остатки двух круглых в плане помещений. Одно из них (I, 2) имеет внутренний диаметр 5 м. От него отходят два отрезка стен, которые с большой долей вероятности можно считать частями ограды. Стены этого помещения разной толщины; с внутренней стороны поселения они выведены из одного ряда кирпичей, с наружной — из двух.

Круглые же помещения 1, 3 сохранились значительно хуже. Его диаметр достигает 3,2 м. Между названными помещениями зафиксирован развал кирпичной кладки, которая с севера имеет довольно резкую границу с мусорной свалкой, хотя грани стены обнаружить и не удалось. По всей вероятности, по этому месту проходил отрезок стены, соединявший в древности оба круглых здания.

Центральным зданием второго строительного горизонта надо считать отдельно стоящий дом II, 5, обнаруженный под домом I, 1. Его стены выложены в один кирпич; дверь с боковым выступом находится в западной стене; размер помещения 4,4×4,8 м. Снаружи, справа от двери, находилась врытая корчага, украшенная росписью в виде шевронов. Внутри помещенные забутовано кирпичом.

К югу от помещения II, 5 расположено прямоугольное сооружение, состоящее из четырех небольших квадратных комнат (в среднем 2×2,3 м). Они расположены попарно и разделены узким коридором. Шелевидные проемы, которые из-за их ширины нельзя назвать дверными, соединяют комнаты с коридором. Все эти помещения (в особенности II, 1 и II, 2) были забиты костями животных с небольшой примесью обломков керамики. В одном из них (II, 3) найден фрагмент женской статуэтки.

К западу от этого комплекса находится небольшое квадратное в плане помещение II, 6 с врытой корчагой в одном из углов. От него на юг отходят отрезки стен очень плохой сохранности.

С запада комплекс указанных построек ограничен стеной, сохранившаяся часть которой достигает в длину 8,5 м. У северного ее конца имеются остатки круглого в плане помещения II, 9 (диаметр около 3 м), другой конец стены смыт. Перед

намп не что иное, как часть защитной ограды с круглым помещением.

Последним сооружением данного комплекса является двухкомнатный домик II, 8—9. Он сооружен на мусорных слоях и перекрыт ими же. Находок там не было, а его сохранность не позволяет с уверенностью судить о назначении.

Ряд построек третьего строительного горизонта был вскрыт лишь на северном склоне холма на площади около 200 м².

Прямоугольная комната III, 1 (2,6×3,2 м) имеет стены плохой сохранности, что не позволило проследить место дверного проема. На полу, у юго-западной стены, была расчищена глинобитная двухчастная прямоугольная жаровня-подиум (1,4×0,75 м). По краю она обнесена валиком и разделена ступенькой на две части. К юго-восточной стене этого помещения примыкают два отсека, по-видимому, хозяйственного назначения. Другая группа помещений (III, 4—6) расположена к западу от первой и отделена от нее нешироким (0,8—0,5 м) проходом. Из этого прохода можно было попасть в помещение III, 4 — почти квадратную комнату (3,1×3,0 м) с оштукатуренными стенами и глинобитным полом — через хорошо сохранившийся дверной проем (ширина 40 см) с высоким порогом. В восточном углу комнаты находится крупный очаг, приподнятый над уровнем пола на 40—45 см. Он разделен на две части: в одной из них, слегка углубленной, разводился огонь, другая, большая, представляла собой гладкую поверхность, тщательно обмазанную глиной. Северный угол отгорожен от остальной части помещения небольшой поперечной стенкой. В западной четверти здания на полу находится уже знакомая нам глинобитная жаровня-подиум, окруженная валиком 8 см высоты. Она разделена ступенькой на две части; большая имеет отчетливые следы бывшего разведения огня (табл. XXI, 3). Поверхность ее покрыта прокаленной коркой, причем в центре отмечается мелкая лушка диаметром около 20 см.

В юго-восточной стене помещения III, 4 прослеживается еще один дверной проем с высоким порогом, сквозь который можно было попасть в смежную комнату III, 5 (2,3×2,7 м). Эта комната имеет более тонкие стенки и два сильно закругленных угла. Обмазка пола при помощи выкружки переходит в стенную штукатурку. Уровень пола здесь на 20—25 см выше, чем уровень пола в предыдущем помещении. В южном углу расположен круглый очаг (диаметр 70 см), образованный глинобитным валиком, возвышающимся над уровнем пола на 6—8 см (табл. XXI, 4). Его внутренняя поверхность имеет следы разведения несильного огня, причем прокаливаемость усиливается от краев к центру. Внутренняя поверхность не строго горизонтальна, а повышается к центру на 2—3 см; в центре сделано небольшое углубление 16 см в диаметре; именно на этом месте в древности разводился огонь. В середине помещения был найден стоявший на полу небольшой пераспиной сосуд без дна.

К этому же комплексу примыкает помещение III, 6. Собственно говоря, это хозяйственный от-

сек с приподнятым и тщательно обмазанным глиной прокопченным полом.

Западнее (через проход) прослежена толстая (в 2 кирпича) стена, которая, по-видимому, входит в следующий жилой комплекс.

Геоксюр 7. Расположено также в центре Геоксюрского оазиса, в 5 км на юго-восток от поселения Айна-Дене. Оно имеет плоский рельеф и распылчатые овальные контуры. Северная часть холма возвышается над уровнем равнины примерно на 5 м. Его размеры по осям около 200×170 м.

Обследование: В. И. Сарнианди (1956 г.). Раскопки: А. Асаров (1960 г.). В. М. Массон (1961 г.). Коллекция хранится: ЛОИА АН СССР (Ленинград). Литература: Хлопик, 1964б.

На холме вскрыты остатки трех помещений (табл. XXIV, 1), выстроенных из прямоугольного сырцового кирпича с саманом.

Помещение 1 — круглое (диаметр до 4,5 м), вход с восточной стороны. Внутри друг против друга сделаны выступы до 1 м каждый. В центре помещения находится глинобитный круглый очажок 60 см в диаметре, окруженный валиком с отверстием в центре (табл. XXIV, 2). Интересно отметить состав культурного заполнения этого помещения: свалка, насыщенная обломками керамики, костями животных и пр.

Помещение 2 — прямоугольное, почти квадратное; площадь его более 17 м². Юго-западный угол занимает крупный двухчастный очаг, приподнятый над уровнем пола. Вход в этот дом, по-видимому, находился в южной стене.

У помещения 3 вскрыты лишь две стены, одна из которых имеет проход.

Геоксюр 9 (табл. XXV, 1). Расположено поселение в 8,5 км южнее холма Геоксюр 1. Это невысокий (до 3 м) холм овальных очертаний. Размеры его по осям 104×88 м.

Обследование: В. М. Массон (1959 г.). Раскопки: В. М. Массон (1961 г.). Коллекция хранится: ЛОИА АН СССР (Ленинград). Литература: Хлопик, 1964б.

Все постройки возведены из формованного прямоугольного кирпича с саманом (40×25××10 см). На раскопанном участке вскрыто 12 помещений, причем целиком — только 7. Кроме того, только помещение 1, у которого стены сохранились в высоту всего на 15—20 см, относится к самому последнему периоду существования поселения, остальные несколько старше (табл. XXV, 2).

Помещения 3 и 4 смежные и сохранились полностью. Первое — прямоугольное (площадь 7,8 м²), сложено из двух рядов кирпича, имеет дверной проем с порогом и служит своеобразным тамбуром помещения 4. Второе — квадратное (площадь 24,5 м²), имеет стены также двойной толщины, хорошо выполненный дверной проем с порогом и выступ слева от входа. К выступу приспособлена Г-образная стенка из поставленных на ребро кирпичей, которая могла служить широкой, скрывающей от входящего происходящее в комнате.

Помещение 6 является самым крупным на вскрытой части поселения; оно занимает площадь

45 м². Снаружи, с трех сторон, его стены, сложенные из двух рядов кирпича, расчленены пилястрами. Вход находится в восточной стене и не имеет порога. Изнутри, слева от входа, имеется небольшой выступ. Весь его юго-западный угол был заполнен красной обожженной землей с кусками кирпича; в юго-восточном углу обнаружена прямоугольная вымостка из горелых кирпичей.

Помещения 7 (площадь 19,5 м²) и 10 (площадь 12 м²) расположены рядом. Их можно полагать жилыми, хотя ни в одном не было найдено очагов. В доме 7 вход расположен в западной стенке, около него, изнутри слева, сделана выступающая стенка. Такая же стенка имеется в помещении 10, и, хотя там вход не сохранился, его можно реконструировать также в западной стене.

Помещение 11 было обнаружено не в раскопе, а на южном краю поселения. Оно было только ооконтурено сверху, но не отпрепарировано. Тем не менее ясно, что оно почти квадратное в плане и занимает площадь около 15 м². Снаружи к восточной стене пристроена пилястра.

На поселении Геоксюр 9 найдены остатки ободной стены. Круглое помещение 9 имеет диа-

метр около 3,5 м и стены толщиной 1 м. На запад от этого здания прослежен прямой участок стены длиной около 10 м. С востока был сделан небольшой отрезок стены, соединяющий круглое здание с углом помещения 8.

Илгыны-Депе. Расположено в 5—6 км к западу от сел. Чаача в юго-восточных предгорьях Копет-Дага. В плане поселение имеет форму вытянутого с юга на север овала площадью около 12 га. Его северная часть достигает высоты 13 м, южная — только 2 м.

Обследование: А. А. Семенов (1929 г.), А. А. Марущенко (1935 г.), С. А. Ершов (1951 г.), Б. А. Куфтин (1952 г.), В. М. Массон, В. И. Сарваниди и И. Н. Хлопин (1955, 1965 гг.). Раскопки: А. Ф. Ганялин (1953 г.), А. Ф. Ганялин и А. А. Марущенко (1958 г.). Коллекции хранятся: Музей истории АН Туркменской ССР (Ашхабад), ЛОИА АН СССР (Ленинград). Литература: Куфтин, 1956; Ганялин, 1959; Сарваниди, 1965б.

На поселении были заложены три шурфа, причем слои с керамикой ялангачского типа зафиксированы лишь в северном шурфе. Там они достигали мощности 4,5 м (ярусы I—IX) и получили наименование Илгыны II (Ганялин, 1959).

ОРУДИЯ, ИНСТРУМЕНТЫ И ОРГАНИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ

При раскопках всех перечисленных поселений были найдены разнообразные изделия из камня, кости, меди и глины, которые могут в определенной степени характеризовать уровень производства и направление производственной деятельности древнего населения юго-восточного района Южной Туркмении. Для более полной характеристики производственного комплекса в этот же раздел нами включены и определения органических остатков.

Акча-Депе. Производственный инвентарь представлен крайне незначительным набором: костяная проколка (табл. VII, 42), обломок костяного ножа (табл. VII, 41) и часть какого-то медного пред-

ТАБЛИЦА 1

	Количество костей	Количество особей
Домашние животные:		
Крупный рогатый скот	134	5
Мелкий рогатый скот	663	34
Свинья	11	2
Собака	1	1
Всего	809	42
Дикие животные:		
Джейран	16	8
Кулан	45	3
Лясица	7	2
Птица	1	1
Всего	69	14

мета вытянутой формы с углублением на одной из плоскостей (табл. VII, 40). Из обожженной глины изготовлено веретенное напрасло архаической грушевидной формы, украшенное врезным орнаментом (табл. VII, 44). Из необожженной глины делались яйцевидные и шаровидные ядра для пращей (табл. VII, 43).

При раскопках верхнего слоя поселения было собрано 878 поддающихся обработке костей животных. Их видовой состав определен В. И. Цалкиным (табл. 1).

Ялангач-Депе. Кремневые орудия представлены частями вкладышевых жатвенных ножей (табл. XII, 17—19, 21—24) и рабочей частью сверла (табл. XII, 20). Некоторые из них (два вкладыша и сверло) особенно примечательны, поскольку по формально-типологическим признакам относятся к миндалевидным наконечникам стрел (табл. XII, 18—20). Однако имеющиеся на них следы сработанности показали, что они использовались иначе, чем об этом свидетельствует их внешний вид.

Из сланца изготовлен небольшой плоский шпатель для выглаживания керамики (табл. XII, 25) и плоские веретенные напрасла с отверстием в центре (табл. XII, 26, 27). Более крупные орудия представлены пещаниковыми пестами (табл. XII, 31), фрагментом сферического изделия с отверстием (табл. XII, 30) и обломком сосуда из известняка (табл. XII, 28); из мыльного камня сделан отжимник для обработки кремня (табл. XII, 29), который, правда, был найден не в культурном слое, а на срывах с холма.

К каменным поделкам относятся также бусы и пронизки, найденные как во время сборов подъемного материала, так и в культурном слое (табл. XII, 1—16). Они изготовлены из кальцита (3 экз.), сердолика (3 экз.), лазурита (1 экз.), бирюзы (1 экз.), агата (1 экз.) и мыльного камня (1 экз.). Отметим здесь же, что одна маленькая биконическая бусина сделана из обожженной глины (табл. XII, 6).

Костяные инструменты (табл. XIII, 1—27), представленные в большом ассортименте, в основном были предназначены для обработки кожи. Всего их насчитывается около 30 экземпляров — это преимущественно проколки и развертки. Одно орудие сложное: оно являлось одновременно дощилом и разверткой (табл. XIII, 23). Плоский скобель представлен 1 экземпляром (табл. XIII, 22). Уникален плоский шпатель для выглаживания керамики перед ее просушкой и обжигом (табл. XIII, 3).

Металлические изделия кроме ряда бесформенных, сильно окисленных предметов представлены богатым для развитого неолита набором орудий. Это лезвие плоского топора без обушной части (табл. XIII, 30) и плоский ланцетовидный черещ-

ковый наконечник копья или нож (табл. XIII, 32) из верхнего строительного горизонта. Топор является пока единственным и наиболее ранним орудием подобного рода из найденных на древнеземледельческих поселениях Южной Туркмении. Из второго строительного горизонта происходят наконечник копья или дротика с квадратным в сечении черешком и ромбовидным пером (табл. XIII, 31) и два четырехгранных шила (табл. XIII, 28, 29). Все они были найдены в заповедии между базами для настала у северо-западной стенки помещения 1.

Ниже приводятся данные полуколичественного анализа найденных предметов, произведенного в Лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР (табл. 2).

Наименование предмета	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni
Топор (I слой)	97	—	2	—	—	+	—	—	+	0.01
Копье (I слой)	97	—	2	—	+	—	0.02	—	0.01	0.01
Дротик (II слой)	97	+	2—1	—	+	—	—	—	0.01	0.08—0.06
Шило (II слой)	97	+	2	—	+	—	+	—	+	0.1
Шило (II слой)	94	—	5	—	+	+	0.02	—	0.01	0.08—0.06

Как видно из приведенной таблицы, все предметы изготовлены почти из чистой меди с небольшим (природным) содержанием свинца и никеля, со следами серебра и висуфта и при полном отсутствии цинка и мышьяка.

Остеологические остатки происходят из обоих строительных горизонтов Ялангач-Депе. Определению были подвергнуты кости только из верхнего горизонта (определения А. И. Шевченко; табл. 3).

ТАБЛИЦА 3

	Количество особей
Домашние животные:	
Козы—овцы	48
Овцы	2
Крупный рогатый скот	8
Свинья	2
Всего	60
Дикие животные:	
Джейран	4
Сайга	2
Безоаровый козел	1
Кулан	1
Заяц	1
Всего	9

Кроме того, на холме найдена раковина брюхоногого моллюска (сем. *Naticidae*, род *Polinices Montfort* — определение проф. И. А. Коробкова), обитающего в Индо-Тихоокеанской провинции.

Муллали-Депе. Производственный инвентарь представлен довольно полно. Прежде всего следует отметить 6 крупных зернотерок из песчаника (помещения 15, 16 и 22), несколько небольших пестов и каменную ступку из помещения 23 (табл. XIX, 18). Более мелкими орудиями являются сланцевый шпатель (табл. XIX, 17), плоские просверленные веретенные напрасла (табл. XIX, 16) и два кремневых миндалевидных наконечника стрел (табл. XIX, 3, 4).

Костяные инструменты представлены проколки из осколков трубчатых костей животных (табл. XIX, 11, 12).

О применении в быту металлических орудий свидетельствуют три предмета из меди: небольшая пронизка из тонкого листа, свернутого тру-

ТАБЛИЦА 2

бочкой (табл. XIX, 15), обломок лезвия ножа (табл. XIX, 14) и своеобразный инструмент в виде тонкого и широкого одностороннего лезвия на длинной (15 см) витой тонкой ручке (табл. XIX, 13), напоминающий бритву.

Из глины изготовлены лишь конические веретенные напрасла (3 экз.) и необожженные яйцевидные ядра для пращи.

При раскопках западного комплекса Муллали-Депе, в помещениях 14, 15, и 24, найдены россыпи обугленных зерен. Проведенное А. В. Кирьяновым определение показало, что основная масса зерен (9100) принадлежит мелкозернистому ячменю двухрядных форм (*Hordeum disticum*), а сравнительно немного (250) — мягкой пшенице (*Triticum aestivum*). Кроме того, среди зерен ячменя обнаружено одно семечко астрагала (*Astragalus*) — растения из семейства бобовых, которое представляет собой однолетние и многолетние сорняковые травы, реже кустарнички.

Кости животных были найдены в большом количестве, но более 50% их представляли неопределимые мелкие осколки диафизов длинных трубчатых костей конечностей и ребер. Ниже (табл. 4) приводятся результаты обработки остеологических остатков В. И. Цалкиным, причем кости из восточного и западного комплексов Муллали-Депе оказались смешанными.

Крупные угли, происходящие от перекрытия сгоревшего помещения 13, дали одну породу дерева — тополь (*Populus Sp.*) (Лисицына, 1963а).

Айна-Депе. Производственный инвентарь богат. Можно отметить два медных ножа (табл. XXIII, 14, 15), несколько костяных шпателей (табл. XXIII, 16—19), три сланцевых шпатели (табл. XXIII, 10—12).

ТАБЛИЦА 4

	Количество костей	Количество особей
Домашние животные:		
Крупный рогатый скот . . .	37	3
Мелкий рогатый скот . . .	89	40
Свинья	14	3
Собака	1	1
Всего	141	47
Дикие животные:		
Бухарский олень	1	1
Джейран	4	3
Кулан	9	1
Всего	14	5

Каких-либо иных органических остатков, кроме костей животных, сконцентрированных главным образом в помещениях П, 1 и П, 2, не найдено. Всего исследовано 1295 костей, из них определены 864 экземпляра. Приводим предварительные результаты изучения (по Цалкину) костей животных (табл. 5).

ТАБЛИЦА 5

	Количество костей	Количество особей
Домашние животные:		
Крупный рогатый скот . . .	409	9
Мелкий рогатый скот . . .	413	25
Свинья	7	1
Собака	2	1
Всего	831	36
Дикие животные:		
Бухарский олень	1	1
Джейран	3	3
Кабан	8	2
Кулан	21	2
Всего	33	8

Кроме того, найдены 2 раковины, принадлежащие такому же брюхоногому моллюску, который был обнаружен на Ялангач-Депе. Первая из раковин имеет 2 отверстия; одно из них искусственное.

Геоскор 7. Орудия производства представлены сланцевым долотом (табл. XXIV, 39), костяным шпательом (табл. XXIV, 38), двумя медными наконечниками стрел или дротиков (табл. XXIV, 35, 36). Веретенные напирса конические (табл. XXIV, 37); некоторые имеют воронкообразную выемку снизу; часть их украшена вдавленным орнаментом.

ТАБЛИЦА 6

	Количество костей	Количество особей
Домашние животные:		
Крупный рогатый скот . . .	162	5
Мелкий рогатый скот . . .	341	20
Свинья	11	2
Всего	514	27
Дикие животные:		
Джейран	3	2
Кабан	8	2
Кулан	4	1
Всего	15	5

Органические остатки состоят из костей животных (определение В. И. Цалкина) (табл. 6).

Геоскор 9. Орудий производства найдено мало: зернотерка, три каменных песта (табл. XXVI, 43—45) и один круглый терочный камень (табл. XXVI, 42). Сюда же следует отнести два медных предмета в обломках, нож (табл. XXVI, 47) и проколку длиной 10 см, несколько костяных орудий, керамические (табл. XXVI, 27—34) и каменные (табл. XXVI, 35) веретенные напирса и каменные ядра для пращи.

Комплексе орудий и инструментов времени развитого неолита может быть разделен на группы, зависящие от области их применения.

В группу земледельческого инвентаря можно включить орудия для обработки земли (грузило для палки-копалки), орудия для сбора урожая (кремневые вкладыши от жатвенных ножей) и орудия для его последующей обработки (зернотерки, ступки, песты).

К группе охотничье-животноводческих орудий относятся ядра для пращей, костяные скобели, шилья, развертки и лоцила, а также медные шилья, применяемые для обработки шкур и кож и изготовления из них необходимых предметов; пряслица служили для обработки шерсти.

В керамическом производстве употреблялись костяные и сланцевые шпатели, а для ремонта треснувших или расколотых сосудов применялись кремневые сверла.

Для обработки камня употреблялись отжимники (для кремня) и сверла (производство бус).

Дерево могло обрабатываться при помощи топоров и ножей из меди, а также каменных долот.

Наконец, необходимо отметить присутствие таких универсальных инструментов, как медные топоры и ножи, которые могли употребляться в различных областях производства. Однако ни одного медного предмета украшения пока неизвестно: они изготовлялись только из камня (бусы).

КЕРАМИКА

Наиболее значительной категорией находок на всех древнеземледельческих поселениях является керамика.

Вся керамика по своему внешнему виду делится на две основные группы — расписную и нерасписную. В первой группе можно выделить три подгруппы по орнаментальным узорам трех разных типов: ялангачскому типу, псевдоубейдскому (тип «Гс-5») и типу Намазга II. Группа нерасписной посуды делится на четыре подгруппы по цвету поверхности сосуда или фактуре черепка: светлая (фонный цвет первых двух подгрупп расписной посуды), краснолощенная (в изломе светлая), серая (в изломе такая же, как снаружи) и кухонная (мы ее называем по способу употребления для простоты, поскольку ее тесто с примесью песка характерно только для такого употребления).

Формы керамики развитого энеолита довольно разнообразны. Однако почти не наблюдается резкого разграничения форм по выделяемым подгруппам. Большинство форм может быть украшено орнаментацией любого типа или не иметь ее вовсе, хотя некоторые из них относятся строго к той или иной подгруппе (рис. 2, 3).

Вся керамика развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении изготовлена ручной лепкой. В тесте наблюдается значительная примесь мелко измельченной соломы или травы. Черепок, как правило, однороден, но обжиг имеет слабый; лишь у крупных толстостенных сосудов наблюдается в изломе черная полоса. Ангоб двух цветов: красный или зеленовато-серый, причем последний наблюдается преимущественно на фрагментах крупных сосудов с рыхлым пористым черепком. Как исключение встречены небольшие сосуды со светло-желтым покрытием. По всей вероятности, цвет ангоба зависел не столько от состава глины, сколько от режима обжига сосуда. В редких случаях (только на нескольких мисках) поверх ангоба было произведено тонирование сосуда с обеих сторон красной краской. Роспись наносилась темно-коричневой краской, иногда переходящей в черную.

На протяжении почти всего ялангачского периода производство посуды оставалось таким же, как в предыдущие периоды (Хлопин, 1963б).

По-прежнему древние гончары поселений Геокюрского оазиса готовили тесто разного состава для посуды разного назначения — столовой (с мелкой растительной примесью), для хранения (с крупной растительной примесью) и кухонной (с примесью песка). Техника изготовления также на первых порах не менялась: корчаги лепили ленточным способом, а более мелкие, «парадные», сосуды, вероятно, выделывались техникой «наковальни и лопаточки» (Сарианиди, 1963а). Обжиг основной массы изделий производился на открытом воздухе, в кучах, обложенных топливом (Хлопин, 1961б); можно допустить, что лишь отдельные мелкие вещи могли обжигаться в домашних очагах. Специальные керамические горны в раннеялангачское время не известны.

В конце ялангачского периода отмечаются признаки совершенствования гончарного производства. Сосуды в массе становятся более аккуратными и тонкостенными; в тесте некоторых сосудов, особенно в краснолощенных мисках, вместо растительной примеси появляется гипс, обладающий свойством плавления. Более того, на поселении Акча-Депе была расчищена небольшая печь с сильно прокаленными стенками, которая конструктивно восходит непосредственно к бытовому очагу многих жилых домов ялангачского периода. Вероятно, она употреблялась для обжига небольших керамических изделий, тем более что определению гончарные горны такой конструкции расчищены в слоях геокюрского периода на холме Геокюр 1 (Сарианиди, 1963б). Все это приводит нас к мысли, что ко времени позднего энеолита в керамическом производстве древних земледельцев произошел существенный сдвиг в сторону его значительного совершенствования. Следующий скачок произойдет в эпоху бронзы (Намазга IV), когда появятся гончарный круг и двухъярусные обжигательные горны.

Классификация

Период развитого энеолита Южной Туркмении, период Намазга II, был выделен, как уже указывалось, благодаря своеобразным полихромным узорам на керамике (Н. Schmidt, 1908; Куфтин, 1954; В. Массон, 1956). Дальнейшие иссле-

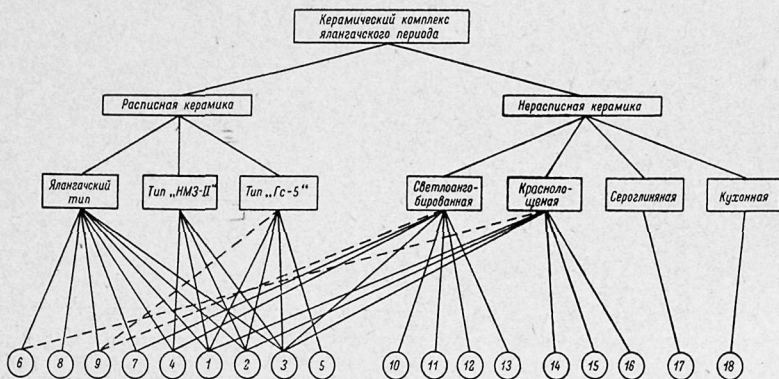

Рис. 2. Классификация ялангачского керамического комплекса.

Номера в кружках соответствуют номерам сосудов на рис. 3.

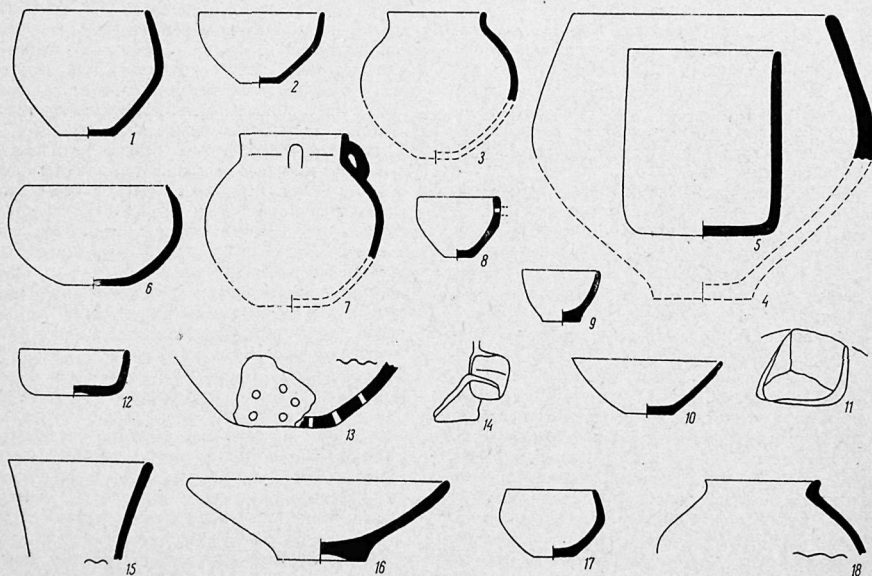

Рис. 3. Формы расписных (1—9) и нерасписных (10—18) сосудов ялангачского керамического комплекса.

1 — горшковидный сосуд; 2 — чаша с коническими стенками; 3 — сферический сосуд; 4 — корчага; 5 — баночный сосуд; 6 — чаша со сферическими стенками; 7 — сферический сосуд с ручками; 8 — чашельник; 9 — чашка; 10 — глубокая миска с прямыми стенками; 11 — прямоугольная «сковорода»; 12 — плошка; 13 — пельяна; 14 — сосуд со сливом; 15 — конический сосуд; 16 — миска на вогнутом поддоне; 17 — биконический сосуд; 18 — кухонный котел.

дования установили, что эта орнаментация характерна только для Западного (подгорного) района, а в Восточном районе эта же эпоха представлена совершенно иной системой, которую можно назвать ялангачским орнаментальным комплексом

полихромный орнамент типа Намазга II (около 120 фрагментов сосудов).

Роспись ялангачского типа состоит из пяти групп.

I. Вдоль венчика сосуда проведены четыре го-

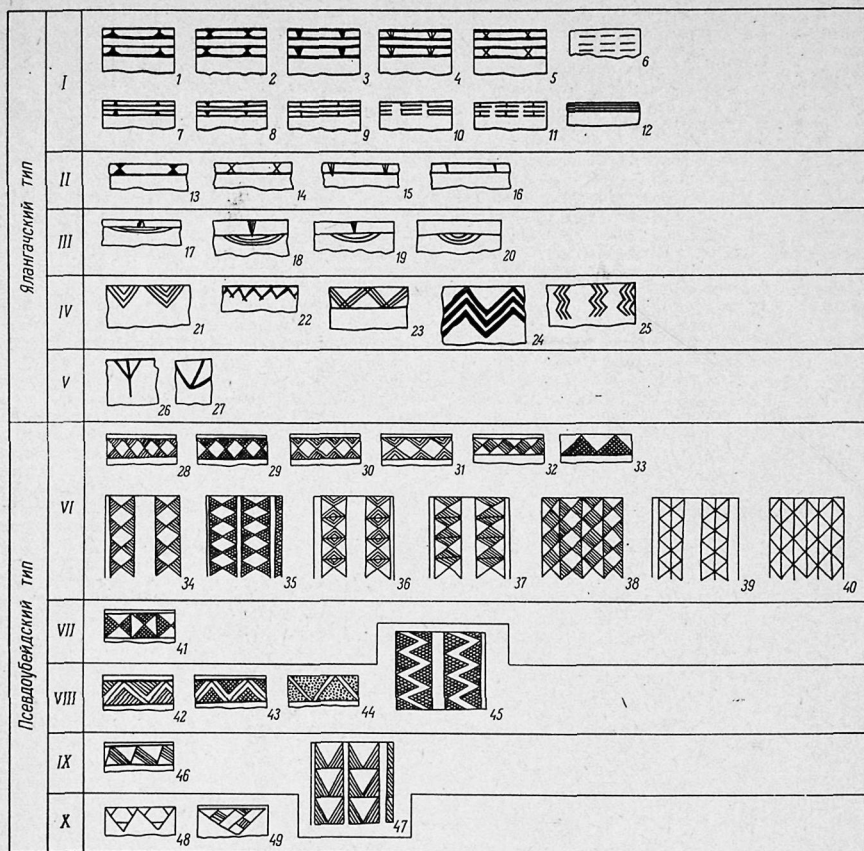

Рис. 4. Орнаменты местной расписной керамики.

(Хлопин, 1962а, 1963а, 1964б; В. Массон, 1962а, 1964б).

Орнаментация керамики ялангачского комплекса состоит из трех основных типов орнамента: монохромная роспись ялангачского типа (характерна для подавляющего большинства керамики); своеобразный, также монохромный, геометрический орнамент (около 85 экз. сосудов);

ризональные полосы. Эти полосы, как правило, попарно соединены друг с другом. Соединителями служат различные геометрические фигуры: треугольники вершиной вверх (рис. 4, 1), треугольники вершиной вниз (рис. 4, 3), треугольники, сомкнутые вершинами, похожие на песочные часы (рис. 4, 2), пучки линий (рис. 4, 4), косые кресты (рис. 4, 5) и просто вертикальные чер-

точки (рис. 4, 9). Есть случаи, когда либо соединители не наносились, либо соединялась только верхняя пара линий черточкой или косым крестом.

Эта группа орнаментов чаще всего наносилась на горшки и корчаги, изредка — на миски.

II. Вдоль венчика сосуда проведены две горизонтальные полосы, которые можно рассматривать как половину фриза предыдущей группы. Они соединяются друг с другом треугольниками с сомкнутыми вершинами (рис. 4, 13), косыми крестами (рис. 4, 14), пучками линий (рис. 4, 15) и вытянутыми треугольниками, вершина которых направлена вниз (рис. 4, 16).

Эта группа орнаментов наносилась почти исключительно на чаши.

III. Вдоль венчика (отступая от края на 2—3 см) проведена одна полоса. Она соединяется с венчиком либо пучком линий, либо не соединяется совсем. В отличие от первых двух групп вниз от полосы свисает от одной до трех дуг, причем их середина приходится как раз против разделителя (рис. 4, 17—20).

Эта группа орнаментов наносилась на круглые горшки, чаши и небольшие сосуды со сферическим туловом и слегка отогнутым венчиком.

IV. Зигзаги и шевроны. Эти узоры состоят из широких или узких полос, нанесенных зигзагообразно вдоль венчика или по тулову сосуда (рис. 4, 21—24). Лишь один раз встречен мотив из вертикальных зигзагов (рис. 4, 25).

Эта группа орнаментов наносилась на горшки и корчаги всех размеров.

V. Внутренняя роспись в виде трезубцев (рис. 4, 26) или стилизованных деревьев (рис. 4, 27). Наносилась только на небольшие чаши.

Роспись ялангачского типа, особенно первой группы, претерпевает ряд изменений за время своего существования. В начале этого периода полосы вдоль венчика расставлены широко (в среднем 13 мм на горшках и 30 мм на корчагах) и соединителями служат в основном сомкнутые вершины силуэтные треугольники, пучки линий и косые кресты. Примерно с середины этого периода заметно сокращение расстояния между параллельными полосами (до 4—5 мм в среднем), а из числа разделителей исчезают противостоящие треугольники и пучки линий, уступающее место вытянутым равнобедренным треугольникам с вершиной вниз и черточкам. В ряде случаев линии опоясывают сосуд не полностью, они как бы разорваны на равные отрезки; эти отрезки и соединяются попарно черточкой либо в середине, либо у одного из краев. К концу ялангачского периода полосы сближаются совершенно (просвет между ними не более 1—2 мм) и уже никогда не соединяются.

Итак, мы видим, что в своей эволюции роспись ялангачского типа постепенно вырождается. В конце ялангачского периода она довольно резко прекращает свое существование. На смену ей приходит нерасписная посуда с красной поверхностью и с черными пятнами на ней. Очевидно, причиной этому послужило начало применения обжигательных горнов. Возможно, что краска, выдерживав-

шая режим обжига на воздухе в кучах топлива, не стала выдерживать режима печного обжига (Хлопик, 1961б, 1962а).

Вторым (около 85 экз.) не менее существенным типом орнаментальных мотивов являются композиции из треугольных и ромбических фигур — псевдоубейдский тип. Тесто керамики с этой орнаментацией ничем не отличается от теста посуды с росписью ялангачского типа, т. е. имеет мелкую растительную примесь, в массе довольно рыхло и пористо, но насквозь обожжено: сердцевина черепка однородного цвета без черной полосы. Сосуды, как правило, покрыты ангобом, который в процессе обжига приобретал разные оттенки: от розового до интенсивно красного и светло-коричневого. Вся керамика делится на ряд форм: чаши, цилиндрические банки, сферические сосуды с отогнутым венчиком и толсто-стенные корчаги, но-видимому имевшие подкос у донной части. Каждой из этих форм, в особенности первым двум, присущи характерные узоры (рис. 5).

Чаши орнаментированы горизонтальными бордюрами вдоль венчика. В основе всех узоров лежат треугольные фигуры. Хотя общее количество сосудов небольшое (не более трех десятков), оказалось возможным разделить упоминающие их узоры на ряд групп.¹ В основу разделения положен принцип построения узоров.

VI. Фриз разделен двумя взаимно пересекающимися зигзагами на ромбы и противостоящие треугольники. Треугольники заполнены косыми линиями (рис. 4, 28), перекрещивающимися линиями, образующими сетку (рис. 4, 29), вписанными треугольниками с заштрихованными полями (рис. 4, 30) и вписанными углами (рис. 4, 31).

Кроме того, следует отметить два варианта. Первый образован двумя взаимно пересекающимися зигзагами, но здесь чистыми оставлены треугольники, а ромбы заполнены косой штриховкой или сеткой (рис. 4, 32). Следует отметить, что подобная композиция была встречена на обломке корчаги. Второй вариант образован одним зигзагом и состоит из ряда равнобедренных треугольников вершиной вверх. Их поле заполнено горизонтальными линиями, прямой или косой сеткой (рис. 4, 33).

VII. Фриз образован также двумя пересекающимися зигзагами, но их вершины соединены вертикальными линиями, вследствие чего получились чередующиеся пары треугольников, заполненные косой сеткой: одни расположены горизонтально (узор «бабочка»), другие — вертикально (узор «лесочные часы») (рис. 4, 41). Этот орнамент обнаружен и на сферических сосудах с венчиком, на которых он расположен ниже горла.

VIII. Фриз состоит из ряда треугольных фигур, расположенных попеременно вершинами вверх и вниз, т. е. в шахматно порядке; треугольники заполнены косыми линиями (рис. 4, 42), косой сеткой (рис. 4, 43) или точками

¹ Нумерация групп орнаментов псевдоубейдского типа продолжает нумерацию групп орнаментов ялангачского типа.

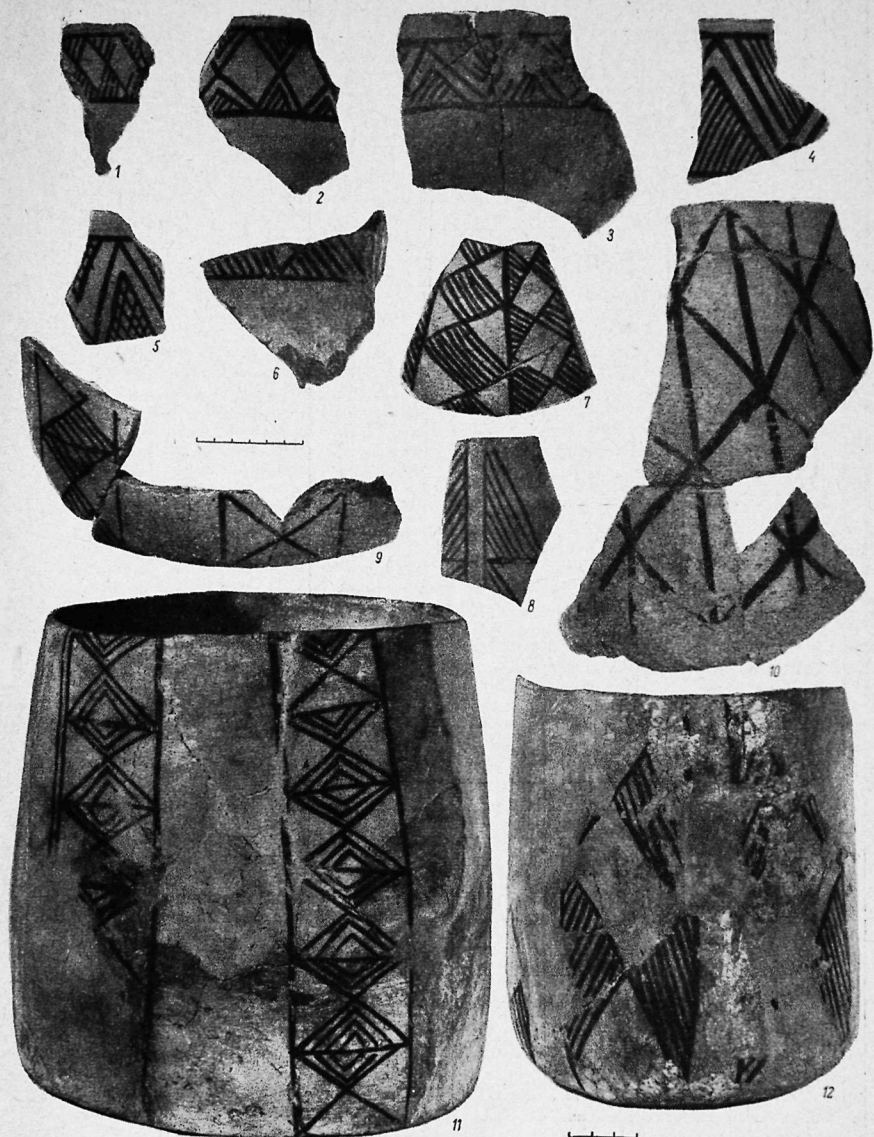

Рис. 5. Фрагменты керамики с псевдоубейской (типа «Гс-5») орнаментацией (1—12).

ное орнаментальное покрытие сосуда. Орнамент состоит из вертикальных рядов парных треугольников и ромбов. Они чередуются так, что в одной полосе заштрихованы центральные ромбы, а в другой — боковые треугольники (рис. 4, 38). Сюда же следует включить сплошное покрытие сосуда линиями, при котором образованы геометрические фигуры ничем не заполнены (рис. 4, 39, 40).

2. Орнамент, встреченный, правда, не на банковидном сосуде, а на корчаге, состоит из вертикальных полос, заполненных крупными сетчатыми треугольниками, расположенными в шахматном порядке. Между ними оставлен зигзагообразный фоновый просвет (рис. 4, 45).

3. Орнамент состоит из широких вертикальных полос, но их поле заполнено особым образом. Полосы горизонтальными линиями разделены на прямоугольники; в каждом из них от середины основания к верхним углам проведены линии, расчленяющие поле прямоугольника на три треугольника: равнобедренный вершиной вниз и два прямоугольных по его сторонам. Первый оставлен чистым, а вторые заполнены косыми линиями (рис. 4, 47).

Соотношение формы и орнаментов керамики ялангачского и псевдубейдского типов представлено на табл. 7.

Поскольку керамика с полихромной орнаментацией типа **Намазга II** была найдена на поселениях Юго-Восточной Туркмении в значительном количестве, обойти ее молчанием мы не можем, несмотря на то что ее исследование было посвящено специальный выпуск САИ (В. Массон, 1962а).

Керамика с полихромной орнаментацией типа **Намазга II** найдена на всех поселениях Геокюрского оазиса (кроме Дашыджи-Депе): больше всего фрагментов происходит с Акча-Депе и Ялангач-Депе (более 30 экз.); меньше всего — с Чонг-Депе, Геокюра 7 и Геокюра 9 (по 1 экз.); количество ее на остальных поселениях колеблется от 10 до 20 экз.

Если мы сравним эту группу керамики с теми, которые были охарактеризованы выше, то отметим несколько моментов (помимо употребления двух красок), придающих ей своеобразность. Во-первых, у керамики с полихромным узором почти всегда имеется черная сердцевина и отсутствует видимая растительная примесь; местная же, как правило, прокалена насквозь и имеет заметные следы выгоревшей растительной примеси. Во-вторых, тонкий ангоб на полихромной посуде несет следы залоченности, что обычно не встречается на основной массе местной посуды; внешний вид полихромной посуды несравненно аккуратнее и изящнее. В-третьих, на поселениях Геокюрского оазиса не найдено ни одного фрагмента от крупных сосудов с полихромным орнаментом.

Обычно керамика с полихромной орнаментацией типа **Намазга II** считается на поселениях Геокюрского оазиса привозной (В. Массон, 1962а, стр. 19). Однако наряду с этим в литературе не опускается возможность ее изготовления в оазисе (Сарнианди, 1961, стр. 280, 282; В. Массон, 1962а, стр. 20), хотя место ее происхожде-

ния определяется весьма точно — поселения подгорной полосы Копет-Дага (Кара-Депе, Намазга-Депе). В слоях времени **Намазга II** на Кара-Депе эта группа посуды является основной, и, более того, там найдены корчаги с полихромным орнаментом, которых нет в Геокюрском оазисе. Именно данный момент может указывать на исходный центр этой керамики: население для своих надобностей изготовляло все виды сосудов, в том числе и корчаги, однако транспортировка последних куда-либо являлась трудоемкой; чаши и мелкие сосуды были удобнее для переноса с места на место.

Перечисленные особенности керамики с полихромной орнаментацией типа **Намазга II**, происходящей из поселений Геокюрского оазиса, позволяют нам рассматривать эту керамику только в качестве привозной посуды и исключить возможность ее местного изготовления. Это в свою очередь освобождает нас от необходимости ее подробного рассмотрения и классификации (В. Массон, 1962а). Остается лишь отметить, что, как установлено В. М. Массоном, на поселениях Геокюрского оазиса встречены не все группы орнаментов типа **Намазга II**, а лишь некоторые: в основном I, III и IV, иногда II и VI; кроме того, встречен фриз из наклонных черных и красных линий, не вошедший ни в один тип, предложенный В. М. Массоном.

Характеристика керамики по памятникам

Геокюр 1. В седьмом строительном горизонте шурфа мы встречаем роспись, близкую к поздним этапам **Намазга I**, которая состоит из горизонтальных рядов чрезвычайно разнущих и отстоящих далеко друг от друга широкими треугольниками (табл. III, 37, 39, 40). Наряду с ними появляются сосуды, украшенные вдоль венчика четырьмя линиями, которые соединены попарно маленькими треугольниками (табл. III, 36). Встречен фрагмент, украшенный полихромной росписью (табл. III, 42).

В шестом строительном горизонте встречены обломки горшков с четырьмя полосками (табл. III, 27—28) и 12 фрагментов чаш с полихромной росписью. Один из них интересен тем, что украшен изображениями идущих друг за другом животных, в которых по бугристым, закрученным на спину рогам можно видеть безоаровых козлов (табл. III, 24). Такой же козел, но иного рисунка, изображен на другом черепке (табл. III, 25). На третьем фрагменте мы видим рисунок дерева (табл. III, 26). Остальные фрагменты украшены геометрическим орнаментом (табл. III, 27—35).

Находясь из пятого строительного горизонта представляют определенный интерес. Продолжает встречаться посуда с четырьмя полосками вдоль венчика, но эти полоски заметно сближаются друг с другом, перемычками между ними служат прямые черточки (табл. III, 8—11). Среди всей керамики только один фрагмент украшен полихромным орнаментом (табл. III, 16). Кроме уже встреченных ранее узоров появляется группа посуды, новая как по формам (почти цилиндриче-

ские банки), так и по мотивам орнамента. Последний состоит из треугольников и ромбов, сгруппированных в вертикальные широкие полосы (табл. III, 17) или горизонтальные ряды (табл. III, 13); те и другие заполнены косой штриховкой. Кроме того, один сосуд покрыт крупноячейной сеткой из черных лент (табл. III, 20).

В четвертом строительном горизонте находок мало. Встречены фрагменты чаш с полосками (табл. III, 1, 2), два фрагмента с полихромной росписью (табл. III, 5, 6) и еще ряд обломков.

Черепки сосудов с характерной ялангачской росписью были найдены также в раскопе № 3, в круглом здании и около его стен (табл. IV, 2—16).

Ачка-Депе. Керамика, собранная во время раскопок поселения и на его поверхности, может быть поделена на несколько групп, причем основной и определяющей следует считать расписную посуду. Последняя распадается на четыре подгруппы.

На первом месте стоит подгруппа, сосуды которой украшены росписью ялангачского типа. Преобладают черепки с позднелангачской росписью (табл. V, 3—19, 22—25, 34—39; VI, 1—8): четыре близко расположенные линии вдоль венчика, соединенные попарно перемычками; многочисленны также фрагменты раннелангачских сосудов (горшков и чаш). Последние тоже украшены линиями вдоль венчика, однако эти линии шире, расстояния между ними больше и они соединяются попарно не только перемычками, но и треугольниками. Кроме того, на чашах встречена несколько иная роспись: от горизонтальной полосы, проведенной несколько ниже венчика, свисают полукруглые полосы из таких же линий; их бывает разное количество, но не больше трех (табл. V, 20, 21, 26—33). Многочисленны фрагменты толстостенных корчаг, украшенных шевронами (табл. VI, 10—15). Особенно интересна корчага с почти цилиндрическим туловом, в верхней части которой нанесена позднелангачская роспись.

Затем следует керамика с полихромными узорами, являющимися ведущими в поселениях Центрального района подгорной полосы Копет-Дага времени Намазга II. Всего таких сосудов насчитывается около 30. Все сосуды, кроме одного, — чаши. Украшающие их мотивы различны. Это, во-первых, восходящие от дна и расширяющиеся к венчику пучки линий красного цвета, обрамленные черной рамкой (табл. VII, 15, 27). Иногда в середине пучка идет ряд заштрихованных ромбов (табл. VII, 8), иногда пучок оформлен в виде крупного треугольника, внутреннее поле которого покрыто красными и черными линиями (табл. VII, 29, 30). Во-вторых, вертикально расчлененный горизонтальный фриз, в котором ведущим узором является мотив спаренных вершин треугольников (табл. VII, 5, 13, 23, 32). Между треугольниками расположены различные фигуры: черные пилонидные линии (вертикальные или наклонные), красные треугольники или вертикальные полосы. В-третьих, фриз, состоящий из бегущего зигзага, с изгибами, заполнен-

ными различно оформленными треугольниками (табл. VII, 1, 3, 11, 14). Редкими являются фрагменты только с красным рисунком (табл. VII, 2, 29) и с изображением стоящей фигуры с разопыренными руками — ветвями (табл. VII, 21). К категории редких же сосудов следует отнести фрагмент горшка со сферическим туловом и вертикальным венчиком (табл. VII, 31). Фрагмент невелик, и поэтому орнамент трудно поддается реконструкции. Остальные фрагменты настолько незначительные, что их можно только отнести к этой посуде.

Около 30 фрагментов насчитывает керамика со своеобразной геометрической орнаментацией. Чаши и горшкovidные сосуды украшены вдоль венчика полосой из заштрихованных или сетчатых треугольников (табл. VI, 16—23). Более крупные сосуды баночной формы покрыты либо росписью в виде крупноячейной сетки (табл. VI, 49, 50), либо вертикальными полосами, состоящими из сетчатых треугольников (табл. VI, 27, 28, 33, 34, 45—47). На внутренней стороне некоторых чаш встречено стилизованное изображение дерева (табл. VI, 41—43); один профилированный горшочек покрыт на $\frac{2}{3}$ косой сеткой (табл. VI, 44).

Последними и самыми малочисленными являются фрагменты посуды с полихромной орнаментацией геокюрского типа. Однако, поскольку черепки с росписью этого стиля были найдены только на поверхности холма и в дерновом слое, их надо считать привозными с поселения Геокюр I эпохи его расцвета (расположено на 4 км восточнее Ачка-Депе) и случайными, так как поселение на Ачка-Депе в геокюрское время уже, по-видимому, не функционировало.

К нерасписной посуде относятся крупные корчаги с прямым или слегка наклонным внутри венчиком и небольшие миски, изготовленные из того же теста, что и расписная посуда первой группы; к кухонной — несколько вариантов сферических котлов с валками на венчике. Они имеют очень плотный черепок и тесто с сильной примесью песка.

Ялангач-Депе. Собранная коллекция керамики делится на две основные группы: расписная и нерасписная. Первая группа — самая многочисленная, состоит из черепков с росписью нескольких различных типов: керамика с монохромной росписью ялангачского стиля; керамика с полихромной росписью стиля Намазга II; керамика с весьма своеобразным геометрическим орнаментом, встреченная только в Восточном районе Южной Туркмении. Кроме того, около 30 фрагментов украшено рисунками стиля Намазга I (Хлопин, 1963б).

Керамика с росписью ялангачского стиля имеет несколько форм и присущих им видов орнамента.

Корчаги — широкогорлые крупные сосуды с высокими вертикальными или слегка наклонными внутри стенками толщиной до 3 см и подковообразной придонной частью. Верхняя часть сосуда орнаментирована бегущим горизонтальным зигзагом из широких (1.5—2 см) полос (табл. IX,

24), свисающими шевронами из нескольких полос (табл. IX, 26) и горизонтальными полосами с перерывами (табл. IX, 23).

Блконические кубовидные горшки имеют, как правило, очень плавный перегиб стенок. Роспись на них однотипна: четыре горизонтальные полосы соединены попарно треугольниками (табл. IX, 7—9, 12, 15, 17), черточками (табл. IX, 10, 13, 14, 18) и т. п. Встречены сосуды, на которых линии не соединяются (табл. IX, 16). В одном случае туловце сосуда украшено не линиями, а вертикальными зигзагами (табл. IX, 25).

Миски имеют либо сферические стенки, либо слегка загнутый внутрь край. У них довольно широкий диаметр. Обычным орнаментом являются две горизонтальные полосы вдоль венчика с промежуток между ними около 2 см. Эти полосы в двух-трех местах соединены различными фигурами: сидзутый треугольник вершиной вниз (табл. X, 28), сидзутые треугольники с сомкнутыми вершинами (табл. X, 27), перекрещенные линии (табл. X, 21, 22), пучок лучей (табл. X, 9) и т. п. На ряде фрагментов мисок была встречена на внутренней поверхности роспись в виде стилизованного дерева (табл. X, 25, 26).

Несколько фрагментов крупных полусферических чаш украшено своеобразным узором, состоящим из горизонтальной полосы, проведенной на некотором расстоянии от края венчика, от которой свисают вниз полукруглые ленты, описываая равномерно весь сосуд (табл. X, 1—9).

Единичные и редкие по форме сосуды, несмотря на различия, для удобства объединены в одну группу: сосуд со сферическим туловом, узким горлом и отогнутым наружу венчиком, украшенный двумя горизонтальными линиями — одна вокруг горла, другая в наиболее широком месте тулова; сферический сосуд со слегка отогнутым венчиком и приленной ручкой, имеющей горизонтальное проткнутое отверстие (вероятно, таких ручек было несколько и они служили для подвешивания), украшенный пояском из трех горизонтальных полос вокруг горла (табл. X, 13); две небольшие чашечки с округлыми стенками (одна из них — табл. X, 18 — имеет отверстие и следы отбитого носика), украшенные разорванными горизонтальными линиями (табл. X, 18, 19); небольшой стаканчик с толстым дном, украшенный косо поставленной гребенкой (табл. X, 20); небольшой сосуд типа палы с отогнутым наружу венчиком, имеющий внутреннюю роспись в виде трузуба (табл. X, 25).

Керамика с полихромной росписью представлена фрагментами не более чем 30 сосудов (табл. XI). Почти все они находились в мусорной свалке в северо-западной части поселения, которая подстилала верхний строительный горизонт и перекрывала помещения 3, 4, 13, 18 и прилегающее к ним пространство второго строительного горизонта. Почти все сосуды одной формы — глубокая чаша со слегка загнутым внутрь венчиком. Плотный черепок с толстым слоем прочного ангоба имеет в изломе, как правило, темную полосу, но растительной примеси в тесте не наблюдается. Роспись нанесена двумя красками — серо-черной

и темно-красной — на светло-бежевый ангоб с вариантами в сторону красного или зеленовато-серого. Орнамент в целом относится к одному стилю — Намазга II (В. Массон, 1962а). Однако он может быть подразделен на несколько групп.

Два фрагмента принадлежат сосудам, украшенным вертикальными пучками линий, расширяющимися к венчику (табл. XI, 20, 22) (IV тип, по В. Массону). Линии выполнены в красном цвете и либо обрамлены, либо перемешаны с черными полосами. Сюда же следует отнести фрагмент глубокой чаши с наклонными зубчатыми линиями (табл. XI, 21).

Пять фрагментов украшены только черной росписью (табл. XI, 5—7, 10), однако цвет и фактура черепка не позволяют отрывать их от керамики с полихромной росписью.

Остальные экземпляры посуды с полихромной росписью украшены орнаментом, который расположено широкий горизонтальным фризом вдоль венчика. Этот фриз различается по принципу расположения рисунка в его границах.

На шести фрагментах фриз расчленяется косыми линиями или группами линий на треугольные и трапециевидные поля (III тип, по В. Массону), которые, как правило, заполнены сетчатыми или заштрихованными треугольниками (табл. XI, 9, 12, 13, 16—19). Один из фрагментов имеет в фоновых полях изображения окружностей с отходящими от них лучами; такие окружности можно считать изображениями солнца (табл. XI, 18).

Другие фризы разделяются косыми линиями на параллелограммы с двумя противостоящими треугольниками в каждом из них (табл. XI, 23). К этой же группе можно отнести рисунок из двух рядов обращенных друг к другу вершинами треугольников, но без косых разделителей. Каждый из треугольников интересен тем, что обрамлен черной зубчатой линией (табл. XI, 15).

Наконец, можно отметить случай, когда орнаментальная полоса делится на своего рода метопы (I тип, по В. Массону), хотя не всегда можно установить, какую фигуру можно считать разделителем. Среди фрагментов с этим видом орнамента некоторые особенно интересны. На одном в полосу орнаментального фриза включены стилизованные изображения стоящих людей. Они сгруппированы попарно, а группы разделяются фигурой из двух соединенных вершинами треугольников с сетчатым заполнением (табл. XI, 31). На другом (табл. XI, 30) в полосу фриза включено похожее существо, но имеющее признаки дерева. На третьем нанесены рисунки деревьев (табл. XI, 32).

К третьему типу орнаментации керамики относится всего несколько фрагментов со своеобразной росписью, хотя фактура черепка их мало чем отличается от таковой у керамики первой группы. Орнамент состоит либо из заштрихованных треугольников или ромбов (табл. X, 32, 34), либо из вертикальных полос, образованных контурными треугольниками (табл. X, 31). Есть сосуды, сплошь покрытые сеткой с крупными ячейками (табл. X, 29).

Нерасписная посуда отличается отсутствием ангоба, но имеет хорошо заглаженную поверхность. Она представлена крупными корчагами (табл. XI, 42, 43), горшочками (табл. XI, 38), небольшими чашами (табл. XI, 32) и мисками (табл. X, 43). Наряду с ними необходимо отметить появление посуды с ручками. Круглые ручки встречены на сферическом сосуде с отогнутым венчиком (табл. X, 40). Ручки в виде палепа с горизонтально проткнутым отверстием встречены на котелке со слабо отогнутым заостренным венчиком (табл. X, 38); ручки последнего типа напоминают морду животного (бычка). Единичными фрагментами представлены архаические «салатницы» — прямоугольные в плане миски (табл. X, 35—37) — и сосуд-цедилка с тремя ядами сквозных отверстий (его придонная часть) (табл. X, 41).

Формы кухонной посуды не дифференцированы, но имеют варианты в размерах. Это котлы со сферическим туловом и слегка отогнутым венчиком (табл. XI, 34—35, 39—41). В серое тесто примешано значительное количество песка.

Мулалли-Дене. Шурф (табл. XVII, 2) площадью 2×3 м в центре холма был доведен до глубины 4,7 м. Им были пробиты плотные сырцовые завалы, сырцовые стены и сравнительно небольшие мусорные слои с примесью золы и костей. До глубины 2 м (I—IV ярусы) встречаются фрагменты чаш со скупой росписью горизонтальными линиями вдоль венчика. Найден один фрагмент толстостенной корчаги с ленточным узором. В V ярусе из трех найденных фрагментов два весьма своеобразны. Первый имеет полихромный фриз стиля Намазга II, тулово второго украшено фигурой в виде песочных часов, заключенных между двумя горизонтальными полосами и пересеченных посередине третьей. VI ярус содержит керамику с росписью в виде горизонтальных полос, отстоящих друг от друга на 15—20 мм, которые соединены попарно коническими вертикальными черточками. В VII ярусе наряду с этим видом ornamentации на стенке крупного сосуда был встречен вертикальный шеврон из двух полос. На черепках из VIII и IX ярусов узор состоит из горизонтальных лент.

При вскрытии западного архитектурного комплекса была собрана большая коллекция фрагментов посуды, причем следует отметить, что целых сосудов не найдено, а археологически целые экземпляры насчитываются единицами. Тем не менее общая характеристика керамического комплекса представляется довольно четкой.

Керамика с ялангачским типом ornamentации находится в подавляющем большинстве. Она представлена небольшими чашами, сосудами горшковидной формы с легким перегибом стенок и крупными корчагами с почти цилиндрическим туловом, плоским венчиком и подкосом у донной части.

Орнаментальные мотивы скупы и однообразны. Чашы и горшки украшены четырьмя параллельными линиями вдоль венчика, причем расстояния между ними иногда сокращены до 2—4 мм (табл. XVIII, 1—4). Линии обычно соединены

попарно перемычками. Однако и среди этого однообразия можно подметить незначительные варианты. Так, горизонтальные полосы иногда разорваны в нескольких местах, и отрезки соединены попарно двойным образом: либо посередине (табл. XVIII, 20), либо у одного из краев (табл. XVIII, 11). Иногда перемычкой служит треугольник вершиной вниз (табл. XVIII, 19). Случается, что из четырех линий соединены только две средние (табл. XVIII, 12—14). Некоторые фрагменты чаш украшены совершенно одинаковым узором. В нескольких сантиметрах от венчика, параллельно ему, проведена линия, от нее свисают полукруглые ленты (табл. XVIII, 21—23). Небольшая чаша этой серии имеет лишь одну линию вдоль венчика, под которой свисает одна полукруглая черта (табл. XVIII, 8). Крупные корчаги украшены шевронами из широких (1.—1,5 см) полос; их насчитывается до четырех.

К посуде, украшенной полихромными узорами типа Намазга II, относится всего лишь около 10 экземпляров. Среди довольно обычных образцов рисунка имеется несколько оригинальных: прежде всего стилизованное изображение человека (табл. XVIII, 35). На другом фрагменте находится изображение дерева, помещенное между двумя красными треугольниками (табл. XVIII, 41). Затем надо отметить горшок со сферическим туловом и высоким, слегка отогнутым венчиком (табл. XVIII, 34). На тулове нанесен своеобразный узор из широких вертикальных полос, окрашенных так называемой лестницей. Их внутреннее пространство заполнено цепочкой заштрихованных ромбов, образованных двумя смежными параллельными линиями. По венчику сосуда идет ряд свешивающихся полукругов. Примечателен также большой фрагмент чаши с оригинальной фризовой росписью (табл. XVIII, 43). Фриз расчленен на метопы, каждый из которых перекрещен фестончатыми линиями; в пространство между ними вписаны красные фигуры, для более позднего времени условно названные «четвертькрестами». Другой разновидностью метоп на этом же сосуде является ромбовидная фигура, также получающая интенсивное развитие в более поздней росписи. Все узоры могут быть отнесены к I, III и IV типам, по В. Массону (1962а).

В особую группу можно выделить незначительное количество черепков и одну археологически целую чашечку. Узоры, покрывающие эту группу керамики, состоят из повторяющихся геометрических фигур (треугольников и ромбов), расположенных вдоль венчика. Их поле заполнено штриховкой и сеткой, кроме того, в одном случае оно заполнено точками (табл. XVIII, 27), в другом — вписанными углами (табл. XVIII, 24). Сюда же следует отнести крупный фрагмент красноангобированного сосуда со сферическим туловом и небольшим отогнутым венчиком (табл. XVIII, 33). В верхней части тулова, под венчиком, находится орнаментальная полоса, заполненная сетчатыми спаренными вершиной треугольниками. Одни из них соединены вертикально и напоминают песочные часы, другие — горизонтально и похожи на бабочек с расправлен-

ными крыльями. Сохранившийся стык кругового рисунка свидетельствует о том, что орнамент нанесен на сосуд без предварительной разметки его поверхности.

К нерасписной посуде относятся крупные корчаги, небольшие миски с прямыми стенками, маленьким дном и плоским венчиком, а также небольшой сосуд с округлыми стенками и одинаковым диаметром дна и горла. Кроме того, был найден фрагмент донной части корчаги со следами ножки. Следует отметить появление еще одной разновидности нерасписной посуды. Это красноангобрированная миска со слегка загнутым венчиком.

Кухонные котлы имеют черепок серого цвета с сильной примесью песка. У некоторых из них слегка отогнут вертикальный венчик.

Чонг-Депе. С самого верха холма вплоть до V яруса керамический материал представлен фрагментами посуды с полихромной и монохромной росписью геоксорского стиля (Сарианиди, 1965б, табл. XVI, 43—62). В V ярусе шурфа (табл. XX, 3—19) расписной посуды встречено не было. Среди керамики преобладают фрагменты красноангобрированных, иногда с лощением, чаш, сосудов типа стаканов и толстостенных крупных корчаг зеленовато-белого цвета с прямыми стенками и венчиками. Только в тесте последней категории посуды отмечена примесь растительности, а в тесте всех остальных сосудов растительные остатки отсутствуют, уступив место мелко истолченному гипсу. В дополнение следует заметить, что нерасписная краслощечная посуда с отогнутыми венчиками, биконическими стенками и слабо вогнутыми краями начинает появляться уже с VII яруса шурфа.

В VI—X ярусах преобладает краснофонная ангобированная посуда с растительной примесью в тесте, главным образом чаши, украшенные орнаментом от близко проведенных вдоль венчика линий (табл. XX, 21, 37, 38, 42—44). Крупные сосуды покрыты шевронным узором (табл. XX, 22, 50).

На единичных фрагментах встречена своеобразная роспись. В VI ярусе венчик чаши украшен снаружи короткими шевронами (табл. XX, 30). Фрагмент стенки корчаги покрыт крупными мотопами, каждый из которых образован двумя зубчатыми лентами; зубцы направлены друг к другу так, что образуется вертикальный фоновый зигзаг, а внутреннее поле зубцов заполнено сеткой (табл. XX, 41). В X ярусе найден фрагмент венчика сосуда с остатками слива; он украшен пересекающимися полукруглыми двойными линиями (табл. XX, 49). Последний черепок уже несколько отличается от всей остальной керамики и может быть отнесен к посуде типа Намага II. **Айна-Депе.** Основными находками на Айна-Депе являются фрагменты керамики, причем целых сосудов здесь почти не найдено.

К посуде, украшенной орнаментацией ялгачского типа, относится подавляющее большинство найденных расписных фрагментов. Несколько крупных толстостенных корчаг украшено или параллельными линиями вдоль венчика

(табл. XXII, 6), или шевронами (табл. XXII, 13). Горшки покрыты четырьмя линиями вдоль венчика, соединенными в нескольких местах либо треугольниками (табл. XXII, 1—3), либо черточками (табл. XXII, 7—9), а в одном случае — пучками линий (табл. XXII, 11). Иногда линии соединяются не попарно, а лишь две средние (табл. XXII, 12). Известен также фрагмент дна сосуда, на котором с внутренней стороны нанесены пересекающиеся под прямым углом линии (табл. XXII, 18). К крупным же сосудам относится обломок с небольшим, слегка отогнутым венчиком; орнамент его состоит из двух горизонтальных поясков и шеврона под ними (табл. XXII, 15). Чаш довольно много, но орнамент на них очень скуп. Встречены близко нанесенные вдоль венчика четыре пояска с перемычками (табл. XXII, 9). Другим узором следует считать горизонтальную черту, проведенную ниже венчика на несколько сантиметров; с краем венчика черта соединена треугольниками, а внизу от нее свисают полукруглые дуги (табл. XXII, 14). В одном случае чаша украшена силуэтным треугольником (табл. XXII, 5), но этот фрагмент происходит из нижних слоев.

Выделяется по своей орнаментации небольшая группа черепков от 11 сосудов. Вдоль венчика, чуть ниже него, расположен сравнительно широкий фриз, заполненный треугольниками в основном двух композиционных принципов. Один треугольники расположены вершинами друг к другу; их внутреннее поле покрыто косой штриховкой (табл. XXII, 19—23). Другие треугольники построены так, что вершины верхнего ряда попадают в промежутки между фигурами нижнего ряда. В получившийся просвет вписана зигзагообразная линия. Эти треугольники заполнены не только косой штриховкой, но и сеткой (табл. XXII, 24—28).

Расписная керамика, украшенная полихромной (преимущественно фризовой) росписью, представлена 20 фрагментами чаш. Несмотря на малое количество, можно наметить несколько разновидностей этого орнамента. К первой относятся сосуды с вертикально расположенными геометрическими фигурами — спаренными треугольниками и полосами с фестончатым краем (табл. XXII, 40, 41, 43) (I тип, по В. Массону). Особенно примечательна фигура равноконечного креста, которая могла послужить образцом росписи на одной из раннегеоксорских чаш (табл. XXII, 42) (Сарианиди, 1962а). Другим способом расположения фигур в композиции фриза являются два ряда треугольников, направленных навстречу друг другу, но смещенных так, что вершина треугольника одного ряда находится в промежутке между двумя фигурами другого (II тип, по В. Массону). Эти треугольники имеют различное заполнение внутреннего пространства. Кроме того, ряды треугольников разделяются либо зигзагами, либо группами линий (табл. XXII, 45, 46, 48, 49). В третьем случае фриз заполнен косыми полосами красного и черного цвета (табл. XXII, 35—37). Наконец, два небольших фрагмента украшены очень характерным орнаментом: от дна к вен-

чику идут расширяющиеся пучки разноцветных линий, иногда со сложным оформлением (табл. XXII, 32, 34) (IV тип, по В. Массону, 1962а). Остальные фрагменты весьма незначительны, и их орнамент не поддается реконструкции.

Нерасписная посуда многочисленна, но ее формы представлены сравнительно малым ассортиментом (табл. XXI, 9—11). Корчаги имеют вертикальные или слегка наклонные стенки; светлоглиняные крупные сосуды — плавный, но сильный перегиб стенок в верхней части тулова. Кроме того, представлены толстостенные миски и сосуды со сферическим туловом и небольшим отогнутым венчиком. Вместе с тем можно отметить спорадическое появление красноблещавых сосудов.

Кухонная посуда обычно имеет серый цвет и сильную примесь песка в тесте. Она представлена крупными котлами, хотя встречаются и небольшие сосуды данного типа. Отмечены две разновидности венчиков — вертикальные и отогнутые наружу (табл. XXI, 5—8).

Геоскор 7. Местная керамика представлена чашами с параллельными, близко расположенными линиями вдоль венчика (табл. XXIV, 4—7) и крупными корчагами с шевронным узором.

Здесь в отличие от многих других памятников обнаружены фрагменты 6 оригинальных сосудов (один из них удалось восстановить полностью — табл. XXIV, 15). Это почти цилиндрические банки с высокими стенками; они украшены вертикальными полосами, заполненными пересекающимися линиями, которые образуют треугольники. Треугольники через один заполнены косой штриховкой либо сеткой. Один фрагмент покрыт сеткой из вертикальных и горизонтальных линий по всей поверхности (табл. XXIV, 12).

К посуде с полихромной орнаментацией относится лишь один фрагмент (табл. XXIV, 9).

Новым и наиболее ранним для Геокюрского оазиса можно считать появление сероглиняной посуды, столь распространенной в геокюрском периоде. Найдены фрагмент от сосуда (табл. XXIV, 29) и археологически целая миска (табл. XXIV, 3).

Нерасписная посуда (табл. XXIV, 17—28) представлена значительным количеством красноангобированных сосудов с черными пятнами и примесью гипса в тесте. Это различного размера чаши с наклоненным внутрь венчиком и обломком сферического сосуда с низким, резко отогнутым венчиком. Другая группа неорнаментированной посуды изготовлена из глины с растительной примесью; в основном это круглые чаши и тазы. Найдены фрагменты кухонных котлов с отогнутым венчиком и цилиндрическая подставка (табл. XXIV, 16).

Геоскор 9. Расписной посуды найдено немного. Это небольшие чаши, росписи на которых состоят из четырех сближенных горизонтальных полос на слегка загнутую внутрь венчике (табл. XXV, 3—12). На одной из красных чаш нанесен ряд равнобедренных треугольников с сетчатым наполнением внутри (табл. XXV, 14).

Несколько небольших мисок с желтым ангобом имеют внутреннюю роспись в виде стилизованного дерева с короткими ветвями (табл. XXV, 13).

Надо особо отметить толстостенный цилиндрический сосуд из пористого теста с редко встречающимся орнаментом. До самого дна от венчика спускаются широкие полосы, состоящие из обращенных друг к другу треугольников с заштрихованной серединой (табл. XXV, 25).

Несколько чаш — привозные: обломок чаши с росписью полихромными узорами Намаза II (дуги снаружи и изнутри) (табл. XXV, 20) и венчик с узором типа позднего Намаза II (табл. XXV, 17).

Пять фрагментов также украшено полихромными узорами, но местными, раннегеокюрскими (табл. XXV, 18).

Наибольшее количество керамики (около 450 фрагментов) представлено черепками красного цвета с черными пятнами без росписи (табл. XXV, 19, 21—23; XXVI, 6, 7, 12—20, 26). Можно отметить несколько форм. В основном это полусферические и с перегибом в середине тулова чаши и миски со сферическими стенками и резко загнутым внутрь венчиком. Кроме того, отмечается появление двух новых форм, которые получают свое развитие в дальнейшем. Это крупные сосуды со сферическим туловом и невысоким отогнутым наружу венчиком (табл. XXVI, 10) и также крупные сосуды с широким устьем и коротким массивным сливом, квадратным в поперечном сечении (табл. XXVI, 24, 25).

Второе место в количественном отношении занимают толстостенные корчаги (167 фрагментов). Иногда они украшены обычной росписью в виде шевронов, а один черепок имеет овальный наделный валик, предназначенный для удобства переноски сосуда (табл. XXVI, 23).

Кухонная посуда однообразна по форме, по размеру. Это сероглиняные котлы со сферическим туловом и низким валиковым венчиком (табл. XXVI, 1—3, 8, 9).

Распределение орнаментированной керамики (ялангачский и псевдубейский типы) по памятникам Геокюрского оазиса отражено в табл. 8.

Вопросы относительной и абсолютной хронологии

Стратиграфическая колонка геокюрского шурфа отчетливо показывает, что непосредственно на слях позднего Намаза I залегают слои с керамикой, украшенной так называемой ранне-ялангачской росписью. Расстояния между горизонтальными полосами достигают на ней в среднем 16 мм. К концу ялангачского периода эти полосы сближаются до 1—1,5 мм. Совершенно очевидно, что расстояния между горизонтальными полосами могут являться показателями того, к какому отрезку ялангачского периода можно отнести те или иные слои поселений Геокюрского оазиса.

График расстояний между горизонтальными полосами (рис. 6, А) отчетливо показывает, что первую группу орнаментов ялангачского типа

можно разделить в хронологическом отношении на три части. К ранней относятся орнаменты сосудов, у которых расстояния между горизонтальными полосами колеблются от 13 до 16 мм; эти орнаменты характерны для VI—VII строительных горизонтов поселения Геоксюр 1, двух верхних горизонтов Ялангач-Депе и трех горизонтов Айна-Депе. Ко второй части относятся фризы с расстояниями 4—5 мм; они характерны для V горизонта Геоксюра 1 и Муллали-Депе. Наиболее поздние орнаменты с интервалами в 2 мм характерны для IV горизонта Геоксюра 1, Акча-Депе, Геоксюра 7 и V—X ярусов поселения Чонг-Депе; на поселении Геоксюр 9 расстояния между линиями сокращаются до 1 мм.

На основании вышеизложенного перечисленные в каждой группе памятники можно считать не столько синхронными, сколько относящимися к одному незначительному отрезку времени — от 80 до 200 лет. Синхронистическая таблица (рис. 6, В, В) показывает соотношение всех слоев поселений ялангачского периода. Чтобы не брать этот период изолированно, пунктиром показаны слои, относящиеся как к предшествующему, так и к последующему времени. Следует еще отметить, что, возможно, между западным и восточными комплексами Муллали-Депе наблюдается некоторый хронологический разрыв. Кроме того, на Чонг-Депе и Геоксуре 1 следом за слоями ялангачского времени идут геоксюрские слои, чего не наблюдается на поселениях Акча-Депе, Геоксюр 7 и Геоксюр 9. Это позволило нам опустить верхнюю границу существования трех последних поселений.

Та же керамическая орнаментация позволяет высчитать соотношение поселений дельты Теджена с поселениями подгорной полосы. В предыдущем выпуске САИ (Хлюнин, 1963б) была предложена синхронизация слоев основных поселений времени раннего энеолита на основании редко встречающихся мотивов орнамента. Для развитого энеолита это сделать несколько легче, поскольку в поселениях ялангачского периода обнаружено значительное количество фрагментов импортных сосудов с полихромной орнаментацией типа Намазга II. Среди них можно выделить несколько узоров, тождественных находкам из поселения Кара-Депе у Артыка. Так, антропоморфное изображение из верхнего строительного горизонта Ялангач-Депе, синхронного VI горизонту геоксюрского шурфа, имеет точное соответствие в XI ярусе шурфа раскопа № 5, который одновременно XIV—XV ярусом основного шурфа № 1 и, вероятно, XVII—XX ярусом шурфа № 1 Намазга-Депе. Поскольку XI ярус раскопа № 5 и XV ярус шурфа № 1 идут сразу же за слоями позднего Намазга I, их можно считать одновременными слою Кара 7 стратиграфического раскопа № 4, последнему вскрытому горизонту; в нем найдены лишь единичные фрагменты с полихромной росписью среди основной массы орнаментов типа Намазга I. Другое антропоморфное изображение, найденное на Муллали-Депе, может быть сопоставлено с аналогичным изображением из слоя Кара 4.

Таким образом, между первым и вторым изображениями на Кара-Депе фиксируется промежуток времени, равный двум-трем строительным горизонтам. А на синхронистической таблице поселений Геоксюрского оазиса (рис. 6, В) между верхними слоями Ялангач-Депе и Муллали-Депе насчитывается три-четыре строительных периода. Все это, как кажется, может свидетельствовать о правильности предлагаемой синхронизации.

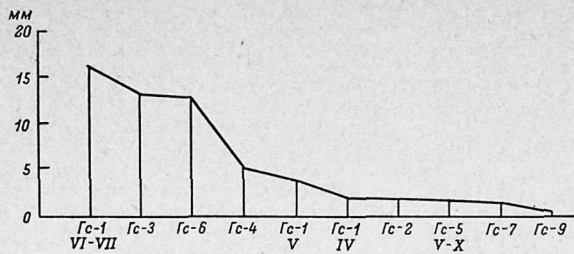
Всего в стратиграфическом раскопе на Кара-Депе к периоду Намазга II относится пять строительных горизонтов (Кара — 7—3). Аналогичная картина мощности слоев этого периода наблюдается и в других местах. Так, в шурфе № 1 на Кара-Депе они достигают 3 м (IX—XV ярусы), в шурфах № 1 и № 5 на Намазга-Депе — 2,5 м (соответственно XVIII—XXII и XV—XIX ярусы), в шурфе на поселении Геоксюр 1—4 м (VII—III строительные горизонты, охватывающие весь ялангачский период). Это позволяет считать, что период Намазга II длился одно и то же время на всей территории Южной Туркмении. Если допустить, что один строительный горизонт мог существовать в среднем около 40 лет, то для пяти-шести горизонтов потребовалось бы около 200—250 лет. Для определения длительности существования Геоксюрского оазиса нужно к этой цифре прибавить 120—160 лет дашдаджикинского периода (три-четыре строительных горизонта) и 200—250 лет геоксюрского (пять-шесть строительных горизонтов). Это дает нам в сумме отрезок времени в 520—660 лет, т. е. надо полагать, что оазис был обжитым местом около шести-семи веков (рис. 7).

Одним из основных и сложных, хотя в значительной степени разработанных вопросов является привязка культур северной предгорной равнины Кошет-Дага к культурам аналогичного круга Северного и Центрального Ирана и через их посредство к культурам Месопотамии. Последнее может служить скорее для решения вопросов абсолютной хронологии.

Для привязки прикопетдагской культуры древних земледельцев к культурам Ирана обычно опираются на узловые памятники тех мест — Тепе-Сиалк и Тепе-Гиссар. Причем уже давно были определены две опорные линии, два хронологических моста между этими районами.

Первый устанавливается по характерным изображениям пятистихных животных; отсюда следует, что период Намазга III синхронизируется с периодами IB—IIА Гиссара и III, 4—III, 7 Сиалка (В. Массон, 1956, 1961а, 1964а). Поскольку названные изображения на подгорной равнине Кошет-Дага являются пришлыми, их появление там не следует считать одновременным иранским. Вероятно, в Южной Туркмении они появились в результате инфильтрации североиранского населения, что дает возможность период Намазга III считать одновременным во всяком случае второй половине названных культур Ирана и синхронизировать его начало с Гиссаром IIА или Сиалком III, 7.

Вторая опорная линия устанавливается по не менее характерным предметам, чем первая, — крестовидным металлическим и каменным печам

А

	Геоксюр 1	Акча-Деле (Гс-2)	Ялангач-Деле (Гс-3)	Айна-Деле (Гс-6)	Геоксюр 7	Муллали-Деле (Гс-4)	Геоксюр 9	Чонг-Деле (Гс-5)
0								
IV								
V								
10								
15								
VI-VII								
20								

Б

Периоды	Геоксюр 1	Акча-Деле (Гс-2)	Ялангач-Деле (Гс-3)	Айна-Деле (Гс-6)	Геоксюр 7	Муллали-Деле (Гс-4)	Геоксюр 9	Чонг-Деле (Гс-5)
Геоксюрский	I							
	II							
	III					Вост. комплекс		
Ялангачский	IV					?		
	V							V-X
	VI							
	VII							
Дашлыб-жарский	VIII							
	IX							
	X							

В

Рис. 6. Стратиграфия поселений ялангачского периода в Геоксюрском оазисе.

А — график расстояний между полосами на сосудах ялангачского типа на разных памятниках; Б — расстояния между полосами на сосудах по месту залегания объектов на каждом памятнике оазиса; В — стратиграфическая схема памятников Геоксюрского оазиса.

тям с ушком на обратной стороне (Хлопин, 1962б). В подгорной полосе они относятся к эпохе развитого бронзового века, к периоду Намазга V—раннее Намазга VI, и представлены находками главным образом с Намазга-Дене и Алтып-Дене — двух основных поселений этого времени в Южной Туркмении. В Иране крестовидная печать намазгского облика происходит из слоя Гиссар ПІВ; кроме того, такой же предмет найден в слоях

можно поместить примерно в середину XXXII в. до н. э. Учитывая же предложенный выше отрезок времени существования периода в целом (200—250 лет), можно определить его (а значит, и ялангачского периода) ориентировочные рамки — XXXV—XXXII вв. до н. э. По месопотамской шкале это время соответствует ранней Гавре на севере, позднему Уруку на юге и Сузам В в Эламе (В. Массон, 1964б, стр. 241).

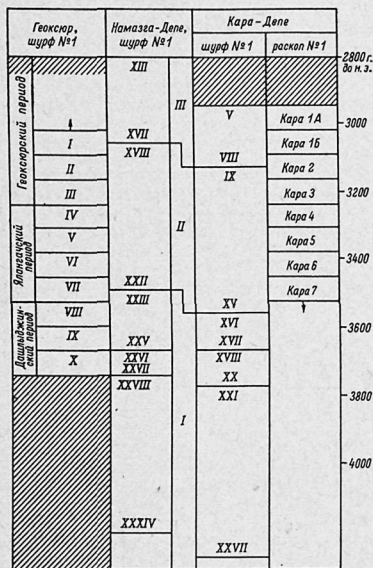

Рис. 7. Хронология памятников юго-запада Средней Азии эпохи энеолита.

IV периода Мундигака в Афганистане. Если первую линию связи мы как бы приблизили к концу сопоставимых периодов Ирана, делая временную поправку на запаздывание в связи с инфильтрацией, то во второй линии эту поправку можно не делать, поскольку в этом случае имел место обмен вещами или влияниями, а не людьми. Поэтому все названные периоды трех очагов культуры — Намазга V, Гиссар ПІВ и Мундигака IV — можно считать практически одновременными.

В абсолютных датах, которые сейчас приняты в переднеазиатской археологии, первая линия проходит где-то около 3000 г. до н. э., а вторая — около 2000 г. до н. э. (В. Массон, 1964а, стр. 241). Это значит, что верхний строительный горизонт Кара-Дене (Кара 1А) можно датировать около 3000 г. до н. э. Поскольку конец периода Намазга II (слой Кара 3) отделен от слоя Кара 1А тремя строительными горизонтами, длительность которых была вряд ли более 100—120 лет, то его

Вопросы происхождения типов орнамента ялангачского комплекса

Наиболее просто обстоит дело с орнаментацией керамики ялангачского типа. В основе всех мотивов росписи лежат узоры, характерные для предыдущего периода культуры древних земледельцев, периода Намазга I. С большинством из них мы встречаемся в материалах с поселения Дашлыджи-Дене времени позднего Намазга I (Хлопин, 1963б). Прежде всего это горизонтальные ряды силуэтных треугольников, а также силуэтные треугольники, сомкнутые вершинами, которые в результате постепенной стилизации в течение ряда последовательных поколений превратились в горизонтальные полосы вдоль венчика, украшающие в ялангачский период горшковидные сосуды, чаши и корчаги (рис. 8). Внутренняя роспись в виде стилизованного дерева также уходит в предшествующий период, где мо-

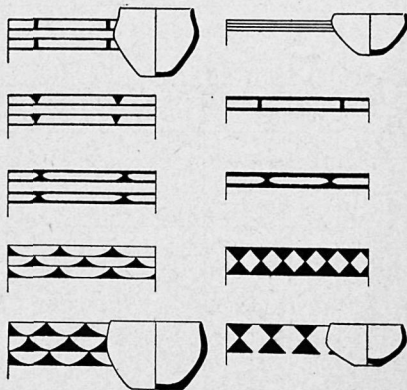

Рис. 8. Эволюция ведущих мотивов росписи типа Намазга I в роспись ялангачского типа.

тив дерева внутри сосуда был одним из излюбленных и встречался, так же как и силуэтные треугольники, повсеместно в Южной Туркмении. Зигзаги из широких полос на корчагах известны из Дашлыджи-Дене, однако следует указать, что этот мотив вне Геокюрского оазиса и восточных предгорий Копет-Дага пока не зафиксирован.

Более сложен с точки зрения генезиса другой тип орнамента, а именно геометрические узоры

из треугольников, ромбов и сетчатых покрытий сосудов. Поскольку эти узоры долгое время считались и продолжают считаться признаком влияния убейдской культуры Северной Месопотамии (В. Массон, 1962в, 1962г, 1964б; Хлопин, 1963а), они требуют более подробного рассмотрения и тщательного анализа.

Если мы присмотримся к построению орнаментального фриза чаш I—III и V групп, то увидим его поразительное соответствие орнаментации керамики стиля Намазга II. Единственным различием этих мотивов является то, что в поселениях подгорной полосы употребляли две краски, а в Геокюрском оазисе эти же узоры выполнялись при помощи одной краски. Кроме того, примечательно, что большинство соответствий местной керамике происходит не из поселений подгорной полосы, а из Геокюрского оазиса; иными словами, это могли быть именно те сосуды, которые послужили образцами для местного изделия.

Банка с почти цилиндрическими стенками является весьма редкой формой, что косвенно может указывать на узкую функцию сосудов и их общее малое количество. Возможно, фрагменты таких сосудов находились и раньше, но относились к другим формам. В настоящее время генезис этой формы сосудов точно не установлен.

Вопрос об орнаментации баночных сосудов более сложен. Их орнаменты настолько резко на первый взгляд отличаются от всех орнаментальных систем времени неолита Южной Туркмении, что именно они натолкнули исследователей на поиски генетических корней этих узоров за пределами подгорной полосы Копет-Дага. Однако прежде чем перейти к анализу орнаментации, укажем на существенное различие чаш и рассматриваемых сосудов как объекта для нанесения орнамента, которое вытекает из их форм. Чаша имеет поверхность, как бы предназначенную только для горизонтальной орнаментации по кругу, правда, существуют исключения на сосудах с полихромной орнаментацией стиля Намазга II (IV тип, по В. М. Массону). Чаша была более удобна для нанесения узора в виде бордюра или фриза по ее верхней части. Иной объект для росписи — банковидный сосуд с вертикальными стенками и без придонного подкоса. Здесь сама форма поверхности располагает к нанесению вертикального орнамента. Ведь в случае нанесения горизонтальных бордюров такой сосуд пришлось бы поворачивать вокруг вертикальной оси столько раз, сколько поясов надо было нанести. Эта надобность совершенно отпадает при нанесении вертикальных узорчатых полос — сосуд поворачивали всего один раз. Кроме того, нанесение кругового фриза, в особенности если он состоит из ряда повторяющихся геометрических фигур, намного сложнее, так как всегда надо угадывать, чтобы фигуры в месте стыка фриза в точности подошли бы одна к другой. Несовпадение фигур в месте стыка фриза встречается часто, но, когда это совпадение найдено в одном поясе, оно не так заметно, как это было бы в нескольких поясах. Из всего легко сделать вывод, что наносить вертикальную роспись на стенки цилиндри-

ческого сосуда было несравненно экономичнее и проще во всех отношениях, чем украшать такой сосуд горизонтальными поясами. Следует указать, что наиболее ранние следы предварительной разметки поверхности сосуда отмечены только на керамике геокюрского периода (Сарианиди, 1961), а раньше их нет.

Если положить цилиндрический сосуд на бок, становится ясно, что I группа орнаментации баночных сосудов идентична I группе орнаментации чаш. Правда, между ними есть незначительное отличие: если в первой разновидности группы I каждая вертикальная полоса представляет собой точное соответствие горизонтальному фризу, то во второй разновидности элементы того же фриза (рис. 9, 10, 11) расположены по вертикали, т. е. друг над другом. Третья разновидность является не чем иным, как соединением двух первых разновидностей I группы орнаментации чаш.

Под этим углом зрения становится понятной орнаментация из пересекающихся линий. Вертикальные полосы (рис. 9, 25) и даже сплошное покрытие сосуда в виде сетки (рис. 9, 29), хотя это и представляет собой, по-видимому, законченный узор, можно отнести к той же группе. Разница лишь в том, что здесь фигуры не выделены внутренним заполнением поверхности.

Группа II состоит из полос с сетчатыми треугольниками в шахматном порядке и фоновым зигзагообразным просветом между ними (рис. 9, 30). Этот узор при повороте на 90° полностью соответствует орнаменту чаш типа III (рис. 9, 18).

Более сложно обстоит дело с группой III. Хотя это тоже вертикальные полосы, но заполнение их довольно своеобразно. Однако если мы применим тот же метод поворота сосуда на 90°, то определенные соответствия сосуду можно найти в бордюре на чаше типа IV (рис. 9, 20). Этот бордюр является как бы половиной вертикальной полосы, разрезанной вдоль. Надо оговориться, что данный мотив является наименее выясненным.

Таким образом, своеобразная орнаментация керамики, найденной в незначительном количестве на поселениях Геокюрского оазиса, имеет в своей основе полихромную орнаментацию стиля Намазга II. В связи с этим надо полагать, что она уже не может служить показателем проникновения влияний со стороны культуры Северного Убеяда. Однако необходимо остановить наше внимание еще на одном явлении, которое, как кажется, может иметь немаловажное значение для выяснения истоков орнаментального стиля Намазга II в целом.

Во втором строительном горизонте поселения Ясы-Деле у Каахака времени позднего Намазга I (Куфтин, 1956; Хлопин, 1963б) были расширены помещения с остатками настенной полихромной росписи геометрического характера. Если мы сравним орнаментацию баночных сосудов ялангачского периода и указанные настенные росписи в композиционном отношении, то обнаружим между ними определенное и неожиданное сходство. Это сходство выступает прежде всего в единой схеме построения тех и других; особенно оно хорошо заметно по третьей разновидности

группы I. Вертикальная плоскость определяла вертикальное построение орнамента в обоих случаях. Для построения подобного рода геометрической композиции сначала проводились вертикальные линии; затем они пересекались с двух сторон наклонными линиями под углом в 45° так, что последние в точке пересечения с вертикалью образовывали между собой прямой угол. В результате этого получалась сетка, совершенно такая же, как на одном из банкивидных сосудов (рис. 9, 29). Теперь оставалось только раскрасить образовавшиеся треугольники и ромбы в определенном ритме. Тут было довольно много вариантов, в том числе оба настенных панно с Яссы-Депе (рис. 9, 32, 33) и роспись группы I (рис. 9, 28), которая в композиционном отношении представляет собой нечто среднее между обоими настенными панно.

Таким образом, с одной стороны, роспись на банкивидных сосудах в Геоксюрском оазисе появилась под воздействием полихромной орнаментации типа Намаза II подгорной полосы Копет-Дага. С другой — роспись банкивидных сосудов в композиционном отношении и в общей схеме начертания имеет прямые соответствия в настенной орнаментации Яссы-Депе. Отсюда следует, что не только керамическая, но и настенная роспись времени позднего Намаза I оказалась определенное воздействие на формирование орнаментального стиля Намаза II.

Классификация полихромных узоров типа Намаза II не входит в наши цели (В. Массон, 1962а). Укажем лишь, что на поселениях Геоксюрского оазиса преобладают узоры I и III типов, затем идут узоры IV типа, известны также черепки с узорами VI типа (В. Массон, 1962а, табл. XVIII).

Б. А. Куфтин в свое время отмечал, что наличие полихромных настенных панно на Яссы-Депе (позднее Намаза I) позволяет связывать орнаментацию типа Намаза II не с культурой Джемдет-Наср, а с более древними халафскими традициями (Куфтин, 1954, 1956), не оговаривая возможности местного генезиса полихромной орнаментации. По мере накопления фактических материалов стало возможным отметить ее местные истоки и полагать, что керамика с орнаментацией указанного типа является «в первую очередь лишь одним из этапов эволюции продукции местных гончаров»; наряду с этим отмечаются отдельные параллели некоторым (в основном монохромным) мотивам позднего Намаза II в культурах Ирана (Смалк II, III) и особенно Элама (культура Джюви, рубеж V и IV тыс. до н. э.) (В. Массон, 1962а, стр. 20—21, табл. XX); последние, возможно, свидетельствуют о направлении древних культурных связей, минующих оазисы Центрального Ирана (там же).

Как же, на наш взгляд, можно объяснить появление на южнотуркменских поселениях такого своеобразного явления, как полихромная орнаментация керамики? Причину этого явления следует искать во взаимодействии трех приводимых ниже компонентов.

Керамическая роспись стиля Намаза I своим построением, сюжетами и монохромным исполне-

нием резко отлична от настенной росписи этого же времени на Яссы-Депе и на северном холме Анау (Хлопин, 1963б). Это позволяет считать, что население подгорной полосы Копет-Дага в раннем энеолите использовало вторую краску для украшения своих построек, но не употребляло ее для орнаментации керамики. Вполне допустимо, что несовершенство технологии керамического производства — отсутствие гончарных горнов (Хлопин, 1964б, стр. 116—123) — не дало возможности внедрить вторую краску в орнаментальные покрытия сосудов еще в пору Намаза I. Так что одним из компонентов следует считать изобретение специальных гончарных горнов.

Второй компонент, который является определяющим, — местная линия развития керамической орнаментации (В. Массон, 1962б). Это относится главным образом к наиболее распространенной фризовой композиции, причем, поскольку роспись типа Намаза II можно считать зародившейся в центре подгорной полосы, мы ниже будем рассматривать материал только с этой территории. Однако последний, относящийся как к раннему (Намаза I), так и к развитому энеолиту (Намаза II), происходит в основном из шурфов (Анау, Кара-Депе и Намаза-Депе) и поэтому беден и в будущем может быть существенным образом дополнен. Тем не менее даже такое незначительное количество данных позволяет сделать некоторые наблюдения, дополняющие в целом правильную классификацию, предложенную В. М. Массоном (1962а).

Фризовая роспись типа Намаза II различается в своих группах способом членения фриза. Основными способами можно считать следующие.

1. Фриз расчленен на прямоугольные участки композиции, которые отделяются друг от друга вертикальными разделителями (I и II типы, по В. Массону). Каждый такой метон содержит геометрическую фигуру — чаще всего противстоящие треугольники как с сомкнутыми, так и с несомкнутыми вершинами (рис. 10, 4—6). Легко заметить, что среди монохромных рисунков времени Намаза I такое решение композиции нередко. Это либо ряды противстоящих треугольников (рис. 10, 1, 2), либо чередование фоновых ромбов и треугольников (рис. 10, 3).

2. Между треугольниками с сомкнутыми вершинами помещен разделенный по диагонали квадрат (рис. 10, 8). В предшествующем периоде встречены также ряды прямоугольных контурных треугольников, которые можно рассматривать и как прямоугольники, рассеченные по диагонали (рис. 10, 7).

3. Фриз состоит из косых линий, направленных в одну сторону; обычно черные имеют одну фестончатую сторону, а у красных края ровные (рис. 10, 11). Аналогичное заполнение фриза имеется на керамике предшествующего периода (рис. 10, 9, 10).

4. Фриз выполнен при помощи горизонтального зигзага, как правило, красного цвета (III тип, по В. Массону). В образованных таким путем треугольных полях помещены треугольники с разнообразным оформлением их внутренней поверх-

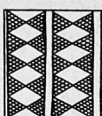
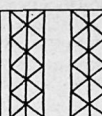

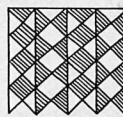
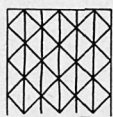

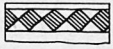

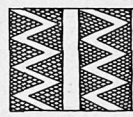
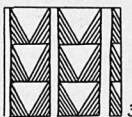

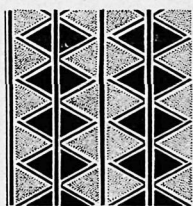
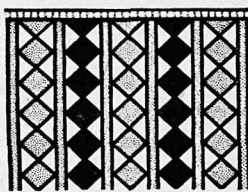

Тип	Роспись типа намазга II	Местное подражание	
		на чашах	на банках
I	 1	 10	
	 2	 11	
	 3	 12	
	 4	 13	
		 14	
		 15	
II	 5	 16	
III	 6	 17	
	 7	 18	
		 19	
IV		 20	
V	 8	 21	
	 9	 22	

Рис. 9. Происхождение псевдоубейдской (типа «Гс-5») орнамента керамики.

ности (рис. 10, 14, 15). В этом случае за основу взят весьма распространенный мотив, встречающийся в период позднего Намазга I почти на всех памятниках Южной Туркмении (рис. 10, 12, 13).

Выше перечислены только основные композиции фризового орнамента, которые, естественно, не исчерпывают всего разнообразия орнамента типа Намазга II. Кроме них, значительное место занимают свисающие от венчика дуги (V тип, по В. Массону), вертикальные пучки

Если обратиться к сходным сюжетам в орнаментации типа позднего Намазга II и типа Джови в Сузиане, то опять-таки прежде всего необходимо отметить хронологический разрыв примерно в 800 лет и, кроме того, расстояние, составляющее более 1200 км по прямой. Уже одно это должно насторожить против подобных сопоставлений, поскольку всем известна сравнительно быстрая изменчивость керамической орнаментации. Отмеченное же сходство мотивов в целом не

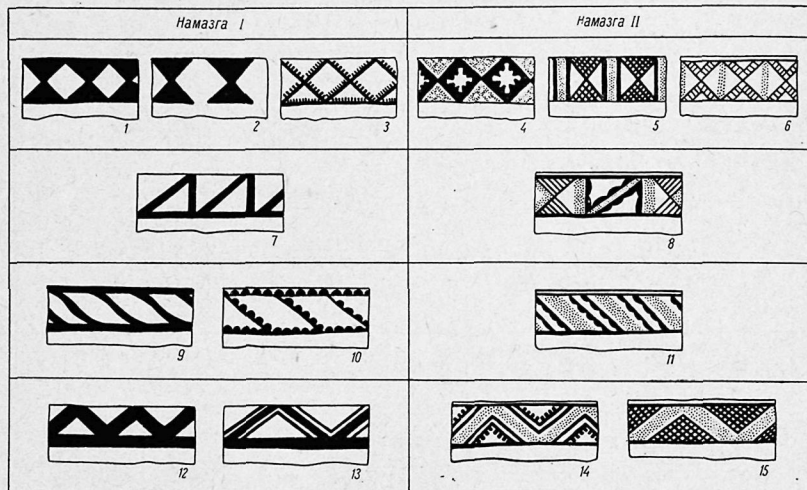

Рис. 10. Происхождение некоторых мотивов фризовой орнаментации типа Намазга II.

(IV тип, по В. Массону), шевроны (VI тип, по В. Массону) и, по-видимому, квадраты с орнаментальным заполнением и членением их внутреннего пространства. При этом только первые пока что могут быть выведены из узоров предшествующего времени. Остальным еще не подобраны прототипы, что объясняется не только, как уже отмечалось, малым количеством материала раннего Намазга II, но и тем, что многие мотивы могли возникнуть как продукт эпохи.

Если следовать приведенной выше точке зрения Б. А. Куфтина, ясы-депинские настенные росписи можно рассматривать как воздействие халафских традиций. Именно традиций, ибо между временем этих росписей (вторая половина IV тыс. до н. э.) и халафской культурой (конец V—начало IV тыс. до н. э.; В. Массон, 1964б, стр. 241) наблюдается хронологический разрыв в несколько сотен лет. А уж полихромная орнаментация керамики типа Намазга II выглядит в таком случае как традиция традиции, что можно принять только с большой натяжкой, хотя полностью этого исключать также, по-видимому, нельзя.

выходит за рамки формальных аналогий; к тому же следует добавить, что автор названных сопоставлений, по-видимому, уже не очень на них настаивает (В. Массон, 1964б).

Приведенное выше мнение о несопоставимости полихромной орнаментации типа Намазга II с халафским кругом культур и комплексом типа Джови отнюдь не означает того, что эти орнаменты вообще не сопоставимы с культурами Ближнего Востока. Там в конце IV тыс. до н. э. снова возрождается на сравнительно короткое время полихромная орнаментация на керамике, найденной в комплексах Джемдет-Наср в Южной Месопотамии и Ниневия 5 в Северной.

Если мы сравним некоторые виды орнаментальных композиций Ближнего типа Намазга II и указанных культур Ближнего Востока (Perkins, 1949), то обнаружим определенное сходство. Особенно оно заметно в вертикальном построении как схемы композиции, так и цветовой гаммы. Однако период Джемдет-Наср по принятой хронологической шкале моложе времени Намазга II. Поэтому, учитывая неожиданность возрождения полихромной росписи в Месопотамии, мы можем допустить

в теоретическом плане, что эта манера украшения посуды была внесена туда извне. Тогда остается предположить, что либо в середине IV тыс. до н. э. существовала какая-то неизвестная еще нам культура в Иране, оказавшая воздействие как на Месопотамию, так и на Южную Туркмению, либо полихромная орнаментация развилась конвергентно в указанных районах, либо влияние из Южной Туркмении проникло далеко на юго-запад, получив через 150—200 лет обратное воздействие со стороны культур Ирана (Гиссар ПА—Сялак III, 7).

Таким образом, какое-то влияние со стороны синхронных культур Ближнего Востока (без уточнения) следует, по-видимому, полагать третьим компонентом в появлении полихромной орнаментации керамики типа Намазга II.

Дальнейшие судьбы ялангачского орнаментального комплекса

Последним вопросом, которого хотелось бы коснуться в анализе керамической орнаментации, является рассмотрение того, какую роль сыграл ялангачский орнаментальный комплекс в формировании орнаментации следующего, геоксюрского, периода.

Собственно ялангачский тип орнаментации к концу ялангачского периода вырождается настолько, что лишь единичные фрагменты сосудов, украшенных параллельными полосами вдоль венчика, попадают в геоксюрских слоях. Этот тип орнаментации практически не имел никакого значения в сложении геоксюрской росписи.

Что же касается двух других типов ялангачской орнаментации, то с ними дело обстоит иначе. Орнаментация типа Намазга II оказала непосредственное воздействие на сложение в Геоксюрском оазисе не только псевдоубейдской орнаментации керамики. Воздействие оказалось настолько сильным, что отмечается также и в орнаментации керамики последнего периода существования геоксюрской группы поселений.

Яркая и своеобразная полихромная орнаментация керамики геоксюрского периода привлекает к себе внимание исследователей с момента ее обнаружения. В. И. Сариниди, начавший регулярные исследования Геоксура в 1956 г., в первом отчете о раскопках писал, что сложение геоксюрского стиля орнаментации было обусловлено проникновением (в Юго-Восточную Туркмению) новых племен, принесших свою орнаментацию и свой стиль (Сариниди, 1959б, стр. 55). Однако по мере накопления материала эта точка зрения, разделявшаяся до какого-то времени всеми, кто касался проблемы древних земледельцев юго-запада Средней Азии, постепенно изменялась, поскольку в орнаментальных композициях обнаруживались определенные соответствия с узорами на посуде времени Намазга II из поселений подгорной полосы. В итоге сложился взгляд, что геоксюрская орнаментация выработалась в результате слияния двух стилей — приносного изображения креста из областей Северной Месопотамии или Юго-Западного Ирана и местных

полихромных узоров подгорной полосы Южной Туркмении (Сариниди, 1961, 1963б, 1965б; В. Массон, 1961а, 1962г, 1963, 1964б).

К настоящему времени можно подвести итоги в изучении керамической орнаментации последнего периода жизни в Геоксюрском оазисе. Правда, поскольку анализ геоксюрской росписи в какой-то степени выходит за рамки данного выпуска САИ (см. Сариниди, 1965б), наше внимание будет остановлено не на всех узорах, а лишь на геометрических. Причем рассмотрение некоторых узоров геоксюрского стиля приводится лишь для того, чтобы проследить судьбы типов орнамента предшествующего времени.

Итак, известные нам основные орнаментальные узоры в виде фризов геометрического характера можно разделить на 3 типа, причем сюда не входят узоры, содержащие изображение креста, рассмотрение которых выделено особо и помещено ниже.

Первый тип (рис. 11, 1—6) состоит из крупных сетчатых полей, которые в нескольких местах разбиты просветами, вертикальными линиями или простыми геометрическими фигурами (сомкнутые вершинами треугольники и «шахматные доски»). Эти узоры появляются в период, предшествующий массовому существованию полихромной орнаментации, в третьем строительном горизонте геоксюрского шурфа и в восточном комплексе Муллали-Дене (Хлопин, 1964б, стр. 35—36). На наш взгляд, возникновение сетчатых полей связано переходу к печному обжигу посуды, когда краска при повышении температуры обжига стала оплавляться и протекать вниз, образуя естественный мелкоячеистый узор (Хлопин, 1964б, стр. 119—123). Этот тип узоров — искусственное воспроизведение мелкоячеистой сетки.

Второй тип (рис. 11, 8—10) — цепочка ромбов с различно трактованным внутренним полем. Этот орнамент является отголоском так называемой псевдоубейдской орнаментации ялангачского периода (рис. 11, 7), которая в свою очередь возникла в Геоксюрском оазисе под воздействием росписи типа Намазга II.

Третий тип объединяет большинство мотивов орнамента, причем, как видно на рис. 11, включаемые в него типы групп различаются между собой по принципу построения фриза. Объединение всех этих узоров объясняется тем, что в их основе лежат полихромные узоры типа Намазга II. Большинство узоров (кроме изображенных на рис. 11, 35, 39) взято с сосудов, найденных на поселениях оазиса; это могли быть именно те узоры, которые послужили реальными образцами для ряда геоксюрских мотивов.

Остановимся кратко на группах третьего типа. Первая группа (рис. 11, 13—16) включает узоры из сочетаний косо поставленных зубчатых линий черного цвета с красными полосами или сетчатыми полями. Вторая (рис. 11, 20—24) имеет в своей основе горизонтальный зигзаг обычно красного цвета. Треугольные поля, образованные зигзагом и горизонтальными линиями границ фриза, заполнены черными фигурами, в основном треугольниками, но с разнообразным оформле-

Исходные мотивы для геоксюрского стиля		Основные мотивы геоксюрской орнаментации	Типы
Намазга II	Псевдоубейд		
			I
			II
			1
			2
			3
			4
			5

Рис. 11. Воздействие мотивов орнамента времени Намазга II на сложение геометрической орнаментации геоксюрского стиля.

нием середины и сторон. Третья группа (рис. 11, 28—34) состоит из узоров, расположенных во фризе вертикальными рядами. Это парные фигуры в виде песочных часов, находящихся друг над другом, в большинстве случаев слитых, в результате чего получились ромб и два треугольника сверху и снизу. Эти фигуры разделяются черными или красными полосами. В четвертой группе (рис. 11, 36, 37) налицо тот же вертикальный принцип построения, но зубчатое оформле-

няет мотив равноконечного креста, изображенного в большом количестве вариантов. Этот орнамент настолько своеобразен, что неоднократно привлекал к себе внимание исследователей. Возникшие точки зрения сводились к тому, что мотив креста происходит из Северной Месопотамии, где его прототип был встречен на чашах Самарры хасунского времени (V тыс. до н. э.), а затем распространился по значительной территории Ирана, вплоть до Южной Туркмении. Появление

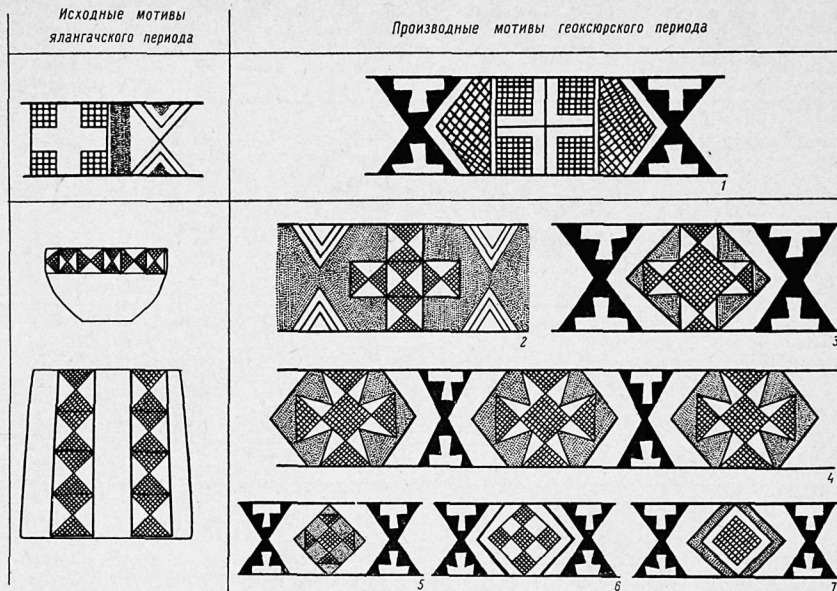

Рис. 12. Схема сложения крестового орнамента геокюрского стиля.

ние боковых сторон метоп имеет в своей основе другой тип орнаментации Намазга II, чем в предыдущей группе. Наконец, последняя группа (рис. 11, 40—44) является как бы слиянием двух разновидностей орнамента стиля Намазга II — метоп, рассеченных по диагонали фестончатыми полосами, и Z-видных или Г-образных фигур с различно трактованным внутренним полем.

Таким образом, основные мотивы геометрической орнаментации геокюрского стиля можно определенно считать возникшими под влиянием местных южнотуркменских (западных) узоров. Прямого воздействия культур Ирана и Ближнего Востока на их сложение не наблюдается, хотя в опосредствованной форме (через стиль Намазга II) о них говорить, по-видимому, можно.

Одно из основных мест в геокюрской орнаментации (по подсчетам В. И. Сариниди) зани-

мает в Геокюрском оазисе на рубеже периодов Намазга II и Намазга III (начало позднего неолита) объясняется инфильтрацией групп чужеродных людей. Этим же объясняется появление обряда захоронения покойников в коллективных погребальных камерах, а также некоторых новых черт в манере изображения мелкой терракотовой скульптуры (Хлопик, 1962а, 1962б; Сариниди, 1963б; В. Массон, 1962г, 1963, 1964б).

Изображение креста известно во многих вариантах начиная с раннегеокюрского времени. Рисунок раннего креста (рис. 12, 1), хотя и занимает всю ширину фриза, по своему выполнению отличается от более поздних. Этот тип креста в отличие от других имеет точное соответствие среди керамической орнаментации типа Намазга II, поэтому, как и многие другие мотивы некрестового орнамента, именно данный рисунок следует считать возникшим под непосредственным воздей-

ствием полихромной орнаментации типа Намаза II.

На одной из чаш геоксюрского времени было встречено изображение равноконечного креста с оригинальным заполнением его внутренней по-

в так называемой псевдоубейдской орнаментации керамики ялангачского времени. Горизонтальная полоса представляет собой не что иное, как отрезок фриза чаш и сферических сосудов с отогнутым венчиком. Вертикальная полоса как бы це-

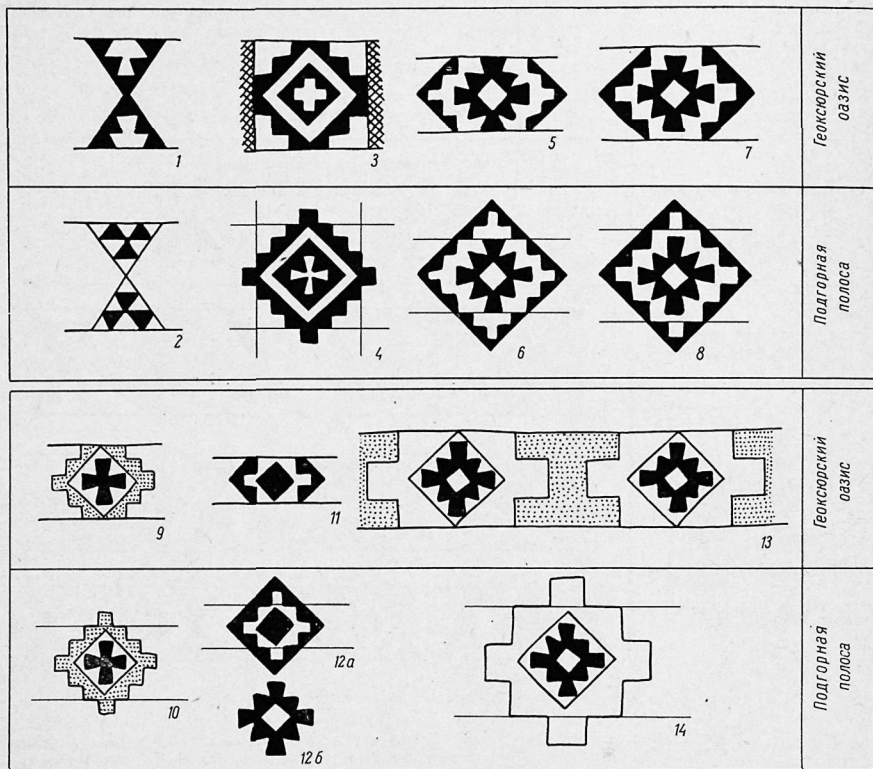

Рис. 13. Позднегеоксюрский крестовый орнамент и его генетические прототипы.

1 — разделитель в геоксюрском фризе; 2 — разделитель из слои Кара 1Б Кара-Дене, негатив предыдущего; 3 — Геоксюр (Сарианиди, 1965б, табл. VIII, 6; X, 19; IV, тип III, B, 1-4); 4 — Кара-Дене (В. Массон, 1961в, табл. VII, 7); 5 — Чонг-Дене (Сарианиди, ук. соч., табл. XI, 34; XIII, 1); 6 — прототип предыдущего, встречен на Хануз-Дене (Сарианиди, 1960, рис. 5); 7 — Чонг-Дене (Сарианиди, 1965б, табл. XIII, 8, 20); 8 — Кара-Дене (шифр Кд. Р₂ MC-2); 9 — Геоксюр (Сарианиди, ук. соч., табл. IV, тип III, B, 5); 10 — генетический прототип предыдущего, негатив рис. 8; 11 — Чонг-Дене (Сарианиди, ук. соч., табл. XI, 48); 12a — генетический прототип предыдущего; 12b — Кара-Дене, позитив предыдущего (шифр Кд. Р₂-61); 13 — Чонг-Дене (Сарианиди, ук. соч., табл. XI, 38, 59; IV, тип III, Г, 6); 14 — реконструкция основного орнаментального мотива 13.

верхности (рис. 12, 2). Это пять пар треугольников, сомкнутых вершинами, расположенных определенным образом. Горизонтальная поперечина креста содержит три такие фигуры; они чередуются: в центре треугольники соединены в виде песочных часов, по бокам — в виде бабочек. На вертикальной поперечине названные фигуры расположены друг над другом. Каждая из полос, взятая в отдельности, имеет отчетливые прототипы

ликом взята с баночного сосуда той же группы керамики. Каждая из них может быть выведена в свою очередь из полихромной орнаментации типа Намаза II. Вот от этого-то рисунка креста происходят все остальные варианты данного изображения.

Действительно, крест на рис. 12, 3 построен по такой же схеме, но, вместо того чтобы в центральном ромбе оставить два незаполненных тре-

угольника, его заштриховали целиком. Вследствие этого средний ромб стал непропорционально большим и громоздким по сравнению с маленькими треугольниками в лучах креста: сторона центрального ромба оказалась вдвое длиннее боковых сторон равнобедренных треугольников. В первом варианте это было не так заметно из-за общейadroбности рисунка.

Положение значительно исправили в следующем варианте исследуемого изображения (рис. 12, 4), которое можно датировать серединой геоксюрского периода. Оно стало более правильным и пропорциональным благодаря сокращению вдвое сторон центрального ромба. В связи с нарушением первоначальных пропорций изменилась общая конфигурация креста — у него расширяются лучи, он приобретает очертания мальтийского креста. Рамка, в которую он заключен во фризе, остается прежней по выполнению, но в связи с сокращением размеров центрального ромба становится более изящной. Найденная пропорция составляющих крест элементов оказалась наиболее удачной и в смысле построения фигуры, и в смысле ее зрительного восприятия; очевидно, этим объясняется то, что именно данный рисунок креста встречается значительно чаще других.

Далее происходит измельчение и дробление крестовидного орнамента. Крест уже не занимает всей высоты фриза. Его помещают в ромбические поля между пересекающимися лентами и между противостоящими вершинами треугольниками с полукрестовым просветом. Однако его по-прежнему заключают в красную рамку, причем если раньше она имела форму шестиугольника, то теперь превращается в ромб (рис. 12, 5). Отсюда уже совсем недалеко до «шахматной доски» (рис. 12, 6), целиком заполненного сеткой ромба (рис. 12, 7) и даже до обыкновенного мальтийского креста с закрашенной серединой.

Крестовидные узоры последнего этапа существования геоксюрской группы поселений, представленные материалами поселения Чонг-Депе, отличаются от так называемых среднегеоксюрских, рассмотренных выше. Они различаются не только начертанием, которое можно было бы

объяснить хронологической последовательностью, а тем, что в основе тех и других лежат разные прототипы, хотя несомненной преемственности отрицать, разумеется, нельзя. Так, например, продолжает употребляться ранее появившийся разделитель из двух сомкнутых вершинами треугольников с внутренним фоновым просветом в виде полукреста (рис. 13, 1). Эта фигура полностью соответствует разделителю раннего Намазга III (Кара 1Б), но является его негативом (рис. 13, 2).

Различные крестовидные фигуры располагались во фризе в соответствующем обрамлении, что хорошо видно на примерах, представленных в верхнем ряду рис. 13. Но при внимательном рассмотрении этих фризов становится очевидным, что гончары последнего этапа существования Геоксюрского оазиса пользовались в качестве образца керамикой из подгорной полосы времени Намазга III, но подгоняли ее узоры под свои традиции. В нижнем ряду рис. 13 представлены такие прототипы, а линиями показаны отсеченные от них части. Графическое доказательство этого настолько наглядно, что освобождает нас, по нашему мнению, от длительной словесной полемики. Остается только обратить внимание на узор 13, 13, неверное понимание которого породило представление о существовании среди геоксюрской росписи разделителей в виде колонн (Сарьянди, 1965б, табл. IV, тип III, Г, 6); последние в сущности не что иное, как фоновые просветы между рисунками крестов, окрашенные в красный цвет.

Таким образом, все варианты рисунка креста на керамике геоксюрского периода могут быть выведены из более ранних узоров местной, южно-туркменстанской, энеолитической керамики. Это снимает, с нашей точки зрения, один из аргументов в пользу проникновения в эти места каких-то влияний с территории Центрального Ирана. В то же время было бы неверным, исходя из того что крестовая композиция возникла из геометрических мотивов, лишать ее определенной семантической нагрузки, но сейчас трудно сказать — какой именно.

ГЛИНЯНАЯ СКУЛЬПТУРА И ПОДЕЛКИ

На всех без исключения древнеземледельческих поселениях найдены антропоморфные статуэтки преимущественно из обожженной глины, фигурки животных и различные поделки в основном из необожженной глины.

Антропоморфная скульптура

Найденная антропоморфная скульптура (74 экз.) может быть разделена на группы по некоторым признакам: по материалу, в котором она выполнена, — терракотовая, из необожженной глины и каменная; по основной позе — сидящая и стоящая.

Группа терракотовой сидящей скульптуры делится в свою очередь на подгруппы; основные признаки — отсутствие или наличие рук и их трактовка. Необожженные статуэтки можно разделить на реалистичные и схематичные. Каменная скульптура не поддается дифференциации из-за фрагментарности и малочисленности находок. Из всего количества, указанного выше, 33 фрагмента следует только учесть, так как они не поддаются классификации, настолько они мелки или невыразительны. Таким образом, мы можем оперировать лишь 40 крупными фрагментами и одной целой статуэткой.

Все найденные антропоморфные статуэтки ялангачского периода только женского пола, мужские статуэтки для этого времени пока неизвестны. Учитывая большой объем исследований, можно считать, что мужские статуэтки тогда еще не изготавливались. Они появляются впервые в оазисе в середине геоксюрского периода, а в подгорной полосе зафиксированы на Кара-Деле в слое Кара 1Б.

У крупных фигурок правая и левая половины лепились отдельно из глиняного теста с большой примесью рубленой соломы. Потом обе половины соединялись вместе, к ним прилеплялась голова. Мелкие статуэтки изготавливались из одного куска глины. Полученная основа покрывалась толстым слоем ангоба, скрывающего соединительные швы; по нему наносились узоры черной краской. В результате последующего обжига ангоб часто приобретал красный цвет. О недостаточности темпе-

ратуры обжига свидетельствует непрочная слоистая черная сердцевина; температура была, очевидно, такова, что могла образоваться лишь прокаленная корка толщиной 4—5 мм.

Статуэтки без рук на поселениях Геоксюрского оазиса, как видно из табл. 9, составляют подавляющее большинство. Они разной величины, причем самые крупные достигают 28 см в высоту (табл. XIV). Их хорошо выраженные плечи переходят в пышную грудь; удлиненную шею венчает небольшая голова, трактованная очень условно — отмечены ямками глаза, зашипы между ними обозначает нос. Тонкая талия переходит в широкие массивные бедра; ноги до колен соединены вместе, а ниже — раздваиваются.

Статуэтки этого вида сохранили роспись, нанесенную до обжига, причем узоры можно трактовать различно. Так, часть их является дополнением к пластике глины; это брови, заполнение глазных впадин, соски и лобок. Другие узоры также дополняют скульптуру, но являются средством передачи не частей тела, а украшений — лент или ниток бус на шее, браслетов на лодыжках. Третья, и последняя, категория орнаментации статуэток может рассматриваться в качестве магических символов. В основном это соллярные круги и какие-то знаки.

Статуэтки с руками, представляющими собой конические отростки, отходящие вниз от плеч, более редки, но выполнены реалистичнее предыдущих. Лицо их имеет не только глаза, но и рот, шея не так вытянута, грудь не столь пышная и слегка отвислая. К сожалению, из-за фрагментарности ничего нельзя сказать о нижних частях этих статуэток. Роспись на них, как правило, не встречается, если не считать обломка с Муллали-Деле (табл. XIX, 5), но он найден при поверхностных раскопках, и его отнесение к ялангачскому или геоксюрскому времени трудноопределимо.

Статуэтка с руками, выполненными целиком, имеется лишь в одном фрагментированном экземпляре. Сохранившаяся левая рука согнута в локте и поддерживает грудь.

Стоящие статуэтки еще более редки. Известны только два крупных фрагмента торсов и два обломка ног с широкой плоской стопой. Торсы

чпной и отсутствием богатой росписи. Последняя имела только на двух торсах (ожерелье вокруг шеи) (табл. XV, 6, 7) и на одном бедре (какая-то непонятная решетчатая фигура) (табл. XV, 12). Маленький фрагмент из обожженной глины представляет верхнюю часть статуэтки, обломанной по линии талии (табл. XV, 8). От всех остальных она отличается не только величиной, но и полным отсутствием груди. На ней сохранились слабые следы черной краски, нанесенной уже после обжига; окрашены глазные впадины и спереди лентя ниже шеи.

Верхняя половина женской статуэтки (табл. XV, 1), найденная близ помещения 4 второго строительного горизонта, изготовлена из глины с большой примесью мелко нарубленной соломы и покрыта тонким слоем розового ангоба. По сохранившейся части трудно судить о позе, которая была придана статуэтке, но, очевидно, статуэтка была сидящей. Она имеет слабо моделированное лицо: глаза и рот обозначены круглыми вдавленными линиями. К покатым плечам были прикреплены руки. Грудь крупная, слегка отвислая, совершенно иная, чем у всех других изображений.

Нижняя часть статуэтки (табл. XV, 15), найденная среди мусора во дворе близ помещения 16, судя по форме, принадлежала стоящей женской фигурке. На обоих бедрах сохранились следы росписи черной краской: на левом бедре нарисован козел, на правом — углы, расположенные елочкой. Спереди имеется изображение бахромчатого передника. Кроме того, найдены два фрагмента ног с плоской ступней (табл. XV, 19).

Из известняка (табл. XV, 22) изготовлена верхняя часть статуэтки. Лицо дано в крайне условной манере, а плечи сделаны широкими и угловатыми.

На Муллали-Депе найдено 6 фрагментов терракотовых статуэток.

Наиболее интересный фрагмент торса женской статуэтки был найден при первичном обследовании Муллали-Депе в 1956 г. (Сарианиди, 1961, табл. X, 4). Сделанный довольно неаккуратно (одна грудь налеплена выше, другая ниже), он по внешнему виду принадлежит к более поздним статуэткам, характерным для геокюрского времени. Статуэтка имела руки, идущие вниз от широких плеч. Торс украшен росписью, которая нанесена вокруг шеи (ожерелье с подвесками) и на плечах (четыре точки) (табл. XIX, 5).

Там же найдены два обломка спаренных ног (табл. XIX, 9, 10), причем у последнего на обоих коленях имеется по черному пятну, нижняя часть статуэтки без каких-либо украшений (табл. XIX, 7), нижняя часть статуэтки, у которой лобок обозначен налепным валиком углом вверх (табл. XIX, 6), и правое бедро с налепом в нижней части живота, покрытым тонкими дырочками, представляющими, по-видимому, имитацию волос (табл. XIX, 8). Все статуэтки были сидящими, а положение их рук неизвестно.

На Айна-Депе найдено также 6 обломков статуэток.

Крупный торс сидящей статуэтки (ширина плеч 68 мм), найденный в помещении III, 5,

имеет небольшие налепные конические груди и сильно сужается к талии. На плечах сохранились места соединения прилепных рук с туловищем (табл. XXIII, 3).

Половина сидящей статуэтки, расколотой вдоль, найдена на поверхности холма. Она в отличие от многих других была выполнена с большим мастерством, о чем свидетельствует плавная и выразительная линия бедер, рук и спины. Но главной ее особенностью является крайне редкая поза: руки вылеплены так, что поддерживают груди (табл. XXIII, 2).

Верхняя часть, очевидно, сидящей статуэтки найдена также на поверхности холма. Она имеет схематично выполненную голову на длинной шее, руки до локтя и небольшие груди. Лицо изображено условно: показан нос и тремя ямками рот и глаза (табл. XXIII, 1).

Нижняя часть сидящей статуэтки (табл. XXIII, 4) обладает небольшой стеатопигией и, по сути дела, относится к обычному типу подобных изделий. Кроме того, найдены две правые локтевины нижних частей сидящих статуэток без каких-либо украшений.

На поселении Геокюр 7 найдены обломки трех статуэток: торс стоящей фигурки (табл. XXIV, 32), левый бок с плечом (табл. XXIV, 31) и каменная головка (табл. XXIV, 33).

С поселения Геокюр 9 известны также три фрагмента: половина торса (табл. XXVI, 40), нога (табл. XXVI, 41) и каменная головка с плохо сохранившимися чертами лица (табл. XXVI, 36).

Зооморфная скульптура

Статуэтки различных животных, причем только домашних, найдены почти на всех поселениях оазиса. Но на Акча-Депе, Муллали-Депе, Айна-Депе и Геокюре 9 их обнаружено в общей сложности 5, а с Ялангач-Депе происходит более 30 фигурок. Поэтому ниже рассматривается коллекция изображений животных только с Ялангач-Депе.

Все фигурки изготовлены из необожженной глины и отличаются тщательно заглаженной поверхностью. Исключением является слегка обожженная фигурка (табл. XVI, 2), найденная в горелом слое. Однако о ее специальном обжиге говорить нельзя; видимо, она случайно попала в очаг. Всего было найдено 8 крупных фигурок (высота 6.5 см, длина 8 см), 12 средних (высота 5 см, длина 6 см) и 6 мелких (высота 3.5 см, длина 4.5 см); 6 экземпляров представлены фрагментами, из которых только один принадлежал очень крупной фигуре (предположительно высота 10—12 см, длина 14—15 см).

Подвальное большинство фигурок выполнено настолько реалистично, что можно определить вид животных. 12 фигурок (6 целых, 3 торса и 3 передних части с головами) являются изображениями баранов (табл. XVI, 2, 4, 6), причем похоже, что представлены две породы. Все они имеют приростенную морду, хвост, слегка загнутые внутрь задние ноги и слабо выступающий загривок. Рога показаны налепными шишками, на

некоторых экземплярах можно заметить спиральную закрученность. Часть фигурок имеет зашипанную спину (вдоль хребта) и подгрудок, однако короткая крутая спина с четко обозначенным прогибом седла у трех экземпляров выделяет их из всей массы зооморфной скульптуры.

Бычки представлены тремя экземплярами. У всех вытянутые пропорции: задние ноги и линия спины образуют почти прямой угол. Сохранившийся в одном случае рог, прямой и крупный, направлен вперед и слегка загнут на конце (табл. XVI, 3).

Две маленькие статуэтки и три фрагмента, возможно, изображают собак.

Два фрагмента похожи на изображения длинных шей, что позволяет условно считать их относящимися к фигуркам верблюдов (?).

Об остальных четырех фрагментах нельзя сказать ничего определенного.

Глиняные поделки

В своеобразную группу объединяются все поделки из необожженной глины, либо не поддающиеся определенной интерпретации, либо встречающиеся в единственном числе.

В первую очередь это своеобразные поделки разной величины на столбчатом основании

(табл. XVI, 21—28). У некоторых из них раздвоенная в виде рогов верхняя часть; иногда между рогами сделан небольшой выступ, напоминающий морду животного (табл. XVI, 21—23). Часть их не имеет раздвоенности; у них существует коническая верхушка (табл. XVI, 24—27), причем в одном случае замечен обломанный боковой отросток. Кроме того, сюда же следует отнести крупные колеса с большим отверстием и одно-сторонней втулкой (табл. XXIII, 8, 9; XXVI, 48—50).

Из обожженной глины изготовлены колесо (одно из наиболее ранних) с узким отверстием втулки, похожее на обыкновенный глиняный диск (табл. XVI, 35), маленький сосуд с зашипаным фестончатым краем (табл. XVI, 32) и миниатюрная ложечка с небольшой конической ручкой. Интересны два фрагмента, в которых можно предположительно усматривать обломки ножек от зооморфных сосудов (табл. XVI, 29, 30).

Об одном предмете нужно сказать особо. Это поделка из очень пористой глины (табл. XVI, 36), имеющая форму цилиндра (высота 11 см, диаметр 11 см) со слегка вдавленными стенками. Верхняя плоскость предмета представляет собой слегка наклоненную внутрь площадку, окруженную по краю валиком. В центре этой площадки находится сквозное отверстие диаметром 2,5 см; на нижней плоскости диаметр отверстия сужается до 1 см.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе были рассмотрены совокупность находок с восьми поселений геоксюрской группы, а также генезис и эволюция керамической орнаментации эпохи развитого энеолита юго-запада Средней Азии. В заключении надлежит вкратце остановиться на тех исторических выводах, которые вытекают из предложенного материала, причем они касаются не только замкнутой группы поселений, но в известной степени могут быть распространены на всю Южную Туркмению. Краткость предлагаемых выводов объясняется тем, что они уже разбирались в печати.

Экономика. Экономической основой оседлого населения юго-западных областей Средней Азии поры развитого энеолита, как и в предшествующем культурно-историческом периоде (Хлопкин, 1963б), оставались земледелие и скотоводство. Однако и в той и в другой отрасли отмечается определенный прогресс, связанный с общим развитием древнеземледельческих коллективов.

В начале развитого энеолита в юго-восточном районе Туркмении (в Геоксюрском оазисе) для орошения полей продолжают использоваться паводковые разливы дельтовых протоков р. Теджен. Сохраняется прежний тип наиболее простого лиманного орошения и связанная с ним техника земледелия. Примерно с середины ялангачского периода (может быть, несколько раньше) появляются данные, которые могут свидетельствовать в пользу того, что древние земледельцы становятся обладателями орудий для копки земли. Это не мотыги, столь распространенные по всему Ближнему Востоку, а более простые палки-копалки с каменными утяжелителями. Такие утяжелители в виде наверхней булав или бубликов найдены на многих поселениях. Массовые находки этих предметов относятся к позднему энеолиту (В. Массон, 1961в; Сарияниди, 1961; Хлопкин, 1962а).

Следы наиболее ранних ирригационных сооружений в виде каналов, арыков и бассейнов-водохранилищ (хаузов) были обнаружены близ поселений Геоксюр 1 и Муллали-Дене (Лисицына, 1964б; Сарияниди, 1963а) и относятся к геоксюрскому периоду, к последним этапам существования древнетедженской дельты (Лисицына, 1963б).

На территории Геоксюрского оазиса сохранилась гидрографическая сеть только позднего периода; что же касается гидрографической сети ялангачского периода, то она погребена под аллювиальными наносами толщиной до 1 м. Единственным известным орудием для земляных работ в геоксюрское время была палка-копалка. Она появилась раньше, но, пока нам неизвестны ирригационные сооружения ялангачского периода, мы вправе допустить в порядке рабочей гипотезы появление наиболее простых ирригационных сооружений именно в развитом энеолите, в ялангачском периоде.

Основными культурами были двухрядный ячмень (*Hordeum distichum* L.) и мягкая пшеница (*Triticum vulgare* L.). Обугленные зерна этих злаков найдены в западном комплексе построек на Муллали-Дене. Зерна ячменя численно преобладают: отношение их количества к количеству зерен пшеницы равно 30 : 1.

Орудием жатвы, видимо, по-прежнему был нож с прямой основой; самих основ не найдено, но характер следов изношенности кремневых вкладышей (Коробкова, 1964) не позволяет уловить изогнутой формы серпа, хотя при довольно высокой общей культуре такие серпы могли бы существовать. Вопрос о наличии в это время медных (металлических) жатвенных орудий может в теоретическом плане решаться положительно, несмотря на то что еще не найдено ни одного такого орудия. Сжатое зерно обрабатывалось прежним ассортиментом орудий: зернотерками, ступками и т. д.

Состав стада древних земледельцев устанавливается с поры раннего энеолита (Хлопкин, 1963б) и не меняется со временем: крупный рогатый скот, козы, овцы и свиньи. Единственно, что можно отметить, это увеличение разрыва между поголовьем крупного и мелкого рогатого скота. Видимо, тенденция к увеличению такого разрыва действительно имела место, а причина этого кроется, по всей видимости, в постепенном усыхании и миграции дельты Теджена (Лисицына, 1963а), в результате чего складывались условия, более благоприятные для разведения мелкого рогатого скота. Скотоводство в целом, надо полагать, было отгонным, пастушеским.

Охота, вероятно, продолжает служить источником пополнения запасов мяса (основные объекты — джейран и кулан; встречаются олень, кабан и баран). Процент диких животных, обнаруженных на поселениях ялангачского периода, по отношению к домашним не превышает 10.

Архитектура и общественные отношения. Значительные участки вскрытых поселений позволяют представить нам облик небольшого поселка поры развитого энеолита. На искусственном холме, «обтекаемая» его, сооружен ряд преимущественно однокомнатных домов,¹ охваченных обводной стеной с выступающими по углам круглыми «башнями». Здания внутри огражденного участка поселения — в основном жилые, но наряду с ними есть помещения, имеющие иное назначение.

Жилые помещения представлены тремя группами домов: однокомнатные дома без очагов, однокомнатные дома с очагами в определенном углу и дома из одной-двух смежных комнат, где, помимо бытового очага, находится глиняная жаровня-подиум. Кроме названных групп жилищ, вероятно, были обитаемы и круглые постройки, включенные в линию ограды; они могли быть приравнены к прямоугольным домам без очага. По-видимому, здесь мы сталкиваемся не столько с имущественной дифференциацией, сколько с общественной. Можно думать, что жилищами обычных парных семей являлись однокомнатные дома с очагом. В домах без очага могли жить недавно выделившиеся брачные пары, не имевшие еще своего очага, а «прикрепленные» к тому дому, из которого происходил кто-либо из них двоих.² Что касается домов третьей группы, то они могли служить жилищем представителей старшего поколения. Последние вследствие своей опытности и авторитета, по-видимому, имели право совершать различные религиозно-магические обряды не публично, а в индивидуальном порядке.

К особому типу построек принадлежат прямоугольные дома, находящиеся в центральной части каждого из вскрытых поселений. Они, как правило, почти вдвое и более крупнее жилых домов и имеют ряд особенностей: размеры площади (22—37 м²), более капитальная постройка стен (из двух рядов кирпича), отсутствие бытовых очагов и главное — прямоугольная жаровня-подиум, обнесенная валиком и разделенная на две части. Перечисленные особенности зданий не позволяют видеть в них жилища; наиболее вероятно, что это были особые постройки, выполнявшие роль общинных домов, подобных современной «аулу-

хона» горных таджиков (Сарианиди, 1962в; Хлопин, 1962а, 1964б). Появление таких домов надо, вероятнее всего, связывать с крупными сдвигами в общественных отношениях древнего населения, которые в геокюрском периоде найдут свое выражение в многокомнатных домах и в специальных святилищах с круглыми центральными алтарями (Сарианиди, 1962а).

Если сравнить поселение ялангачского периода с поселением геокюрского периода, то окажется, что перед нами поселки как бы двух эпох, хотя в стратиграфическом отношении их разделяют всего два-четыре строительных горизонта (не более 100 лет, если не меньше). Столь разительную перемену в облике поселения могли вызвать такие изменения в общественной структуре, которые произошли за сравнительно короткий промежуток времени и сломали древний уклад жизни, сохранившийся почти без изменений с эпохи неолита (джейтунская культура) в течение около полутора-двух тысячелетий.

Не занимаясь анализом всех изменений в облике поселения, остановимся вкратце лишь на том, какие процессы в развитии общества они могли отражать. Дифференциация жилищ, появление и устойчивое развитие общинных домов с тенденцией к сокращению их площади, отдельные круглые здания и, наконец, оборонительные сооружения с башнями — все это стало возможным только благодаря общему прогрессу в развитии производительных сил общества. Появление обработки земли и создание первых ирригационных сооружений, развитие технологии металлургии и гончарства — вот далеко не полный перечень тех новшеств, которые постепенно подтачивали веками существовавшие производственные отношения, свойственные матриархально-родовому строю. Иными словами, в недрах матриархальных поселков (хозяйственных коллективов) с эпохи развитого энеолита возникали новые отрасли в экономике, с самого начала оказавшиеся в руках мужской части населения и способствовавшие постепенному изменению производственных отношений внутри общины. Несколько оставаясь, но тоже постепенно, должны были произойти и оформиться изменения в сознании членов данной хозяйственной общины, о чем свидетельствует появление общинных домов и оборонительных стен. После этих изменений произошел сравнительно быстрый скачок (конец ялангачского периода и переходный этап), предпосылки для которого уже давно созрели. Результатом этого скачка можно считать появление поселков из многокомнатных домов-квартил, характерных для позднего энеолита. Кроме того, для закрепления в сознании людей происшедших изменений членов семей, составлявших род, и после смерти стремились оставлять вместе. Поэтому мы наблюдаем изменение обряда погребения — члены каждой семьи последовательно погребаются в специальных гробницах из сырового кирпича. Все это заставляет усомниться в правильности поисков прауродов народа с толосами за пределами Южной Туркмении. Скорее всего в них погребались внуки и правнуки тех, кто в ялангачское

¹ Некоторые исследователи полагают, что участки поселений на Акча-Дене и во втором слое Ялангач-Дене могут свидетельствовать о сильной застройке поселений ялангачского периода многокомнатными домами (Сарианиди, 1963а). Факт скучности построек на указанных поселениях очевиден, но требует дополнительного изучения. Это не позволяет нам в настоящее время разделить точку зрения о том, что многокомнатные дома появляются в Восточном районе в пору развитого энеолита.

² Такие примеры известны этнографам: см.: М. О. Косев. Семейная община. СЗ, 1948, № 3, стр. 16.

время населял однокомнатные дома. Не будет ли слишком смело, ли преждевременно считать, что историю патриархально-родовых отношений в Южной Туркмении надо начинать с последних этапов периода развитого неолита, а ялангачский период полагать тем интересным отрезком времени, когда можно вполне осязаемо наблюдать зарождение этих отношений. Более того, по-видимому, в общенациональном плане период неолита в целом можно будет считать временем перехода от матриархата к патриархату, подобно тому как сейчас считается само собой разумеющимся мнение о том, что для неолита свойственны матриархальные отношения, а для эпохи бронзы — патриархальные.

Каждый поселок оазиса надо, вероятнее всего, рассматривать как родовой коллектив. Однако если Геоксюр 1 был населен родом, переселившимся в полном составе из подгорной полосы Копет-Дага в конце периода Намаза I, то с остальными поселками дело обстоит несколько иначе. Судя по стратиграфической схеме Геоксюрского оазиса, все они, кроме, может быть, Акча-Депе, возникают позднее Геоксура 1 и по площади значительно меньше его. Это позволяет нам считать три ранних ялангачских поселка (Ялангач-Депе, Айна-Депе и Геоксюр 7), расположенных, кстати, ближе других к основному населенному пункту оазиса, возникшим благодаря сегментации первоначального геоксюрского рода и рассматривать их в качестве дочерних родовых коллективов. Возможно, на первых порах между материнской и дочерними общинами еще удерживались родовые и экономические связи, но вскоре последние окончательно обособляются. В результате складывается положение, что определенная замкнутая территория эксплуатируется группой генетически родственных родовых коллективов. Это позволяет нам выдвинуть тезис о том, что в результате сегментации рода и распространения его по ограниченной территории образуется новая качественно отличная от предыдущей общественная организация — племя. Данная мысль в корне отличается от уже появившейся в литературе точки зрения о том, что «на поселении Геоксюр 1 уже складывалась своего рода „сельская“ община с все более ослабевшими родственными связями, где на первое место выдвигались общесемейные отношения» (Сарнианиди, 1962б, стр. 29), что «в целом весь Геоксюрский оазис ялангачского периода представлял собой отдельную, своего рода новую, общину с центром на поселении Геоксюр 1» (Сарнианиди, 1965б, стр. 46). Рассмотрение геоксюрской группы поселений не позволяет согласиться с приведенными мнениями, сложение и сравнительно кратковременное существование геоксюрского племени представляется нам более соответствующим действительности. В заключение нам представляется закономерным выдвинуть в качестве рабочей гипотезы мысль о том, что сочетание двух крупнейших социальных явлений, а именно перехода от матриархальных отношений к патриархальным и сложения высшего социального организма первобытного общества — племени, фиксируемых, с на-

шей точки зрения, на материалах раскопок поселений Геоксюрского оазиса, является не случайным, а строго закономерным. Если дальнейшая проверка данной гипотезы подтвердит ее, то это будет означать, во-первых, что сложение племенной организации в развитии любого общества надо рассматривать как весьма позднее явление, связанное с переходом общества к патриархальным отношениям, во-вторых, что сложение племенной организации было возможным только при сравнительно высоко развитых производительных силах, при концентрации общественного производства в руках мужской части общества, в-третьих, что племя является выраженным патриархальным отношением, поскольку матриархальные роды этнографически известны, а матриархальные племена — нет.

Археологические находки развитого неолита настолько богаты и разнообразны, что позволяют не только проследить развитие экономического базиса древнего населения, но и попытаться проникнуть в область его *духовной культуры*.³ Так, совершенно определенно продолжает свое развитие весь комплекс верований, связанных с поклонением жизнедеятельным силам природы, олицетворенным в образе плодоносящей женщины-матери. Можно полагать, что образ этот свывался не только к плодородию земли, но и приобретал различные значения, в частности охранительницы домашнего очага. В пользу последнего может свидетельствовать обнаружение фрагментов женских статуэток из обожженной и необожженной глины, заложенных в покров очагов ряда жилищ помещений из второго слоя поселения Ялангач-Депе. К проявлениям культов плодородия надо отнести и многочисленные скульптурные изображения животных, причем только домашних. Их значение очевидно из самой сущности древней экономики, ибо вряд ли они обозначали что-либо иное, чем символическую жертву или просьбу божеству об увеличении поголовья стада.

Другим интересным фактом является развитие культов и верований, связанных с солнцем и огнем; эти верования надо полагать взаимосвязанными, поскольку огонь издавна считался частичкой солнца на земле. Изображения солярных символов в виде кругов с точкой в центре, иногда с отходящими от них лучами, впервые фиксируются на изделиях развитого неолита. Помимо керамики солярные знаки наносились и на женские статуэтки, что могло указывать на связь солнца с матерью-землей. Оригинальные и редкие круглые алтари с отверстием в центре, зарождающиеся в ялангачском периоде, служили для возжигания огня, однако отнюдь не для бытовых надобностей. Более того, их конфигурация тождественна изображению солнца на разных предметах, т. е. это тот же круг с точкой в центре (Хлопик, 1964а).

³ Характер работы не позволяет подробно анализировать духовную культуру древних земледельцев. Поэтому здесь упомянуты те элементы ее, которые очевидно и не нуждаются в специальных доказательствах.

Вопрос о месте земледельцев поры развитого энеолита Южной Туркмении среди древнеземледельческих племен Ближнего Востока уже неоднократно поднимался в литературе (В. Массон, 1962а, 1962в; Сарганиди, 1961, 1963а), это освобождает нас от повторения уже установленного и облегчает нашу задачу в целом. Однако и в этом вопросе могут быть проведены некоторые коррек-

Поскольку керамика (особенно ее орнаментация) является наиболее изменчивым предметом из всех археологических находок, то она подобно индикатору быстро реагирует на появление любых инокультурных влияний. Поэтому из предлагаемого общего обзора эволюции керамической орнаментации времени развитого энеолита без привлечения каких-либо дополнительных катего-

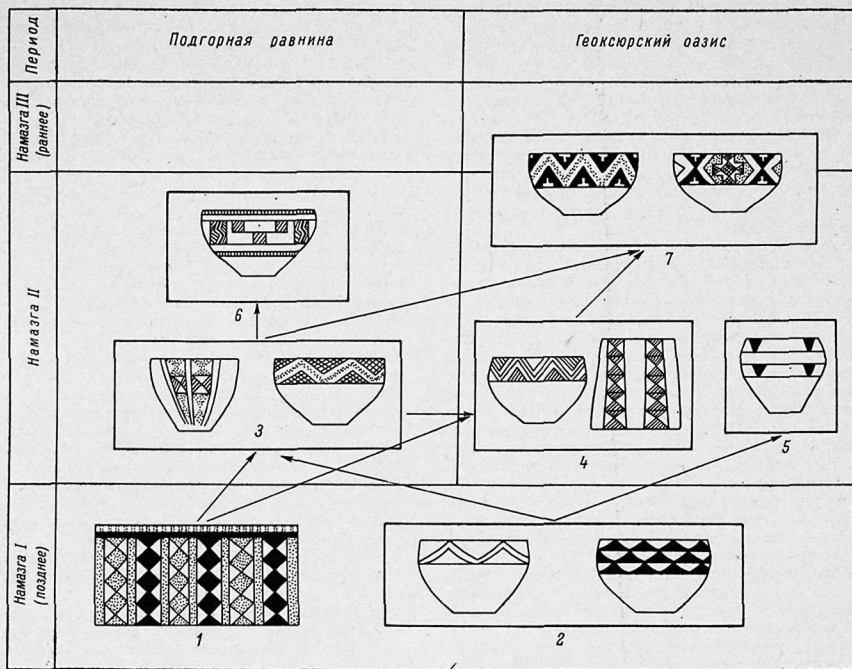

Рис. 14. Общая эволюция орнаментации энеолитической керамики юго-запада Средней Азии.

1 — полихромная настенная роспись; 2 — орнаментация раннего энеолита; 3 — полихромная орнаментация типа раннего Намазга II; 4 — псевдоубейдский тип орнаментации; 5 — алжирский тип орнаментации; 6 — монохромная орнаментация типа позднего Намазга II; 7 — полихромная орнаментация геокюрского типа.

тивы, в первую очередь относительно месопотамского влияния на развитие культуры геокюрского племени.

Оседлоземледельческие племена Южной Туркмении занимали крайний северо-восток земледельческой ойкумены. К северу от них лежала обширная зона, населенная коллективами людей с присваивающей формой хозяйства (Виноградов, 1957; Исламов, 1963). К югу и юго-западу простирался обширные пространства со сходными природными условиями; там мы находим ряд аналогичных культур.

рих находок у читателя должно сложиться мнение о месте энеолитической культуры Южной Туркмении на Ближнем Востоке и о тех влияниях, которые она получала извне (рис. 14).

Орнаментация керамики времени Намазга I в целом выросла, вероятно, на местной основе, хотя не исключено, что какое-то воздействие на сложение некоторых мотивов орнамента оказали более южные племена, населявшие Северный Иран (Хлопин, 1963б) и Ирак. Она настолько характерна и однообразна для всей Южной Туркмении на сравнительно длительном отрезке времени,

что можно полагать нерасчлененность в культурном отношении жителей этой большой области. Несмотря на это, все же выделяются некоторые локальные отличия, связанные, видимо, с палеоэтнографическими особенностями каждого поселения.

В конце периода Намазга I на некоторых памятниках подгорной полосы отмечены полихромные настенные росписи (Анау и Яссы-Депе). Появление последних на этой территории довольно неожиданно, хотя для неолита (Джейту) мы как будто имеем свидетельство в пользу их существования. Так как джейтувская настенная роспись плохо сохранилась и не было никакой возможности ее зафиксировать, а больше таких фактов не встречено, мы можем полагать, что в то время появление настенных панно было случайным. Настенные узоры периода Намазга I не надо, таким образом, вести из неолита (большой временной разрыв); по-видимому, все-таки они появились под воздействием культур Ближнего Востока (Кувфтин, 1956).

К периоду Намазга II наблюдается обособление восточных областей от основной части подгорной полосы Копет-Дага, что прежде всего фиксируется в керамической орнаментации. В Западном районе на смену монохромной орнаментации стиля Намазга I приходит полихромные узоры типа Намазга II. В Восточном районе в это время существует ялангачская монохромная роспись, которая, как было показано выше, является дальнейшим развитием в сторону упрощения и дегерации узоров типа Намазга I. Одновременно с украшением посуды ялангачскими орнаментами население Геокюрского оазиса пользуется привозной посудой с полихромными узорами типа Намазга II и в подражание последней начинает украшать некоторые свои изделия геометрической орнаментацией, состоящей преимущественно из сочетаний треугольников и ромбов.

Полихромная роспись типа Намазга II, оказавшая сильное влияние на гончарную продукцию восточных районов, обязана своим происхождением слиянию нескольких компонентов. С точки зрения фризовой орнаментации она восходит к композиционной схеме ряда орнаментальных фризов на керамике типа Намазга I. Ряд орнаментов (прежде всего вертикального построения), чуждых более ранней системе орнаментации, находит определенные соответствия в культурах Месопотамии, причем не только в композиционном плане, но и в цветовом решении; при этом, однако, нельзя упускать из виду возможность сложения так называемого пучка на основе шевронных узоров периода Намазга I. Поскольку настенные полихромные панно на поселениях Южной Туркмении относятся к тому времени, когда керамику еще не украшали многоцветными узорами, можно полагать, что местное население уже в то время было знакомо с идеей многокрасочности, но не могло ее применить в керамическом производстве, очевидно, из-за несовершенства технологии изготовления посуды, в частности обжига. Лишь с внедрением новых технологических приемов, которые выразились прежде всего в переходе

от обжига посуды в кучах к печному обжигу (Хлопин, 1964б), появилась сразу реализованная возможность нанесения на сосуды орнамента в две краски за счет разбивки прежде монохромной композиции на два цвета. И уже после этого двухкрасочная орнаментация стала поступать в восточные поселки, породив там новый стиль орнаментации, который в своей основе также можно считать восходящим в какой-то части к орнаментации типа Намазга I.

Как же сложилась дальнейшая судьба полихромной орнаментации типа Намазга II?

В Западном районе она продолжает свою эволюцию, постепенно упрощаясь, утрачивает сочность рисунка и, что интересно, двухцветность. В отношении сочности рисунка напрашивается аналогия с превращением орнаментации типа Намазга I в ялангачский стиль. Что же касается двухцветности, то весьма вероятно, что нанесение двух красок на готовое изделие было сопряжено с какими-то сложностями и с течением времени, с развитием массовости изделий постепенно себя изжило. Линия развития росписи типа Намазга II прекращается накануне появления зооморфной орнаментации Намазга III. Это повторяет аналогичный, но несколько более ранний процесс в Восточном районе: прекращение ялангачской орнаментации перед появлением геокюрской полихромной росписи. Правда, не исключена возможность, что внутренние причины этих двух аналогичных явлений были неодинаковы, однако окончательное решение данного вопроса еще впереди.

Геокюрские полихромные узоры геометрического характера, столь отличные, на первый взгляд, от остальной южнотуркменской керамической орнаментации, оказываются полностью местного происхождения и могут рассказать нам о заключительном этапе развития орнаментации типа Намазга II на том отрезке времени, когда в местах своего возникновения она уже прекратила существование, уступив место зооморфным узорам времени и типа Намазга III.

Появление особой полихромной орнаментации в Юго-Восточной Туркмении стало возможным благодаря нескольким моментам разного характера. Во-первых, в технологии производства посуды появились обжитательные горны. Во-вторых, у местных гончаров уже сложились определенные навыки в орнаментации посуды геометрическими узорами. В-третьих, не прекращались связи с населением подгорной полосы, которые способствовали непрерывному притоку сперва двухцветно орнаментированной посуды, а затем и монохромной типа Намазга III, служившей образцом для местных гончаров. Иными словами, геокюрская орнаментальный стиль целиком возник под воздействием полихромной орнаментации типа Намазга II и следующей за ней монохромной орнаментации типа Намазга III, но двумя путями — непосредственно и опосредованно, через псевдоубейдскую группу узоров. Вследствии геокюрская орнаментация развивается без особых всплесков и опять же постепенно выражается в материале нижних слоев Хапуз-Депе. Окончательное прекращение всяких отголосков орнаментальных

мотивов развитого энеолита относится ко времени Намазга IV, к раннебронзовому веку.

Всем предшествующим изложением мы стремились показать, что в течение всей истории существования Геокюрского оазиса не наблюдается инфильтрации никакого чужеродного населения. Общины этой области развивались по своим внутренним путям, но не в отрыве от основной территории подгорной полосы. Об этом свидетельствует эволюция керамической орнаментации, об этом может свидетельствовать линия развития терракотовой скульптуры, параллельная развитию скульптуры подгорной полосы. Отмечаемое исследователями сходство ее в некоторых деталях с аналогичными предметами из Южной Месопотамии и Элама (В. Массон, 1964а; Сариниди, 1965б), по нашему мнению, может быть объяснено их конвергентным развитием. Это же отно-

сится к круглым постройкам ялангачского периода, которые совершенно незачем «тащить» через реки и горы за многие сотни километров из Северного Ирака. Исследования в Геокюрском оазисе открыли нам историю одного из древнеземледельческих племен от его сложения до фактической гибели, так как под непреодолимым воздействием стихийных сил природы оно было лишено главного своего атрибута — племенной территории. Эта история длилась менее одного тысячелетия, а понять ее помогла только передовая историко-материалистическая методология. Не исключено, что в дальнейшем ряд закономерностей, выявленных на конкретном археологическом материале, примет более общие формы и поможет исследователям проникнуть в существо некоторых нерешенных теоретических вопросов истории первобытного общества в целом.

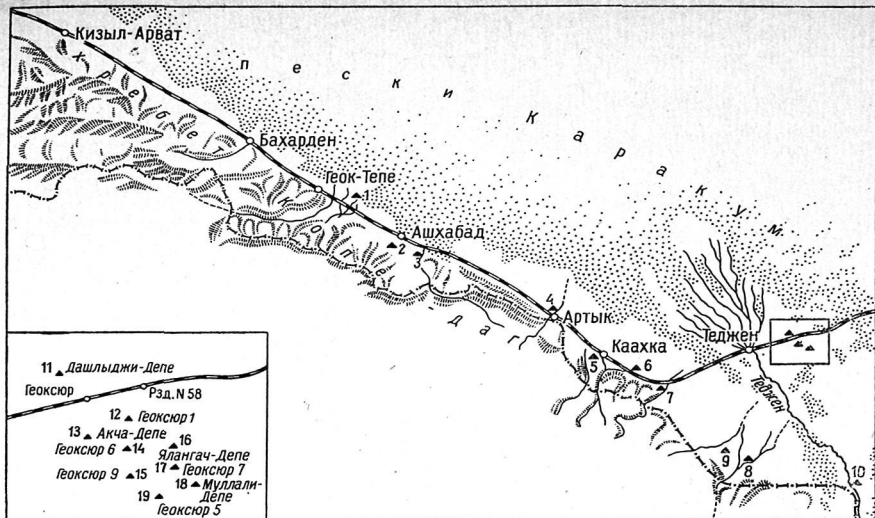
БИБЛИОГРАФИЯ

- Адыков К. А., В. М. Массон. 1960. Древности Теджен-Мургабского междуречья. ИАН ТуркмССР, СОН, № 2.
- Артемьев В. В., С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова. 1961. Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду (C^{14}). СА, № 2.
- Букчинич Д. Д. 1924. История перыботного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. «Хлопковое дело», № 3—4.
- Букчинич Д. Д. 1929. Некоторые новые данные об Анау и Намазга-Тепе. «Туркменоведение», № 5. (Перевод: Neues über Anau und Namazga-tere. ESA, v. V, 1930).
- Виноградов А. В. 1957. К вопросу о южных связях кельтминарской культуры. СЭ, № 1.
- Гаияли А. Ф. 1956. К стратиграфии Намазга-Тепе. ТИИАЭ АН ТуркмССР, вып. II, Ашхабад.
- Гаияли А. Ф. 1958. Археологические памятники горных районов северо-западного Копет-Дага. ИАН ТуркмССР, № 5.
- Гаияли А. Ф. 1959. Илгылы-Тепе. ТИИАЭ АН ТуркмССР, вып. V, Ашхабад.
- Грязнов М. П., Б. Б. Пиотровский. 1939. Сибирь, Казахстан, Средняя Азия в эпоху бронзы. В кн.: История СССР. (Матер.). Ч. I, гл. 3, § 7.
- Дурдыев Д. Д. 1959. Итоги полевых работ Сектора археологии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР 1954—1957 гг. ТИИАЭ АН ТуркмССР, вып. V, Ашхабад.
- Дьяконов И. М. 1959. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., Исламов У. 1963. Неолитическая культура в низовьях Зеравшана. Автореф. канд. дисс. JI.
- Итига М. А. 1951. Памятники энеолита и бронзового века Средней Азии. Автореф. канд. дисс. М.
- Кобранов Е. А. 1927. Историческое и культурное значение Анау. Ашхабад.
- Кожин П. М. 1964. И. Н. Хлопин. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. (САИ, БЗ—8, ч. I, 1963); В. М. Массон. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. (САИ, БЗ—8, ч. II, 1962). [Греневзия]. СА, № 3.
- Комаров А. В. 1888. Закаспийская область в археологическом отношении. «Туркестанские ведомости», № 24.
- Коробокова Г. Ф. 1964. Функциональный анализ кремневых и костяных изделий поры энеолита. ИАН ТуркмССР, СОН, № 3.
- Куртин Б. А. 1954. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культуры Анау». ИАН ТуркмССР, № 1.
- Куртин Б. А. 1956. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры перыботно-общинных оседлоземельных поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад.
- Лисицына Г. Н. 1963а. Основные черты палеогеографии Геокюрского оазиса. КСИА, вып. 93.
- Лисицына Г. Н. 1963б. Древние земледельцы в дельте Теджена. «Природа», № 10.
- Лисицына Г. Н. 1964а. Растительность Южной Туркмении в эпоху энеолита по палеоботаническим данным. КСИА, вып. 98.
- Лисицына Г. Н. 1964б. Древнейшие оросительные каналы на юге Туркмении. «Гидротехника и мелиорация», № 9.
- Лисицына Г. Н. 1965. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М.
- Лисицына Г. Н. 1966. Изучение геокюрской оросительной сети в Южной Туркмении в 1964 г. КСИА, вып. 108.
- Лисицына Г. Н., В. М. Массон, В. И. Сарияниди, И. Н. Хлопин. 1962. Итоги археологического и палеогеографического изучения Геокюрского оазиса. Тезисы докладов на заседаниях ИА АН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М.
- Лисицына Г. Н., В. М. Массон, В. И. Сарияниди, И. Н. Хлопин. 1965. Итоги археологического и палеогеографического изучения Геокюрского оазиса. СА, № 1.
- Марущенко А. А. 1939. Анау. Историческая справка. В кн.: Архитектурные памятники Туркмении, вып. I. Москва—Ашхабад.
- Марущенко А. А. 1956. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. ТИИАЭ АН ТуркмССР, вып. II, Ашхабад.
- Массон В. М. 1956. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куртина. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад.
- Массон В. М. 1957а. Джейтун и Кара-Тепе. СА, № 1.
- Массон В. М. 1957б. Древнеземледельческие племена Южной Туркменистана и их связи с Ираном и Индией. ВДИ, № 1.
- Массон В. М. 1957в. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, № 4.
- Массон В. М. 1959а. Древние земледельцы на юге Туркменистана. Ашхабад.
- Массон В. М. 1959б. Изучение анауских культур в 1956 году. КСИИМК, вып. 73.
- Массон В. М. 1959в. О культуре женского божества у анауских племен. КСИИМК, вып. 73.
- Массон В. М. 1961а. Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад.
- Массон В. М. 1961б. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад.
- Массон В. М. 1961в. Кара-Дене у Артыка. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад.
- Массон В. М. 1962а. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. САИ, БЗ—8, ч. II, М.—JI.
- Массон В. М. 1962б. Новые данные о Джейтуне и Кара-Дене. СА, № 3.
- Массон В. М. 1962в. Восточные параллели убейдской культуры. КСИА, вып. 91.

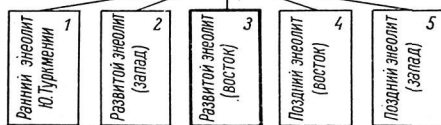
- Массон В. М. 1962г. Древнейшее прошлое Средней Азии. Автореф. докт. дисс. Л.
- Массон В. М. 1963. Средняя Азия и Иран в III тысячелетии до н. э. КСИА, вып. 93.
- Массон В. М. 1964а. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л.
- Массон В. М. 1964б. Традиция коллективных погребений в неолите Средней Азии, Афганистана и Индии. КСИА, вып. 101.
- Массон В. М. 1966. К эволюции оборонительных стен оседлых поселений. КСИА, вып. 108.
- Массон М. Е. 1953. Южно-Туркменстанская археологическая комплексная экспедиция 1947 г. ТЮТАКЭ, т. II, Ашхабад.
- Массон М. Е. 1955. Краткая хроника полевых работ ТЮТАКЭ за 1948—1952 гг. ТЮТАКЭ, т. V, Ашхабад.
- Пиотровский Б. Б. 1955. Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР. М.
- Протопопов Х. В. и С. В. Бутомо. 1959. Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду (С¹⁴). СА, № 2.
- Сарнианиди В. И. 1959а. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении. СА, № 2.
- Сарнианиди В. И. 1959б. Раскопки жилых комплексов на энеолитическом поселении Геоксюр. КСИИМК, вып. 76.
- Сарнианиди В. И. 1960. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, № 3.
- Сарнианиди В. И. 1961. Энеолитическое поселение Геоксюр. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад.
- Сарнианиди В. И. 1962а. Культурные здания поселений анауской культуры. СА, № 1.
- Сарнианиди В. И. 1962б. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса. КСИА, вып. 91.
- Сарнианиди В. И. 1963а. Земледельческие племена Юго-Восточной Туркмении. Автореф. канд. дисс. М.
- Сарнианиди В. И. 1963б. Керамические горны восточноанануских поселений. КСИА, вып. 93.
- Сарнианиди В. И. 1964. Хануз-Дене как памятник эпохи бронзы. КСИА, вып. 98.
- Сарнианиди В. И. 1965а. Геоксюрский могильник. В сб.: Новое в советской археологии, М.
- Сарнианиди В. И. 1965б. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, БЗ—8, ч. IV.
- Сарнианиди В. И. 1966. Раскопки в юго-восточных Каракумах в 1964 г. КСИА, вып. 108.
- Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. 1966. М.—Л.
- Трофимова Т. А. 1961. Расовые типы населения Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы. КСИЭ, XXXVI.
- Трофимова Т. А. 1964. Население Средней Азии в эпоху энеолита и бронзового века и его связи с Индией. Тр. МОИП, т. XIV.
- Трофимова Т. А., В. В. Гинзбург. 1961. Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад.
- Хлопин И. Н. 1958. Раскопки энеолитических поселений в бассейне Теджена. ИАН ТуркССР, № 5.
- Хлопин И. Н. 1960. К характеристике этнического облика ранних земледельцев Южного Туркменистана. СЭ, № 5.
- Хлопин И. Н. 1961а. Некоторые вопросы развития древнейших земледельцев. В сб.: Исследования по археологии СССР. Л.
- Хлопин И. Н. 1961б. Дашльджи-Дене и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад.
- Хлопин И. И. 1962а. Племена раннего энеолита Южной Туркмении (Геоксюрский оазис). Автореф. канд. дисс. Л.
- Хлопин И. Н. 1962б. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении. КСИА, вып. 91.
- Хлопин И. Н. 1963а. Ялангач-Дене — поселение эпохи энеолита. КСИА, вып. 93.
- Хлопин И. Н. 1963б. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. САИ, БЗ—8, ч. I.
- Хлопин И. Н. 1964а. Модель круглого жертвенника с Ялангач-Дене. КСИА, вып. 98.
- Хлопин И. Н. 1964б. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л.
- Хлопин И. Н. 1964в. Псевдубейдская орнаментация керамики в Южной Туркмении. КСИА, вып. 101.
- Хлопин И. Н. 1966. Орнаментальный геоксюрский крест. КСИА, вып. 108.
- Чайлд В. Г. 1956. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.
- Черных Е. Н. 1962. Некоторые результаты изучения металла анауской культуры. КСИА, вып. 91.
- Duerst J. U. 1908. Animal Remains from the Excavations in Anau and the Horse of Anau in its Relation to the Races of Domestic Horses. PCA, v. II, Wash.
- Dyson R. H. 1953. Archeology and the Domestication of Animals in the Old World. American Anthropologist, v. 55, № 5, pt. 1.
- Ghirshman R. 1937. Fouilles de Sialk près de Kashan. Musée du Louvre, Sér. archéol., v. V.
- Herzfeld E. 1941. Iran in the Ancient East. London—New York.
- Lloyd S. and F. Saffar. 1945. Tell Hassuna. JNES, v. IV, № 4.
- Masson V. M. 1961. The first Farmers in Turcmenia. Antiquity, v. XXXV.
- Masson M. E., V. M. Masson. 1959. Archeological Cultures of Central Asia of the Aeneolithic and Bronze Age. Cahiers d'histoire mondiale, v. V, № 1.
- McCown D. E. 1942. The Comparative Stratigraphy of Early Iran. SAOC, № 23, Chicago.
- McCown D. E. 1954. The Relative Stratigraphy and Chronology of Iran. In: Relative Chronologies in Old World Archeology, Chicago.
- Mollison Th. 1908. Some Human Remains found in the North Kurgan, Anau. PCA, v. II, Wash.
- Perkins A. L. 1949. The Comparative Archeologie of Early Mesopotamia. SAOC, № 25, Chicago.
- Pumpelly R. 1908. Ancient Anau and Oasis-world. PCA, v. I, Wash.
- Schellenberg H. C. 1908. Wheat and Barley from the North Kurgan, Anau. PCA, v. II, Wash.
- Schmidt E. F. 1937. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia.
- Schmidt H. 1908. Archeological Excavations in Anau and Old Merw. PCA, v. I, Wash.
- Sergi G. 1908. Description of some Skulls from the North Kurgan Anau. PCA, v. II, Wash.
- Warner L. 1908. Stone Implements and Skeletons excavated in Anau. PCA, v. II, Wash.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории.
ИАН ТуркмССР — Известия Академии наук Туркменской ССР.
ИАН ТуркмССР, СОН — Известия Академии наук Туркменской ССР, серия общественных наук.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МОИП — Московское общество испытателей природы.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
СЭ — Советская этнография.
ТИИАЭ АН ТуркмССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР.
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua.
JNES — Journal of Near Eastern Studies.
PCA — Prehistoric Civilisations of Anau.
SAOC — Studies in Ancient Oriental Civilisations.
-

Выпуски свода по неолиту юга Средней Азии

Неолит	Западная область			Восточная область		
	Анау	Кара-Депе	Намазга-Депе	Илгыны-Депе	Геоксюр	
Поздний		Ia	III	III	Геоксюрский период	
		16				
Развитый	II	2	II	II		1
		3			2	
		4			3	
		5			4	
					5	6
Ранний	Ib	Шурф N°1, ярусы XVI-XXVI	I	I	Дашлыджинский период	
						8
	Ia					9
						10

Табл. I. Памятники развитого неолита юга Средней Азии и синхронистическая таблица археологических комплексов.

I — Юго-Западный район: 1 — Тильячи-Депе; 2 — Ак-Депе; 3 — Анау; 4 — Кара-Депе; 5 — Намазга-Депе; 6 — Серманча-Депе; 7 — Улуг-Депе (В. Массон, 1932а); II — Восточный район: 8 — Илгыны-Депе; 9 — Алтын-Депе; 10 — Саракское поселение; 11 — 19 — геоксюрская группа поселений (см. врезку).

Табл. II. Цветовая гамма образцов керамики времени развитого неолита с поселений геоксюрской группы.

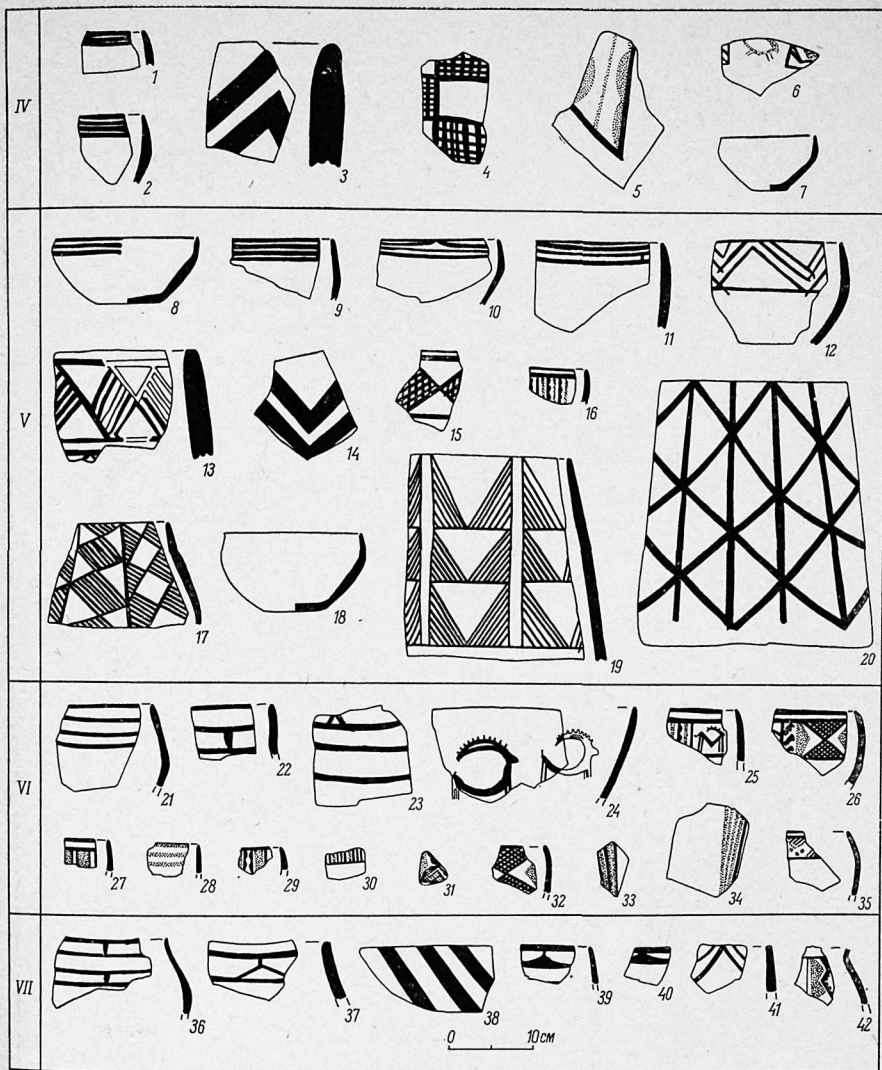

Табл. III. Геоксюр 1. Керамика из шурфа.

1-7 — IV строительный горизонт; 8-20 — V строительный горизонт; 21-35 — VI строительный горизонт; 36-42 — VII строительный горизонт (Саринди, 1960).

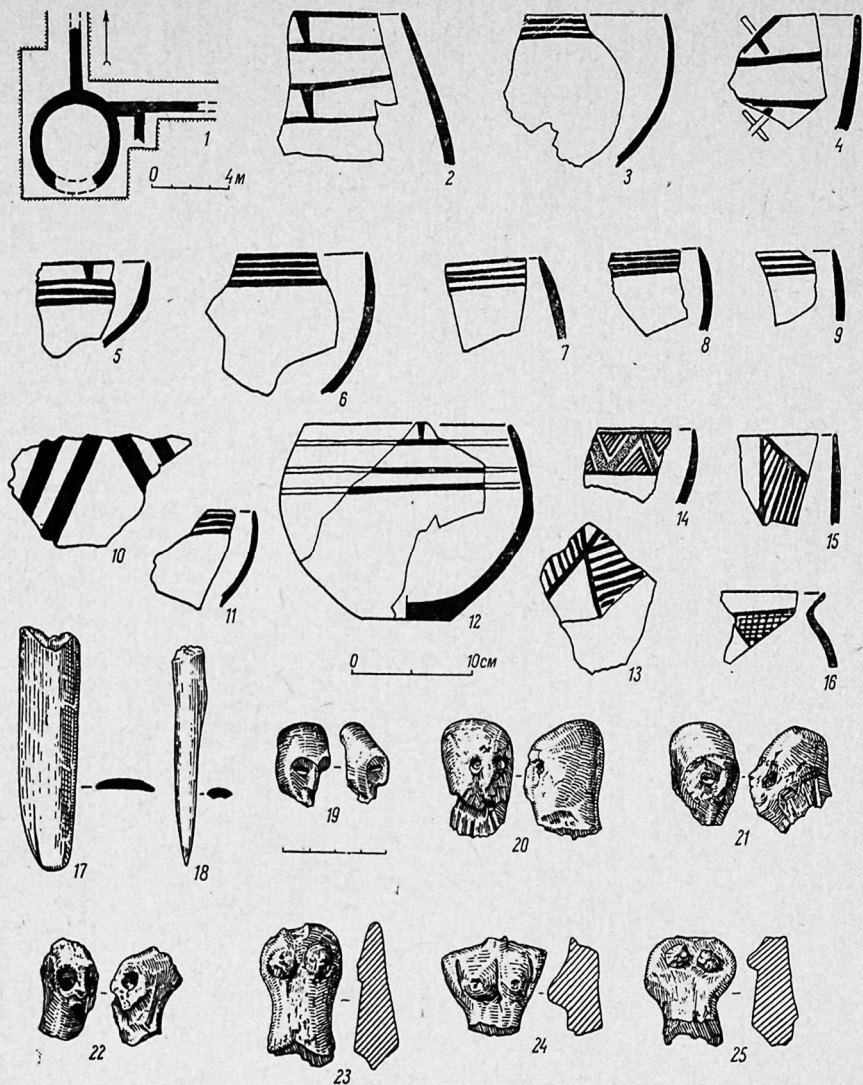

Табл. IV. Геоксюр 1.

1 — раскоп 1963 г.; 2—16 — керамика из раскопа 1963 г.; 17, 18 — костяные орудия; 19—25 — обломки женских статуэток (сборы В. И. Сарганди).

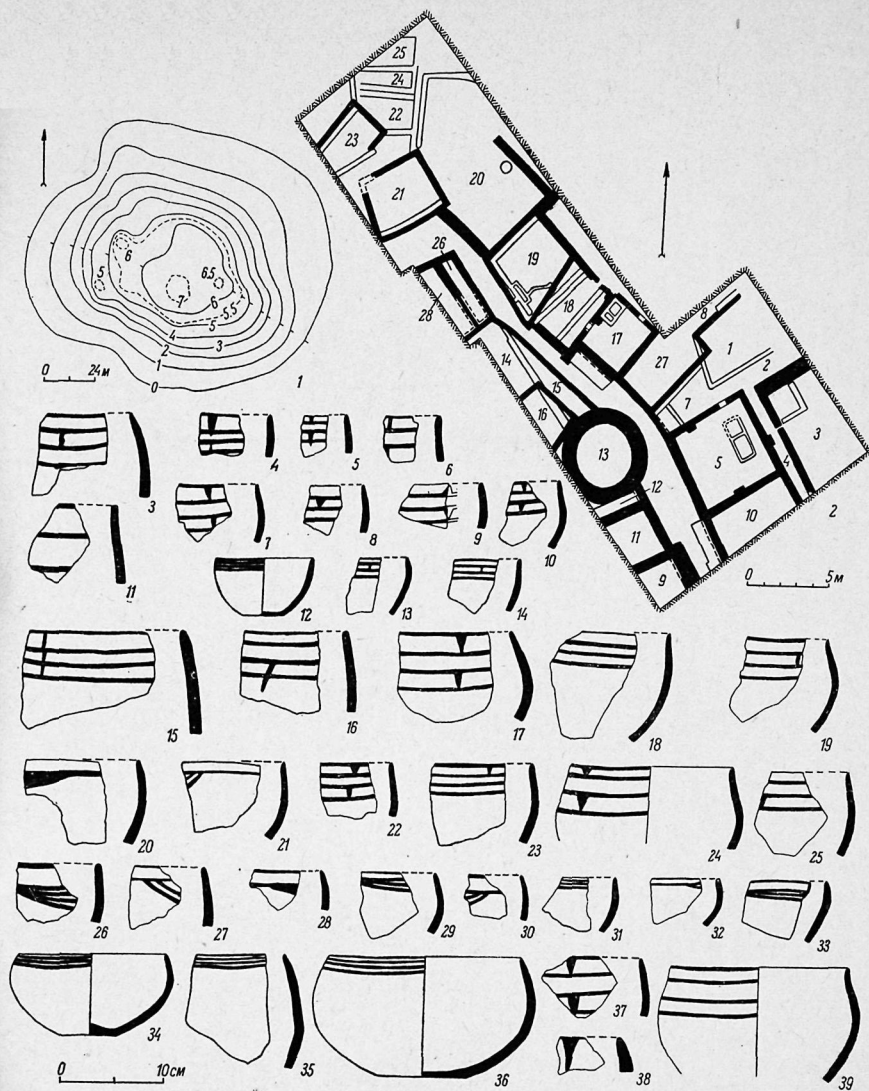

Табл. V. Акча-Депе (Геоксюр 2).

1 — план холма; 2 — планировка вскрытой части поселения (черным показаны стены основного комплекса); 3—39 — керамика.

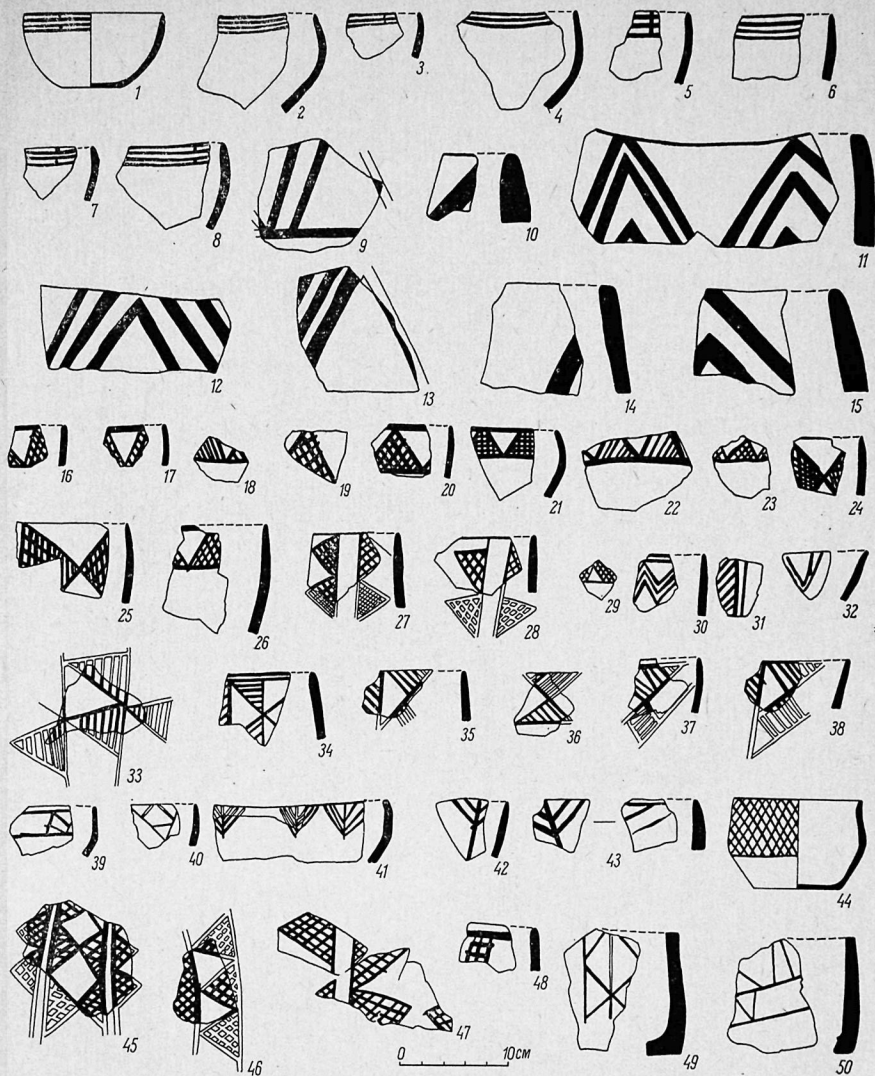
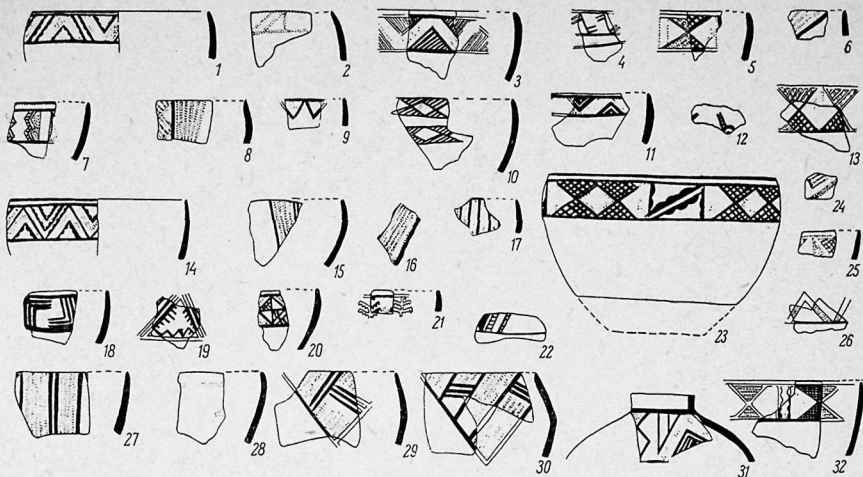
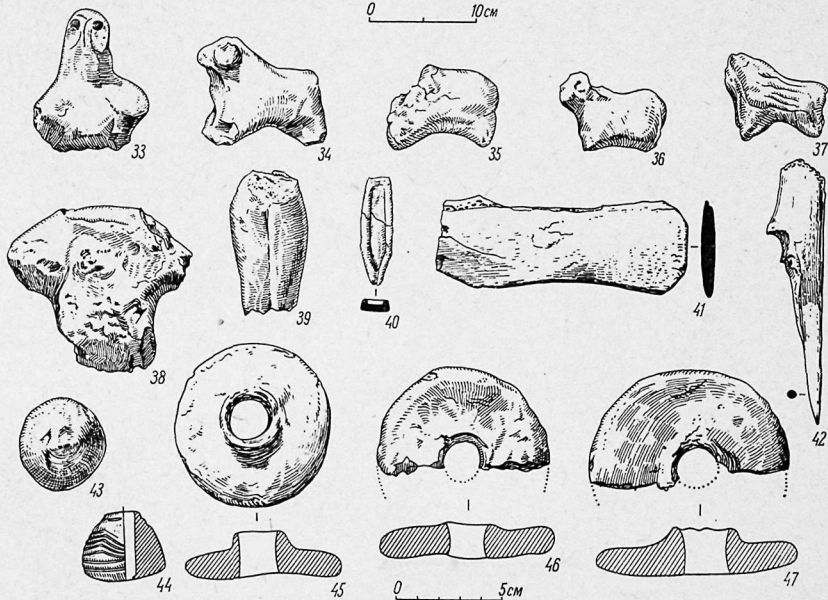

Табл. VI. Акча-Депе (Гокчор 2).
1—50 — керамика.

0 10cm

0 5cm

Табл. VII. Акча-Деве (Геоксюр 2).

1—32 — керамика; 33—47 — подселки из необоженной (33—39, 43, 45—47) и обоженной (44) глины, металла (40) и кости (41, 42).

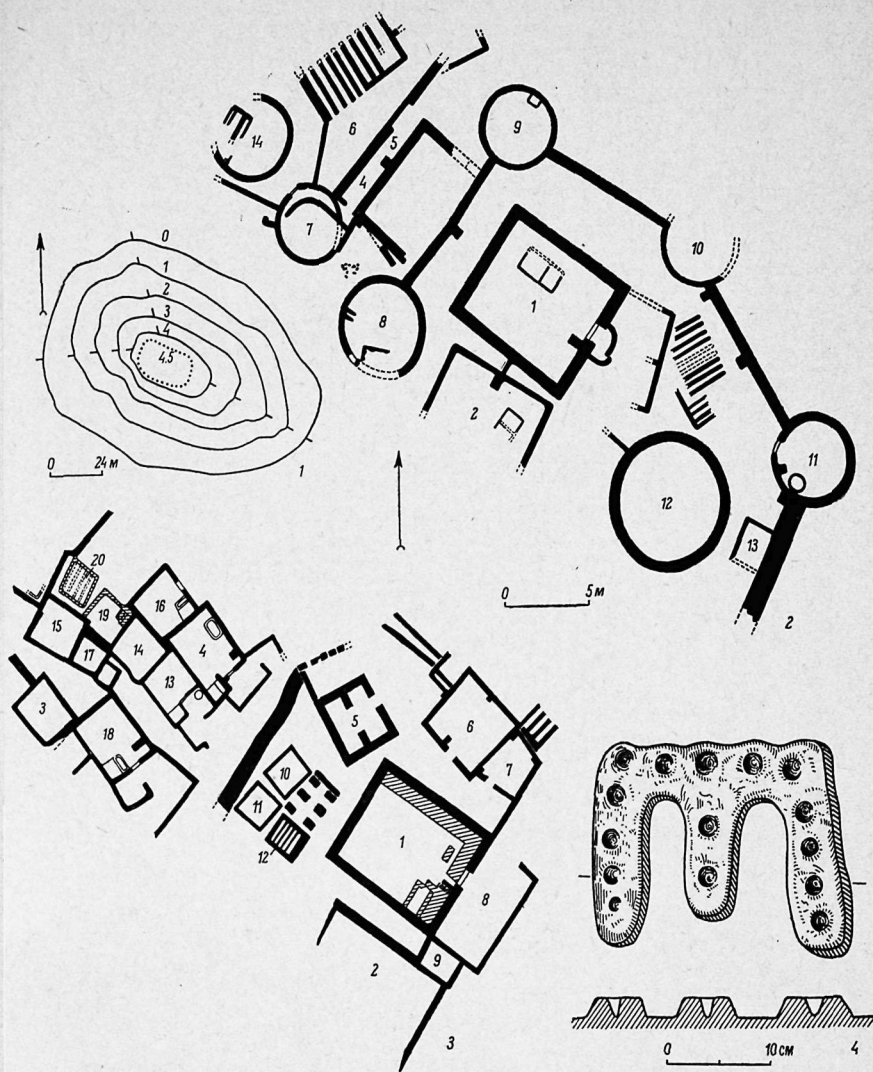

Табл. VIII. Ялангач-Депе (Геоксюр 3).

1 — план холма; 2 — планировка первого строительного горизонта; 3 — планировка второго строительного горизонта; 4 — глиняный напел на юго-западной стене помещения 1 второго строительного горизонта.

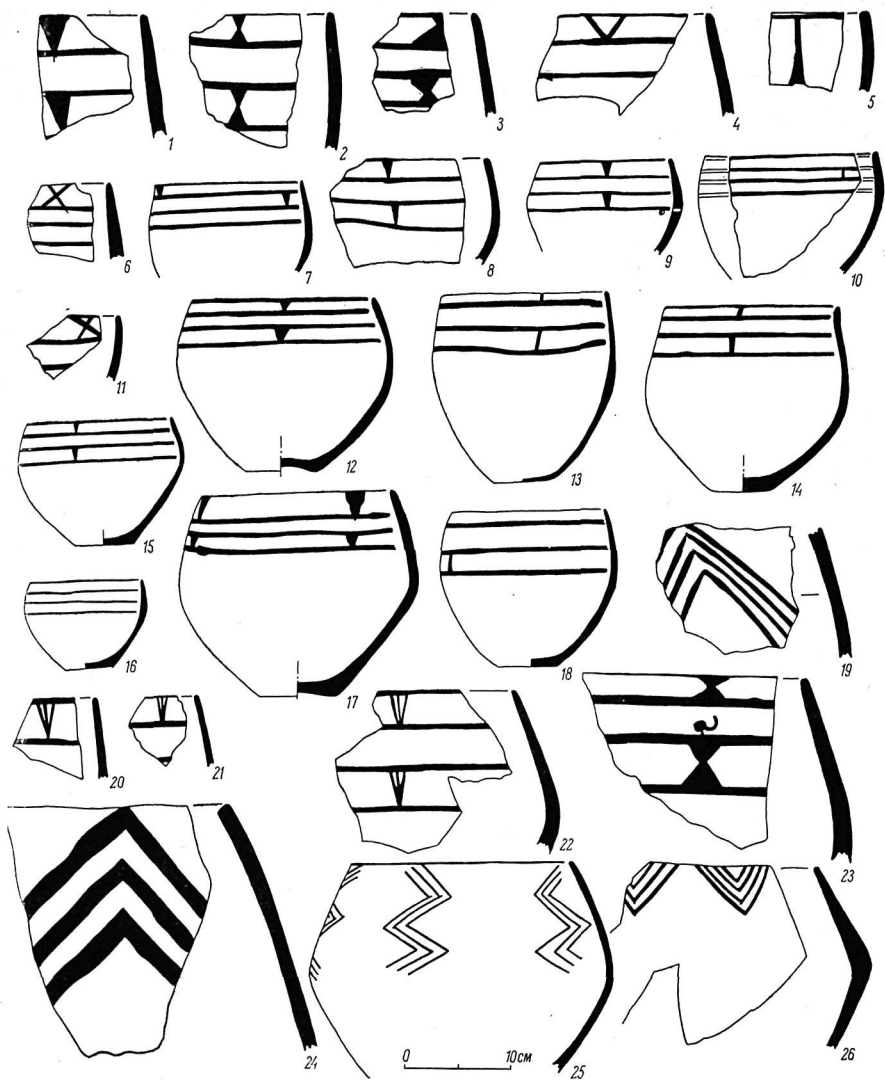

Табл. IX. Ялангач-Депе (Геоксюр 3).

1—26 — керамика.

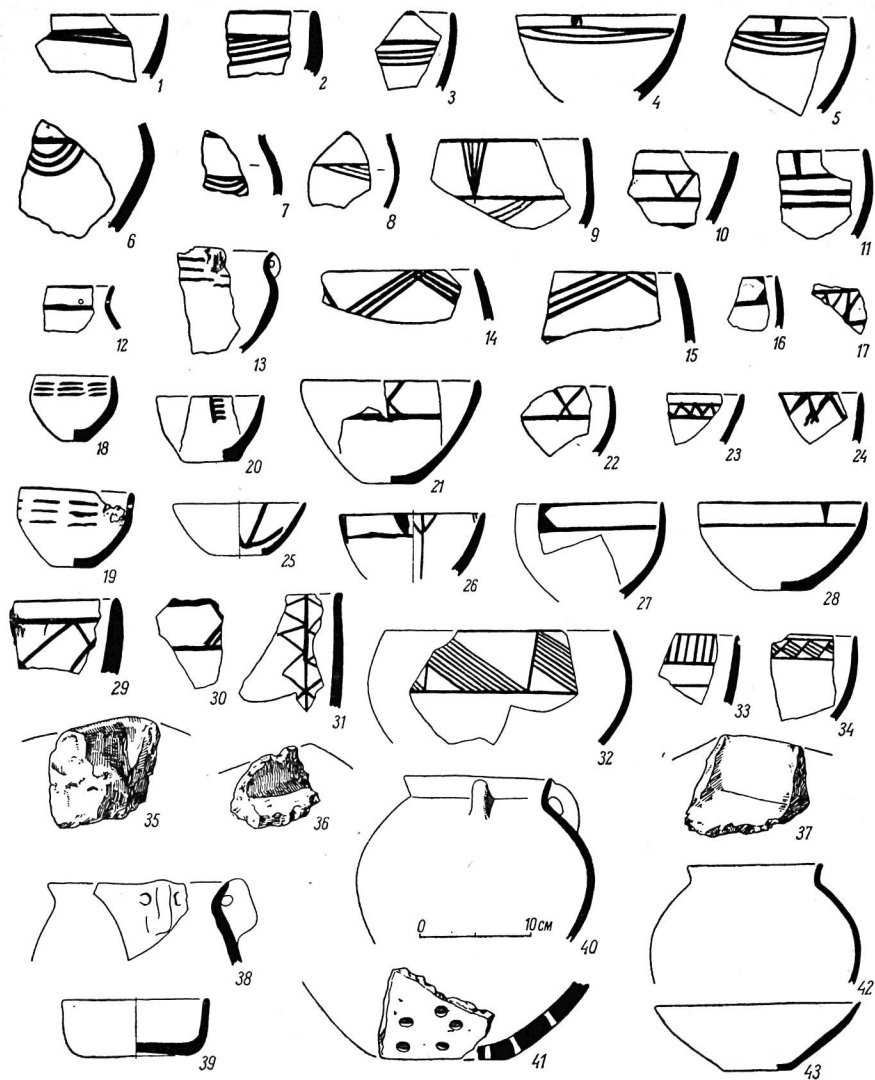

Табл. X. Ялагач-Депе (Геоксюр 3).
1—43 — керамика.

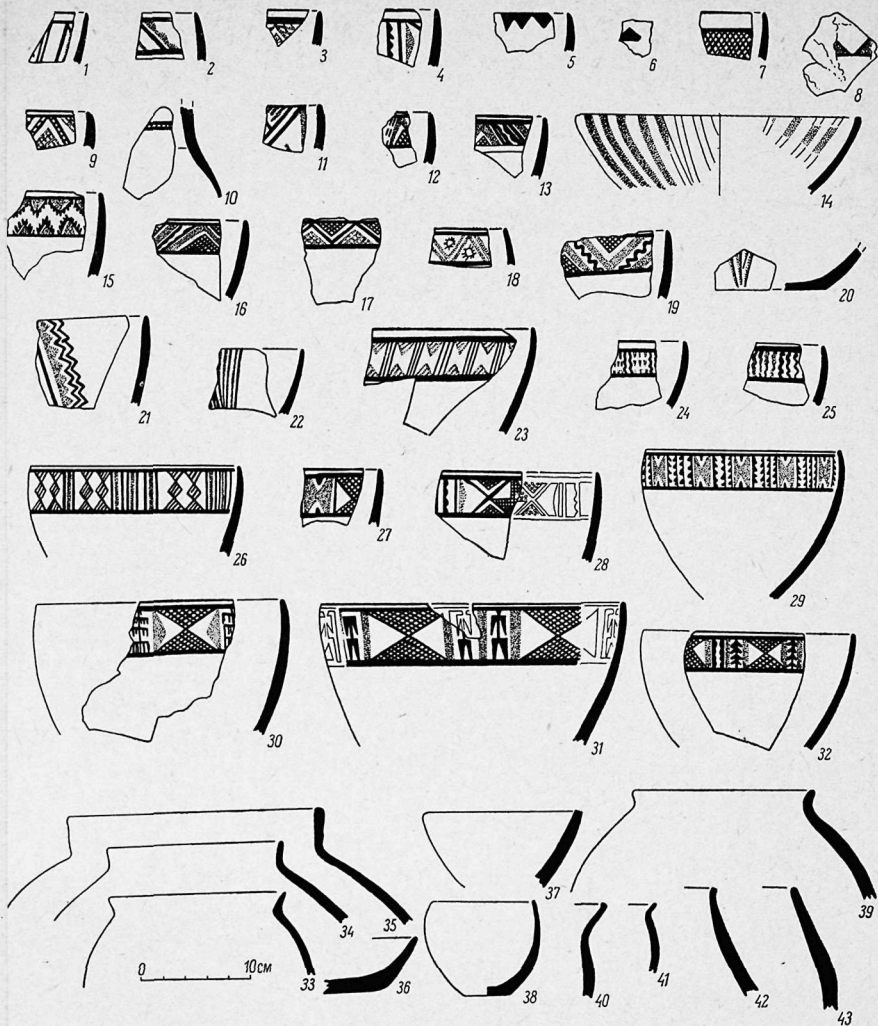

Табл. XI. Ялагач-Депе (Геокюр 3).

1—43 — керамика.

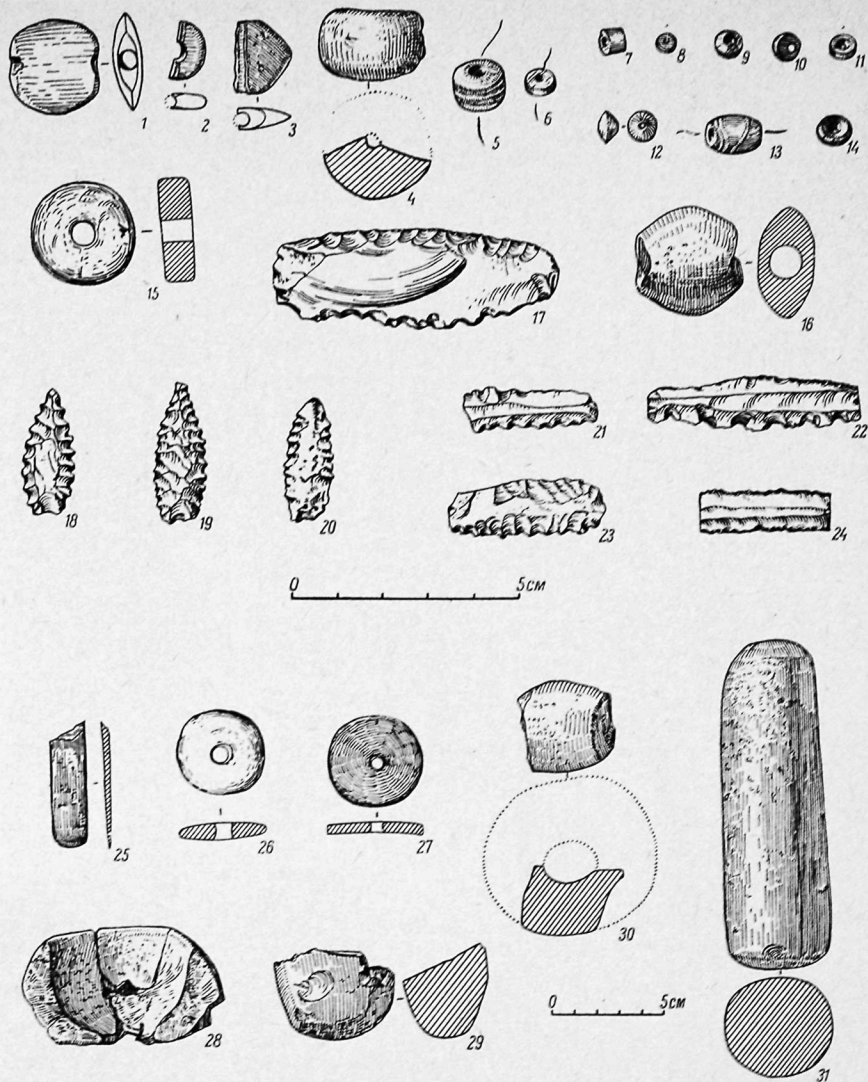

Табл. XII. Ялангач-Депе (Геокюр 3). Изделия из камня.

1-16 — бусы и прошивки; 17—19, 21—24 — кремневые изделия от животных костей; 20 — кремневое сверло; 25 — сланцевый шпатель; 26, 27 — веретенные напильки; 28 — обломок сосуда; 29 — отжимник; 30 — обломок грузила; 31 — пост.

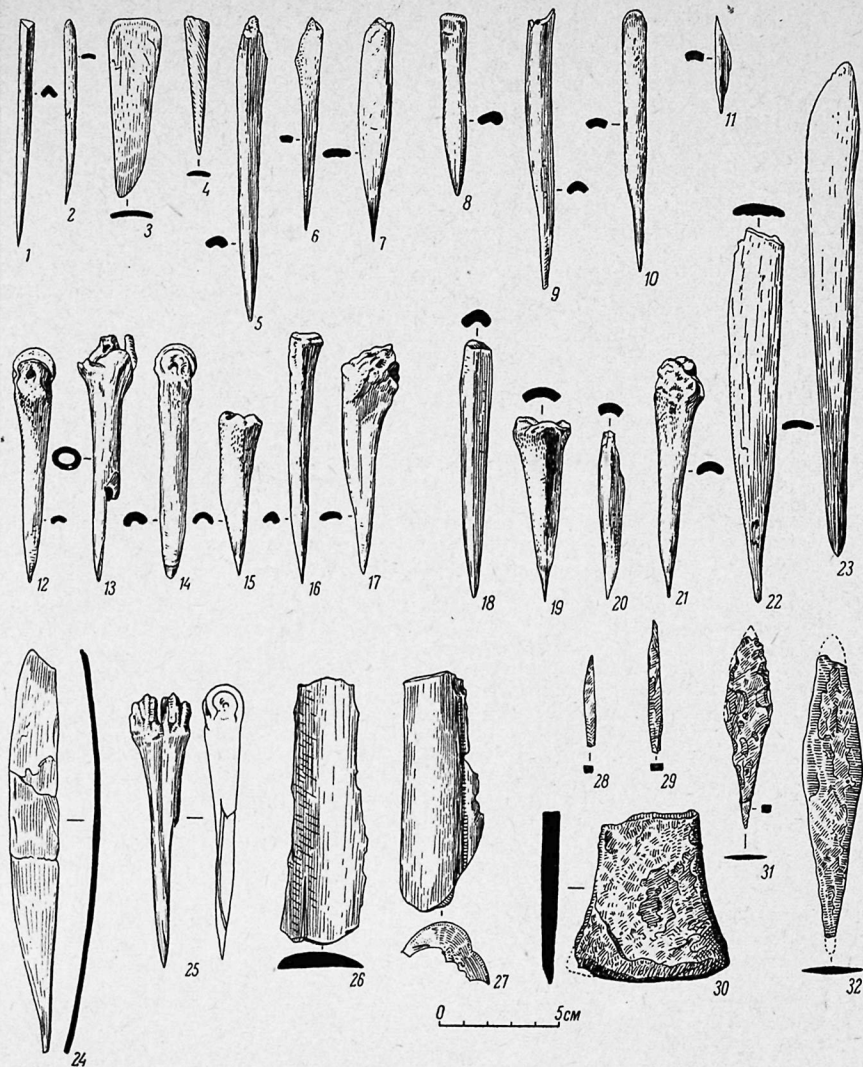

Табл. XIII. Ялангач-Депе (Геоксюр 3). Изделия из кости (1—27) и меди (28—32).

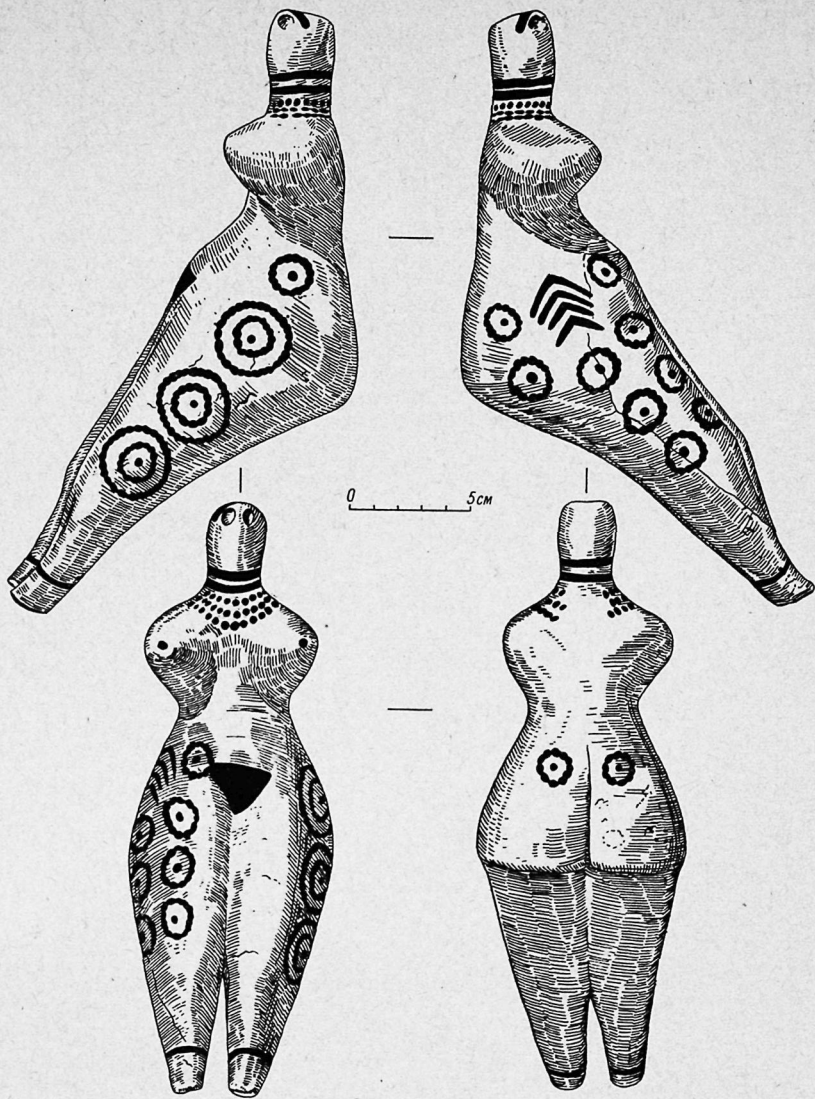

Табл. XIV. Ялангач-Депе (Геоксюр 3). Терракотовая женская статуэтка.

Табл. XV. Ялагач-Депе (Геоксюр 3). Фрагменты женских статуэток из обожженной (1—19) и необожженной (20, 21) глины и камня (22).

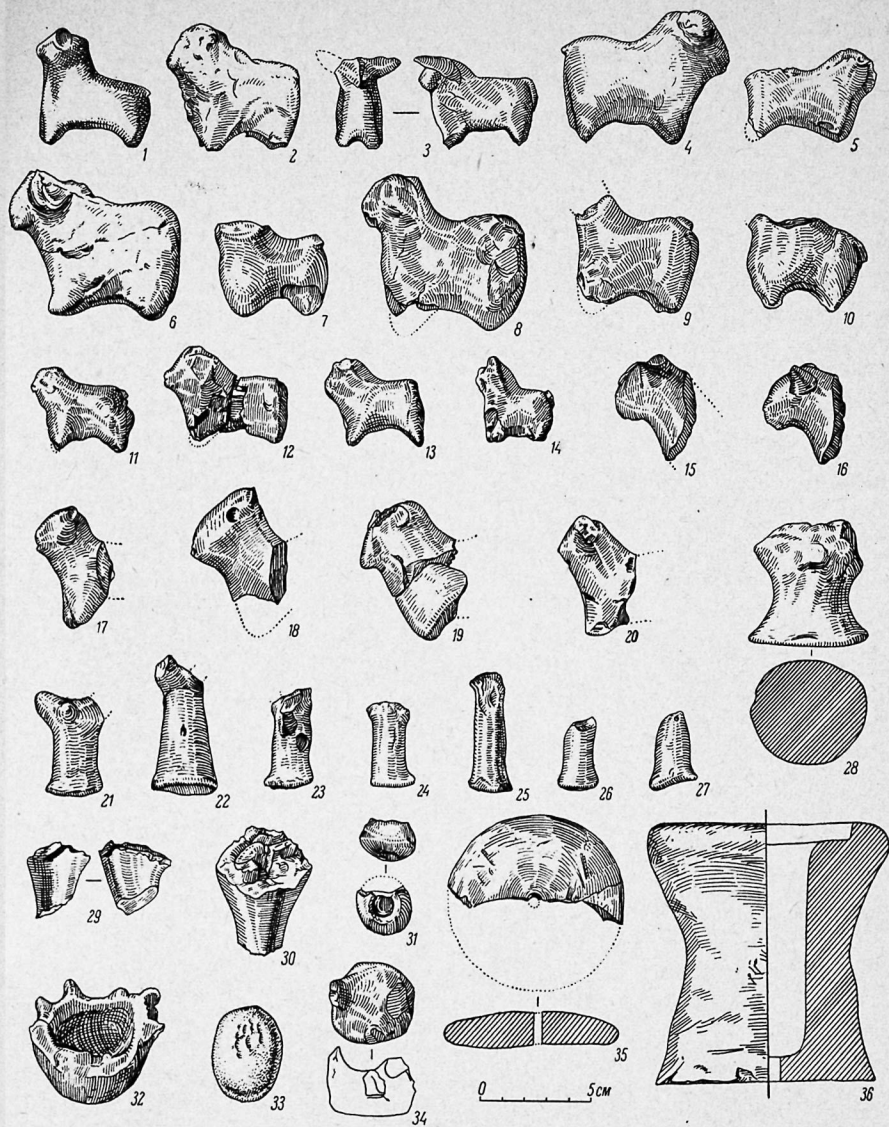

Табл. XVI. Ялангач-Деле (Геоксюр 3).

1 — 20 — фигурки животных; 21—31, 33—35 — различные подделки из обожженной и необожженной глины; 32 — миниатюрный сосуд; 36 — модель жертвенника.

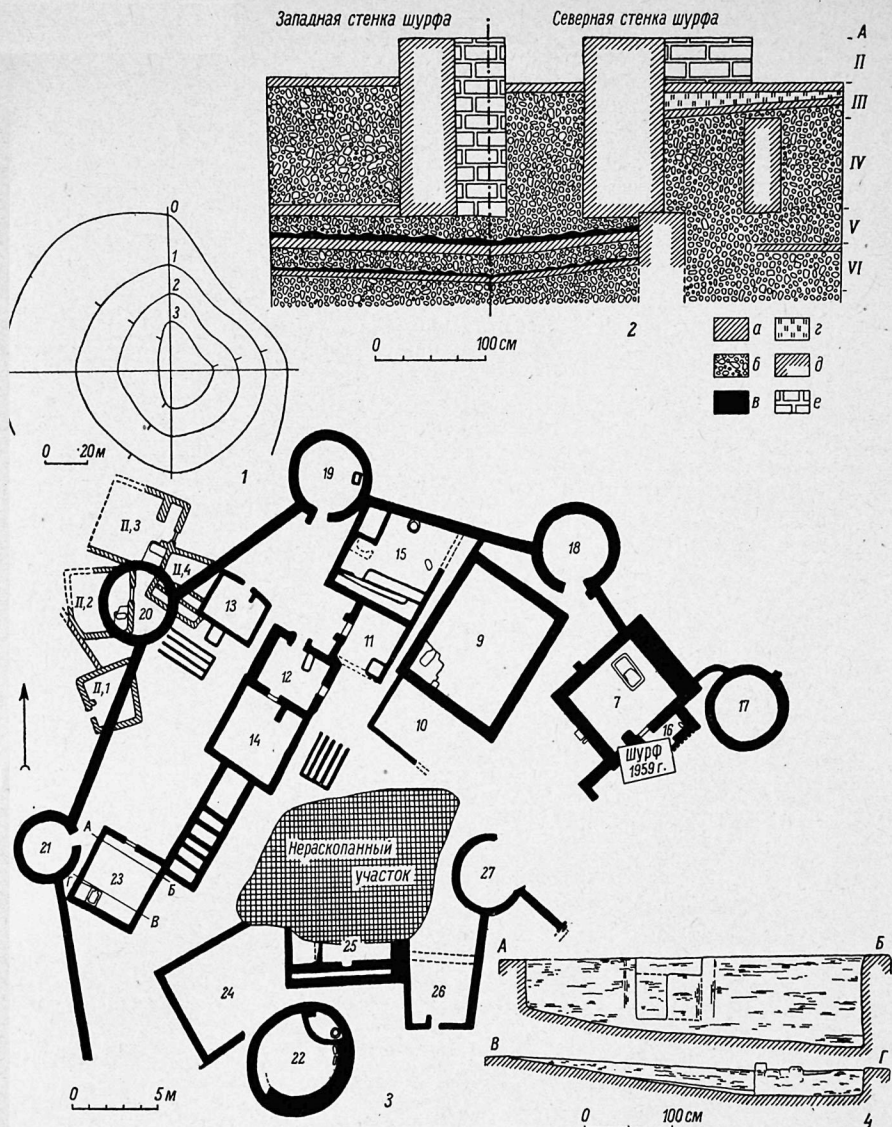

Табл. XVII. Муллали-Депе (Геокюр 4).

1 — план холма; 2 — профиль стенок шурфа 1959 г.; II—VI — строительные горизонты. А — уровень пола помещения 7 верхнего строительного горизонта, а — завал из сырвого кирпича, б — слой угля, в — слой глины, г — стена в разрезе, д — плоскость стены; 3 — планировка вскрытой части поселения; 4 — разрезы через помещения 7, 23.

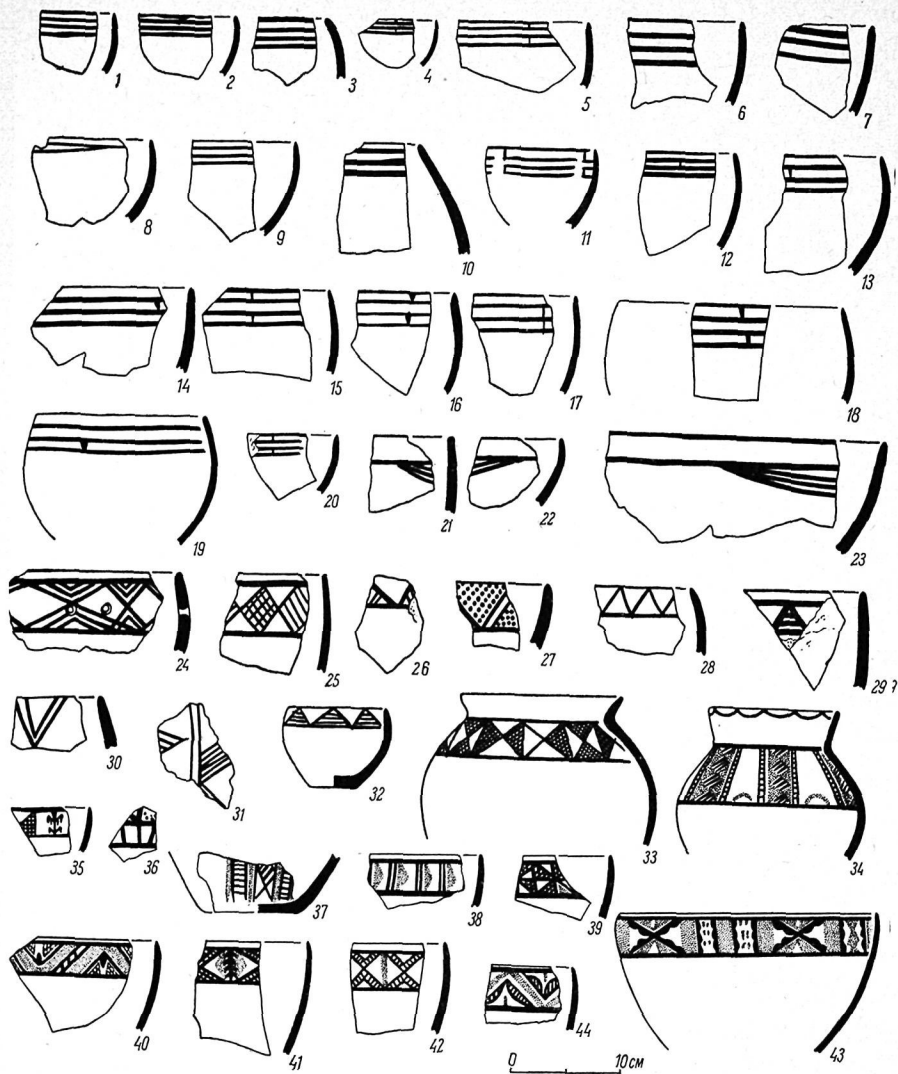

Табл. XVIII. Муллалл-Дене (Геоксур 4).
1—43 — керамика.

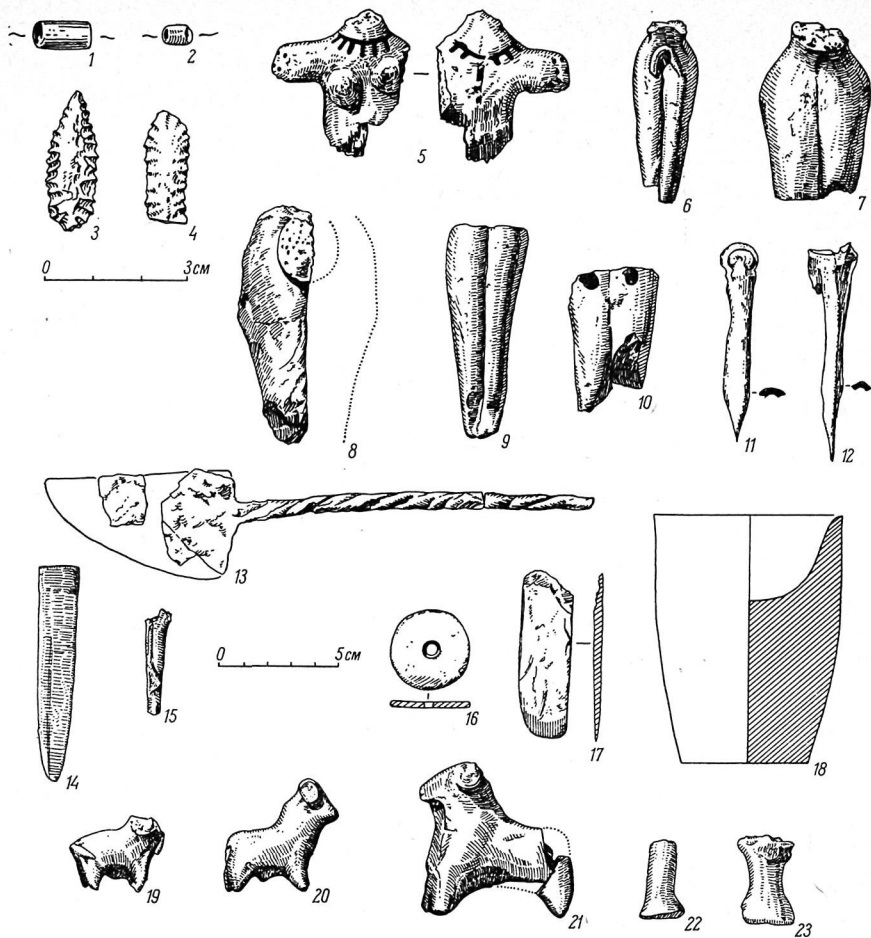

Табл. XIX. Муллали-Деше (Геоксур 4). Изделия из камня (1—4, 16—18), кости (11, 12), меди (13—15), обожженной (5—10) и необожженной (19—23) глины.

Табл. XX. Чонг-Дене (Геоксур 5).

1 — план холма; 2 — профили южной (А) и северной (Б) стенок шурфа: I—X — ярусы, 1—7 — строительные горизонты, а — горизонтальные напечные слои с рыхлыми прослойками коричневой земли, б — зольники, в — плотный завал сырца, г — плотный культурный слой с угольками и комками извести, д — стены в разрезе, е — зеленоватые слои; 3—19 — керамика из V яруса; 20—34 — керамика из VI яруса; 35—50 — керамика из VII—X ярусов.

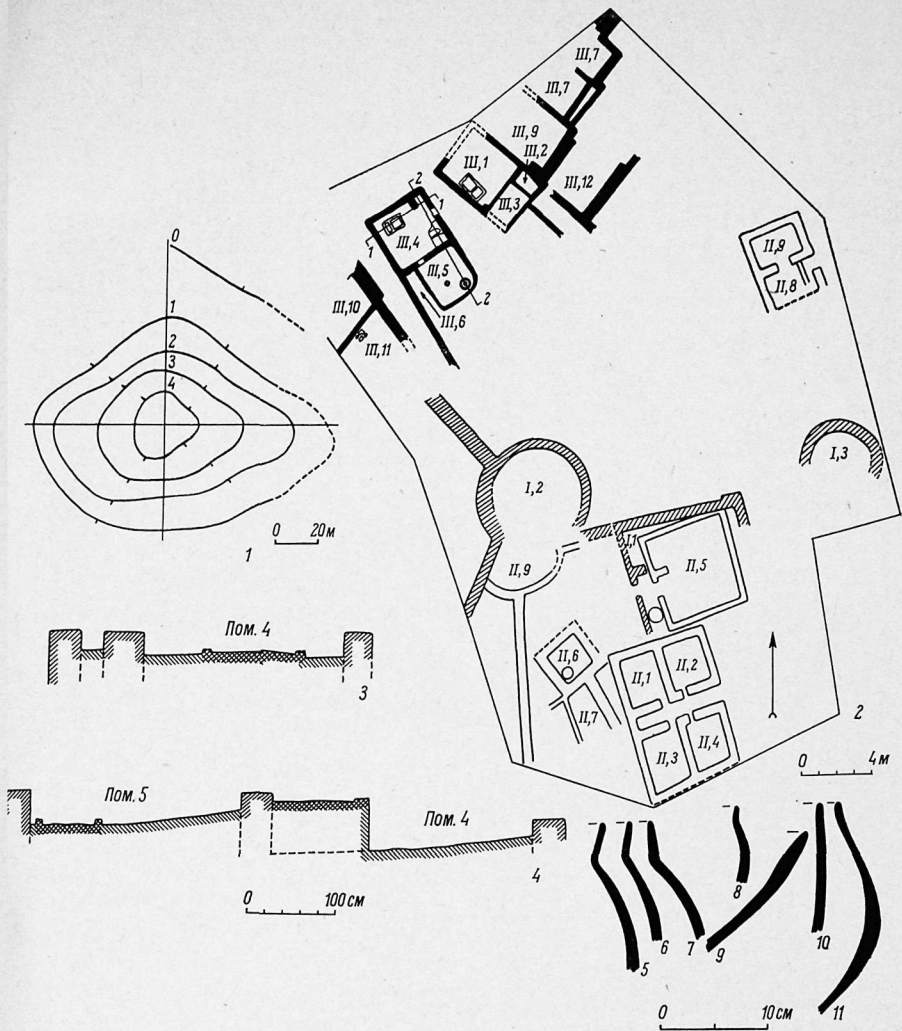

Табл. XXI. Айна-Депе (Геокюр 6).

1 — план холма; 2 — планировка открытых частей поселения; 3 — разрез через помещение 4, третьего строительного горизонта по линии 1—1; 4 — разрез через помещения 4 и 5 третьего строительного горизонта по линии 2—2; 5—11 — профили нерасписанной керамики.

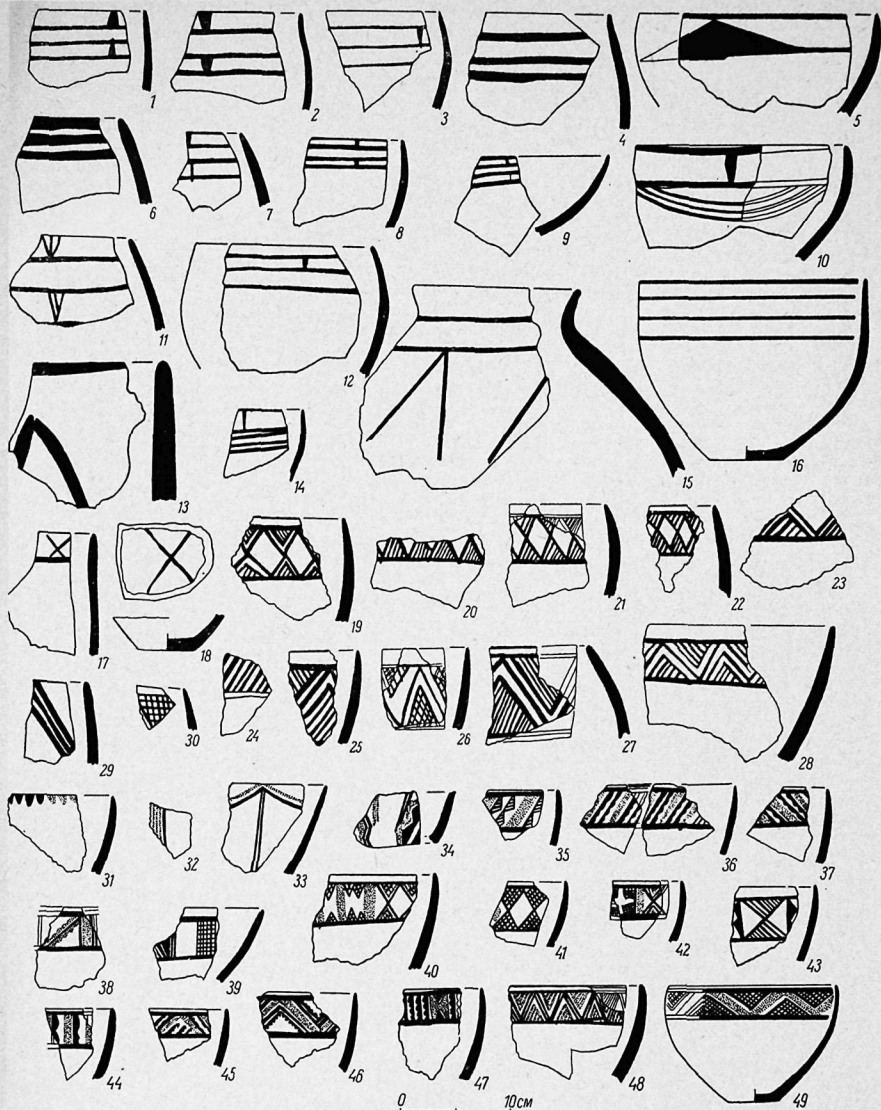

Табл. XXII. Айна-Дере (Геокюр 6).

1—49 — керамика.

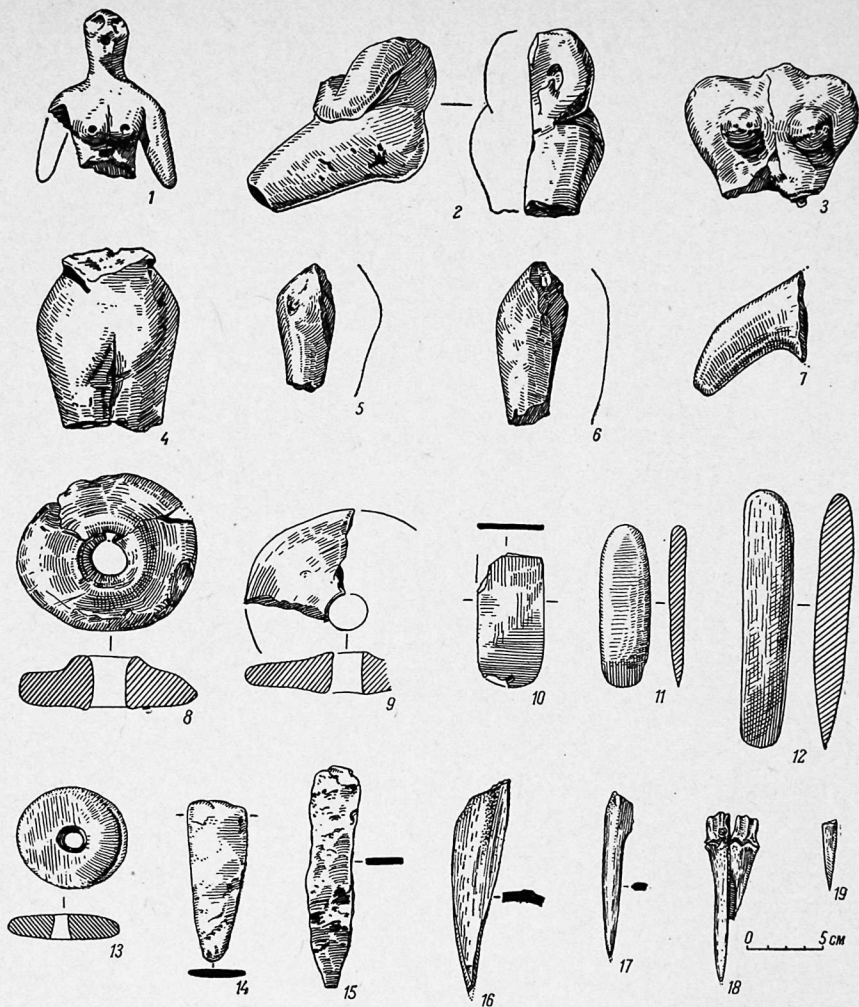

Табл. XXIII. Айна-Депе (Геокюр 6). Изделия из обожженной (1—7) и необоженной (8, 9) глины, камня (10—13), меди (14, 15) и кости (16—19).

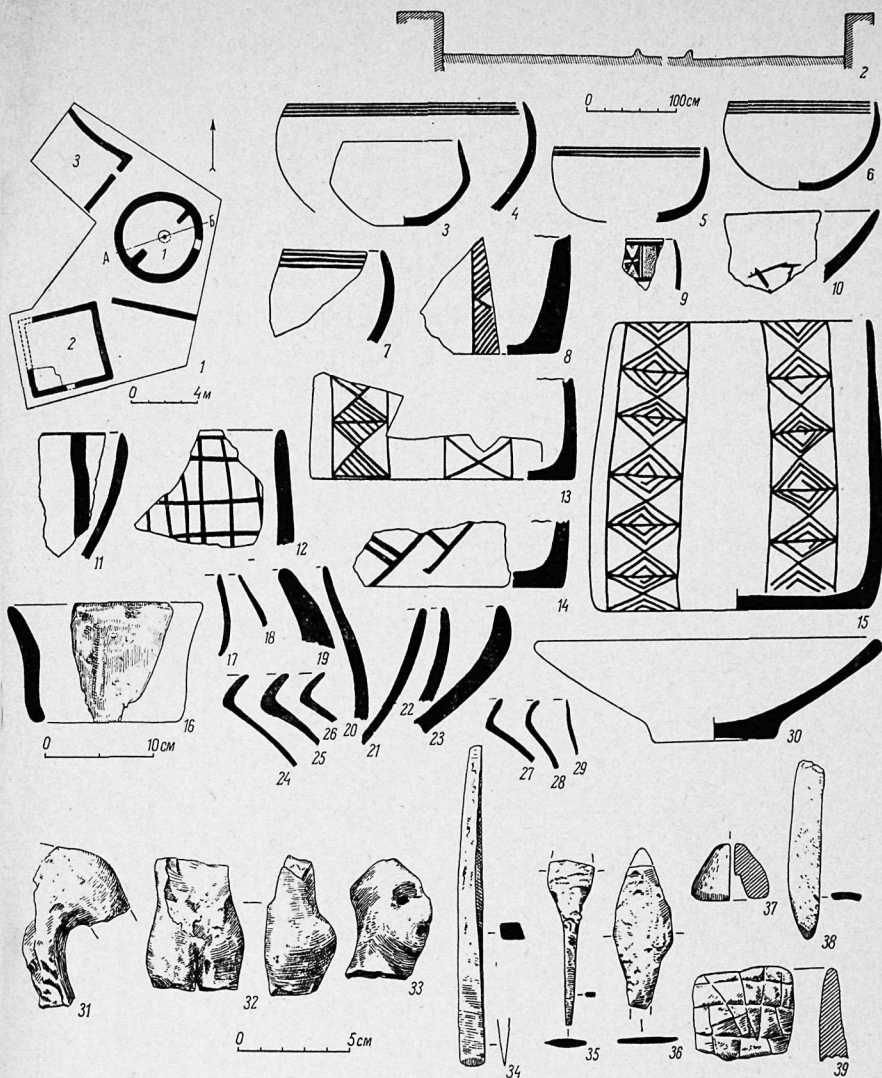

Табл. XXIV. Геоксюр 7.

1 — план вскрытой части поселения; 2 — разрез через помещение 1; 3—30 — керамика; 31, 32, 37 — изделия из обожженной глины; 33, 34, 39 — из камня; 35, 36 — из меди; 38 — из кости.

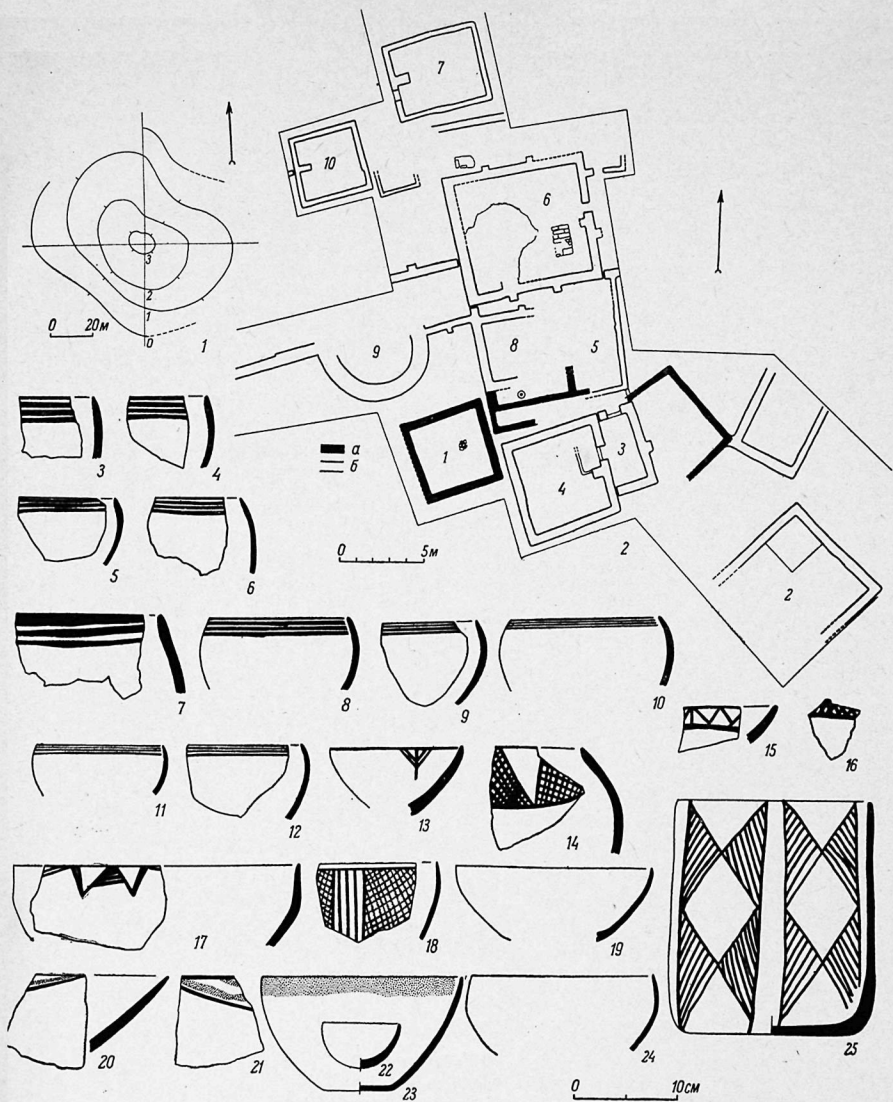

Табл. XXV. Геоксюр 9.

1 — план холма; 2 — план открытой части поселения; 3—25 — керамика.

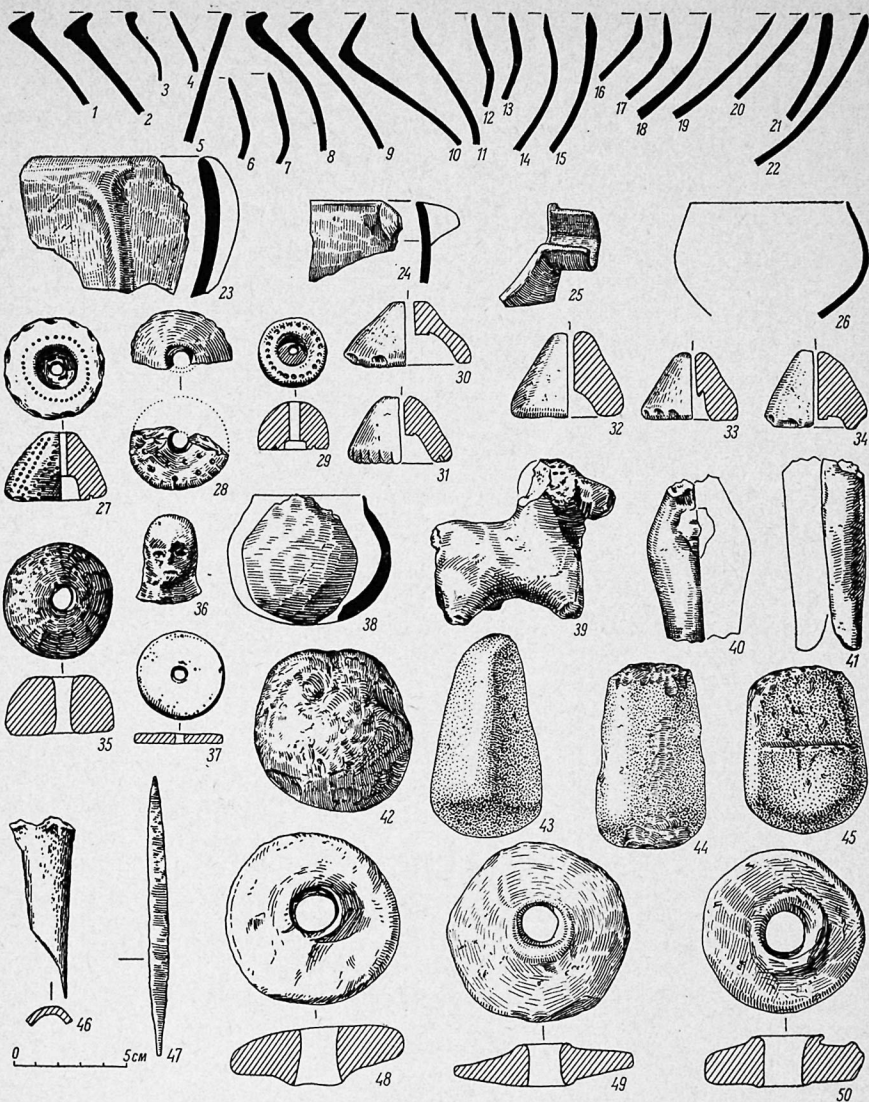

Табл. XXVI. Геоксюр 9. Неразписная керамика (1—26), изделия из обожженной (27—34, 37—41) и необожженной (48—50) глины, камня (35, 36, 42—45), кости (46) и меди (47).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	5
Памятники Юго-Восточной Туркмении	7
Орудия, инструменты и органические остатки	14
Керамика	17
Классификация	17
Характеристика керамики по памятникам	23
Вопросы относительной и абсолютной хронологии	29
Вопросы происхождения типов орнамента ялангачского комплекса	32
Дальнейшие судьбы ялангачского орнаментального комплекса	37
Глиняная скульптура и поделки	42
Антропоморфная скульптура	42
Зооморфная скульптура	44
Глиняные поделки	45
Заключение	46
Библиография	52
Список сокращений	54
Таблицы I—XXVI	55—103

Игорь Николаевич Хлопин

ПАМЯТНИКИ РАЗВИТОГО ЭНЕОЛИТА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ТУРКМЕНИИ

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства В. Т. Бочевер. Художник М. И. Разулевич
Технический редактор Л. М. Семенова. Корректор Н. П. Яковлева

Сдано в набор 26/XII 1968 г. Подписано к печати 13/VI 1969 г. РИСО АН СССР № 120—126Р.
Формат бумаги 60×90¹/₈. Бум. л. 6¹/₈. Печ. л. 13+1 вкл. (1/4 печ. л.)=13³/₄ усл. печ. л. Уч.-изд.
л. 9.71. Изд. № 3859. Тип. зак. № 1468. М-12838. Тираж 1000. Бумага типографская № 1. Цена 98 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука». Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

